

Марти Сью

попаданец в мир эльфов

Сержант

РУБИ И КРОМСАЙ!!!

И корона

Мир оскалил клыки- так и вдарь от души ему по зубам! Бей первым! Любые интриги стоят очень мало против прямого в челюсть! Спецназовец попадает в тело принца-полукровки и пытается вначале выжить, а потом отстоять свою независимость. Обучение и постепенное обретение силы? К чертям собачьим, он уже крутой! И горе побежденным!

Глава 1. Соло для снайпера

Сержант Воронов.

С первыми каплями дождя Ворон понял- все, сегодня последний день. Не крайний — именно последний. Крупные, словно вишни, капли всюду молотили по штормовке, делая груз и одежду заметно тяжелее. Хрусткая раньше хвоя теперь бесшумно и мягко пружинила под берцами и все чаще хлюпала и чавкала. Заплутавший в кронах ветер нес запах ели, сырости, свежести и новой жизни. Только вот для Ворона все уже было закончено. Впрочем, всерьез выжить после этой акции Воронов и не рассчитывал. Группу штрафников списали, отправив на самоубийство- но он и этому был рад. Увидеть небо без клеток, вдохнуть такой пьянящий и желанный запах леса и свободы. Сделать что-то важное. Пусть и напоследок.

Когда человек, подло и дико обокравший твою Родину, уезжает в страну продажных законов и на украденные деньги начинает кампанию по обливанию грязью этой самой обворованной Родины- это плохо. Плохо для Родины, плохо для ее репутации. Если же вдруг этого человека заставляет раскинуть мозгами пуля калибром двенадцать и семь десятых миллиметра- это хорошо. Хорошо для репутации. И для Родины хорошо. Это справедливо. Только вот справедливость- удовольствие очень дорогое. А потому баксами и прочей подобной макулатурой за нее не расплатиться. Не расплатиться даже чистым золотом. Кровь и жизнь- вот валюта абсолютной ликвидности. Оплачивают такие счета своей и чужой кровью. И жизнью. Сегодня на кассе лежали жизни Ворона и его лучших друзей. Единственных настоящих друзей. И расчет уже шел полным ходом. Из полного отделения их осталось всего двое.

Все и так было не просто- потом и вовсе пошло наперекосяк. Цель сактировали безупречно. Объект банально подставился — сам вдруг вылез из стальной скорлупы и Ворон, который вел его в прицел, отстрелялся на кураже. Расстояние было еще слишком велико, но он снайперской своей печенкой вдруг почувствовал, что ляжет как надо. И легло, еще как легло! Охрану, считай, переиграли вчистую, не пролив напрасную кровь. По негласным законам наемников им должны были дать уйти. С шумом, стрельбой, погоней, даже кровью — но без потерь. Наемники убивают ради денег, а не ради мести. Да и какая тут может быть месть- и те и другие профессионалы. Делают свою работу — просто сегодня одни из них оказались лучше. Или удачливее. Так за что мстить? Так рассудили бы мудрые азиаты. Но наняты были чертовы наглосаксы — стремясь отработать щедрый гонорар, а может, и действительно почувствовав себя оскорбленными — они воевали по-настоящему. Когда залпом тяжелого выбили Ганса и Татарина — Ворон огрызнулся. Огрызнулся всерьез. Пятеро диких гусей, или кто они там были, отправились к своим верхним людям в поля вечной охоты. Наглосаксы не только не поняли намека- они совсем озверели. И звереют вот уже восьмые сутки. За Татаринцем и Гансом ушли еще трое. У наглосаксов потери приближались уже к пятому десятку- убежать всегда легче. Совсем кисло стало, когда подключились вертушки- укрыться от них в зеленке было не так уж и трудно, а вот то, что наглам регулярно подбрасывали продукты и боеприпасы- это раздражало. Нельзя сказать, что отделение нуждалось в боеприпасах или голодало- успели подхватить снарягу выбывших. Но на надеждах измотать противника и уйти можно было смело ставить крест. Пять раз летучие делали высадку десанта по ходу движения- и каждый раз удавалось сделать петлю, а иногда и неплохо проредить самих этих высаженных. Но каждый раз прыгуны

соединялись с основной группой загонщиков. С тупостью и настырностью английского бульдога наглы все перли и перли по следу. Отправляя раненых и вымотанных в тыл вертушками и не сбавляя темпа.

Происходящее никак не укладывалось в привычную логику. Вертолеты, орды преследователей — все это стоило просто нереальных денег. Тратить такие ресурсы ради поимки обычных киллеров? Глупо и нерационально. Дорого- одно это должно было остановить наглов. Всегда останавливало. Но не в этот раз. Не остановило. Впрочем, очевидно, что по объекту предоставили лишь необходимый минимум информации. Так что вполне возможно, что пустить группу ликвидаторов в расход для наглов теперь действительно дело чести. Не могут они позволить себе потерять лицо перед работодателем.

К вечеру восьмого дня янкесы здорово поумнели- определив примерно местонахождение остатков отделения Ворона десант выбросили по периметру километров в десять и сразу четыре группы. Наученные, работали парой- один крылатый выбрасывает, второй прикрывает. Ворон скрипел зубами от бессилия, но любая его активность была бы гарантированной смертью. Впрочем, как не кинь- всюду смерть- он видел ее теперь абсолютно отчетливо. Была у него такая особенность — чуют беду. Мог накаркать. Иногда даже прислушивались. Вот теперь и себе накаркал. Единственный оставшийся напарник- Орфей — на коротком привале выключился и не включился обратно. Насмешка судьбы- он не был даже ранен, вывернулся из под огня без единой царапины, десятков покойных янкесов уверенно мог записать на свой счет- а вот поди ж ты. Восемь суток изнуряющего, почти круглосуточного, бега — и все. Упал и уже не встал. Бензин закончился... И теперь смертельная ловушка разворачивалась только ради одного. Осознание неизбежного не обессилело Ворона. Напротив- он стал вдруг дико оживленным и деятельным. Едва сошла ночная мгла, Ворон стал готовить место последней битвы.

Полтора десятка РГДшек ушли на растяжки. Монки всего три — но и это хлеб с маслом. Тяжелые, заразы, но хлопот стоят- того не отнять. Мир тебе, Орфей — всю эту тяжесть тащил на своем горбу- что ж, пригодилось. Тело покойного Орфея станет отличной приманкой — этот безбашенный будет только благодарен за возможность даже после смерти отправить вслед за ним пару врагов. Дырокол пришлось бросить на месте акции — но есть безликая неучтенная СВД — таких по миру десятки и сотни тысяч, если не миллионы. В умелых руках — а руки у Ворона золотые с платиновыми контактами- эта красавица вполне может бед наделать. К настоящему рассвету все было, считай, сделано. Подходы к холму перекрыты сюрпризами, тело Орфея в низинке подготовлено для последнего показательного выступления. На холме выбрано и оборудовано полтора десятка лежек- путей отхода нет- не отходят из полного окружения. Попытаться пробиться сквозь почти сотню янкесов — нет, в чудеса Ворон не верил. Приговор вынесен — приговор будет приведен в исполнение. На секунду в памяти вдруг возникло словно вырубленное из мореного дуба лицо генерала Рокотова:

— Сделаешь дело- долг будет списан. Это если вдруг выживешь. Сразу говорю- маловероятно. Почти невозможно, Ворон. Если, кхм — второй вариант — жена твоя бывшая будет вдовой не заключенного военного преступника, а погибшего при исполнении военнослужащего со всеми льготами и выплатами. И наградами. И дочь... Дочь не оставим- прослежу. Это дерьмовый шанс для тебя, Ворон. Сильно дерьмовый шанс. И я, откровенно говоря, дерьмом себя и чувствую, что тебе это предлагаю. Но другого ничего у тебя нет. Вообще нет. Есть- трибунал, разжалование, тюрьма. Ты убил офицера, Воронов. Мразь- но

офицера. А твои люди... Да я даже не знаю, кому из вас хуже- тебе, пристрелившему вышестоящего офицера, как бешеную собаку- или им- поднявшим мятеж.

А потом он услышал свой голос- глухой, словно из могилы:

— Эти условия будут для всего моего отделения. Чужих не возьму.

— И?

— Мы сделаем, Рокот. Даже если сдохнем- сделаем.

— Я даю тебе слово офицера...

— Я знаю, Рокот. Я знаю...

Рокотов был тварь, тварь старая, жилистая, жестокая и равнодушная. Холодный профессиональный убийца. Но выше своей жизни Рокот ценил свою честь. Свое слово. Свою гордость. А жизнь генерала Рокотова — это довольно неплохая гарантия, ведь он скорее умрет, чем нарушит свое слово.

Ворон помотал головой, отгоняя непрошенные воспоминания. Вдалеке грохнуло, послышались заполошные крики и отборный мат на английском. Смертник переложил СВД, щелкнул предохранителем и застыл. Соло для снайпера началось.

Глава 2. Черное солнце

Итен Диас. Наемник.

Девятые сутки только чертов лес- проклятый мокрый лес. Он высасывает силы, словно кровотечение из открытой рваной раны. Голова постоянно кружится и этот мокрый воздух заполняет легкие, словно вода. Нечем дышать. Дьявол! Слово не по лесу идешь, а, как в учебке, прорываешься по колено в вязкой и тягучей грязи. А главное- день за днем, час за часом- без конца и края. Это выматывает гораздо больше, чем самый мощный спринт. Вначале было еще ничего- словно пикник, вылазка на природу. Даже забавно. Славные американские парни, загоняющие дьяволовых русских киллеров. Черта с два! Эти-то двужилые прут по лесу с невообразимой скоростью. Если бы не десант, блокирующий им путь и заставляющий нарезать солидные петли- их бы и не догнали. Пара огневых контактов- девять трупов, восемь раненых. И это только в основной группе! Дьявол! У комми тоже потери- но неполный десяток чертовых комми против четырех десятков отличных тренированных ребят- дерьмовый размен. Очень дерьмовый размен. Хорошо еще, что хоть раненых тащить пришлось только до ближайшей проплешины- потом подобрала вертушка. Восемь суток бега на износ! И это уже, дьявол их всех заberi, совсем не похоже на пикник!

К дьяволу дождь, к дьяволу лес, к дьяволу эту проклятую дыру в заднице мира, которая совсем никому не нужна! К дьяволу сумасшедших русских командос! Упрямые дьяволы ублюдки! К дьяволу идиотов из правительства! Санкции- санкции. Во всем виноваты русские! Самое смешное, что сами во всем виноваты. Доигрались!

— Эй, Джон, как быть с русскими?

— Черт, ты работаешь первый день, парень?! Вводи санкции!

— Так они же ничего не нарушили?

— Тем более! Выдумай что-нибудь!

— Например?

— Что они отравили какого-то политэмигранта жутко секретным газом, разработанным в секретных лабораториях КГБ.

— Но это же полная херня, приятель...

— А тебе не плевать? Это же русские. А русские виновны во всем.

Тупые придурки. Надо было хоть изредка отпускать удавку. Давать слабину. Чтобы эти чертовы азиаты могли сравнить, как сладко жить без наказания и как горько с ним. Так нет же. Давайте просто гнобить русских- это так весело! И вот теперь гребаные русские приняли правила игры. Перестали стесняться. Да и какой смысл соблюдать законы, если тебя потом все равно во всем обвинят?! Итен совсем не был первым учеником в школе, но он знал, что самый опасный противник тот, кому нечего терять. Кому хуже уже не будет. Чертовы политиканы так хотели загнать проклятых русских в угол- и теперь получают по мордасам от яростно отбивающихся русских. Русские собирают свой евросоюз. Русские дружат с Китаем. Русские проводят акции, где хотят, и плевать они на всех хотели. Хотели и плевали, если уж совсем честно.

— Официальная Москва с прискорбием, но без удивления, восприняла обвинения в чудовищном убийстве, произошедшем на территории третьего государства. Отсутствие каких бы то ни было доказательств, отсутствие легитимного следствия — только привычный

оголтелый визг — русские виновны во всем. Что ж, Москва готова к новым недружелюбным шагам со стороны пока еще партнеров и оставляет за собой право на ответные меры экономического и политического характера.

Санкции. Плевать хотели комми на санкции! Немцы все так же делают им машины, китайцы делают электронику и все остальное, оружие проклятые комми делают сами- и какое оружие!

В этой азиатской дыре все не так! В этой азиатской дыре чуть не началась третья мировая, хорошо, что хоть комми сохранили холодную голову. Они говорят, что у русских нет больше Кей Джи Би — черта с два, контора прекрасно работает. Иначе откуда тут сотни и тысячи парней с глазами убийц, свободно перемещающихся по, якобы, враждебной территории. А ликвидаторы — это вообще за гранью разумного. Три выстрела с расстояния в полтора километра в живую цель из бронебойной винтовки! Зачем?! Перемолотили в кровавой фарш... Для наглядности? Кем надо быть для такого?! Больные ублюдки. И теперь чертово правительство дало приказ любой ценой задержать хоть кого-то из исполнителей для показательного суда. Задержать и выбить из них нужное признание. Текст признания, кстати, уже согласован. Идиотизм. Задержать живыми долбаных русских камикадзе? Они что, решили попытаться запугать русских командос?! Этих фанатиков- комми?! Чертов лес! Чертов дождь! Даже ботинки уже набрали сырости- еще не хлюпают, но ногам уже очень холодно. Выстрел. Впереди кто-то орет, созывая отряд. Чертов Рашад Менса. Здоровенный, как горилла, негр вопит на весь лес, что одним выстрелом убил комми. Ваншот, ваншот. Чертов идиот. Под ногами хрустят мокрые ветки. Все не так в этом лесу. Менса все тормозит труп. От мощного удара Итена впечатало в сосну. Дьявол! В голове звон, спина разрывается от боли, а на груди лежит половина чертова негра. Итен хихикнул. Охренеть. Смеяться было неожиданно больно- ребрам, похоже, здорово досталось. Итен хихикнул еще раз — наверняка это что-то нездоровое и истерическое. Но, свалив с себя обрубок, Итен Диас захохотал до слез, навзрыд. Охренеть. Ему прилетела черная жопа. Его сбила с ног и впечатала в дерево здоровенная негритянская задница! Половина чертова Рашада Менсы! Его поднимали. Ворочали, что-то спрашивали- а он все хохотал, плакал от хохота и никак не мог остановиться. А потом снова начался ад и стало не до него- заработал снайпер. Итен не видел, кто поднимал его- слезы делали картинку смазанной. Но застучали выстрелы, в глаза плеснуло красным и поднимающий осел вместе с ним на мокрую хвою. Выстрелы снайпера стучали часто — в перепалке чуть не сотни стволов Итен вдруг как-то выделил особый голос винтовки русского. Среди других она цокала звонко-звонко. В детстве мать Итена шила на старинной швейной машинке с ножным приводом. И она цокала так же. Звонко-звонко. Часто-часто. Где-то вдалеке хлопали взрывы. Кто-то, надрывая связки, орал про растяжки и осторожность. Влажный воздух напитался пороховой гарью и застыл тяжелым дымным облаком- горьким и царапающим легкие. Чертов лес. Чертов дождь. Чертов комми, что не умеет просто лечь и умереть! Отчетливо и равномерно стучала швейная машинка. А потом, наконец, тяжело ударила первая мина. Потом еще и еще. Взметая комья тяжелой и мокрой земли, разбрызгивая грязь, кусты и деревья. Поступь тяжелой техники. Миномет пропросто выворачивал куски холма, разрывая землю и дробя дерево в мелкие острые щепки. Они перепахали минометами весь холм и снайпер, наконец, утих. Итен тяжело поднялся. Вид его был самый геройский — лицо и форма пропитались кишками, мозгами и кровью. Его окружили, хлопотали вокруг него, поливая на руки из фляг. Потом все вместе пошли на перепаханный холм. Кто-то нашел в кустах порванное осколками тело и за ноги выволок

этот обрубок на поляну. Спины практически не было- мешанина мяса и осколков. Правая рука раздроблена в мелкий фарш, левую он поджал под себя.

— Переверните его. — прошептал Итен:

— Хочу посмотреть на лицо последнего комми, устроившего этот ад.

Кто-то нагнулся, тело тяжело перевалилось на спину и Итен увидел холодные живые глаза. Целая левая рука полутрупа взметнулась вверх. Сил у него почти не осталось — ребристая граната взлетела невысоко, всего метра на полтора.

— Русский у порога, суки. — прохрипел почти мертвый комми. И вспыхнуло черное солнце.

Глава 3. Братство душ

Ворон

Свет резанул по глазам болью. Навалились ощущения и мощные упругие мышцы привычно подхватили расслабленно лежащее тело. Чужая комната- даже не так- чуждая комната. Непривычная округлая мебель. Круглая кровать. Но главное- чье-то присутствие в голове. Кто-то жизненно важный- но с каждой секундой связь слабеет. Интуиция просто вопит, что еще немного- и что-то жизненно важное будет безвозвратно потеряно. Сделав глубокий выдох, Ворон закрыл глаза и безмолвно спросил:

— Ты как там, брат?

— Брат?! — нечто или некто вдруг ярко вспыхнуло огнем интереса — Как брат?! Почему брат?!

— Ну, мы с тобой в одном теле. Брат по крови.

— А... — голос потух — это ненадолго. Я ухожу. Отпусти.

— Расскажешь почему?

— Тут плохо. Я ублюдок. Позор рода. Не должен жить.

— Охренеть! И кто это, такой умный, решил?!

— Так говорят все.

— Все?! Даже отец и мать?

— Их нет. Ушли назад в землю.

— Понятно. Ну, обидчикам твоим я пряников насыю по самое не балуйся!

— Их много...

— А я сильный и злой! Ты только помоги мне, братишка! Мне бы хоть разобраться, кто из них кто.

— Я не могу отдать тебе свои воспоминания- я исчезну- в слабеющем голосе звучала дикая тоска — я не могу их отдать, хотя в этих воспоминаниях много боли и почти нет радости.

— Зачем отдавать- мы же можем поделиться? Чтобы они были и твои и мои- общие?

— Слияние душ?! Ты готов открыть мне свои воспоминания?! Я же смогу прожить всю твою жизнь от рождения!

— И до смерти, брат. Что мне от этого будет плохого?

— Ты не понимаешь- тебе ничего, ты уже ее прожил. Но я- я смогу прожить счастливую жизнь!

— Брат, такое дело... Там тоже боли будет достаточно.

— Там есть мама? — голос звучал жалобно, но в нем звенела отчаянная надежда.

— Да, брат, там есть мама-неволью тепло улыбнулся Ворон — самая лучшая на свете мама.

— Я, принц Арей, наследник главной ветви дома Хоран, предлагаю тебе слияние душ. Одна из двух и навеки.

— Я, сержант Алексей Воронов, предлагаю тебе принц Арей, наследник главной ветви дома Хоран слияние душ. Одна из двух и навеки.

Ворона здорово замутило — воспоминания хлынули, словно калейдоскоп. Детство, юность, оскорбления, презрение, оскорбления, презрение... Дьявол! Полукровка. Полуэльф, полуорк. Дитя вынужденного династического брака, не признаваемого эльфами. Никому не

нужный, застывший на уровне семилетнего ребенка, воспитываемый лишь выжившим из ума мастером, помешанном на укреплении тела. Никакого боя- только гимнастика! Черт! Имея два метра роста и под сотню килограмм веса- Арей искренне считал себя слабаком и даже не пытался драться! Драться?! Для чего это? Оскорбления застывший на уровне малолетнего ребенка полудурок не воспринимал, а ударить носителя древней крови- таких идиотов не было. Кровь штука опасная- может отомстить и сама по себе. Стоп! Мастер. Две короткие палки в руках. Подшаг. Рука вперед. Поворот. Камни в вытянутых руках. Долго. Тяжело. Больно. Держать! Мастер нападает- но тело само отбивает болезненные удары привычными тяжеленными деревяшками. Рефлексы без разума- мечта любого мастера. Гимнастика?! Расскажите еще что-то, такое же смешное мастеру ножевого боя! Старик, так упорно выдающий себя за сумасшедшего, хорошо подготовил это тело к пробуждению разума. Ворон скрипел зубами от боли, но впитывал, впитывал, впитывал. Презрение. Чувство вины. Одиночество. гадливость даже от слуг. Неужели не найдется хоть одного, кто пожалеет убогого? Не найдется. Только мастер. И свитки. Свитки, свитки... Тысячи свитков. Здесь, в библиотечной пыли, еще маленький ребенок с абсолютной памятью эльфар и неумным любопытством оркхай разбирал с пятого на десятое сложные трактаты и мечтал. Потом, после превращения в полурастение, Арей запомнил это чувство умиротворения и безопасности. Полукровка уже не понимал даже сути букв- но абсолютная память легко определяла прочитанное и новое. Арей хотел только новое- прочитанное его не интересовало. И слуги вновь и вновь приводили недоумка в огромную пыльную библиотеку- со свитками он обращался предельно бережно. Любой достаточно толстый непрочитанный свиток гарантированно заставлял полукровку недвижимо застыть на целый день — можно было не следить и не беспокоиться. Так в распоряжении недоумка оказалась вся обширная родовая библиотека Хоран и Хайм — лень и презрение открыли двери даже в потаенные закрытые разделы библиотеки- читал недоумок много и всегда отделял прочитанное от нового. Ворон мог вспомнить любую строчку любого свитка просто огромной библиотеки. Еще не осознать- только вспомнить. Но если будет достаточно времени... Связь с душой Арея стала плотной, но он вновь стал отдаляться, правда теперь интуиция Ворона была абсолютно спокойна.

— Ты куда, брат?

— У меня есть целая жизнь, брат Ворон. Я буду проживать ее день за днем. Твою жизнь. Ты же не против? — в голосе Арея вдруг отчетливо прозвучал неприкрытый страх.

— Нашу жизнь, брат. Нет твоей и моей жизни- есть наша. Если мне будет трудно- поможешь?

— Я слабый. Но если я буду нужен тебе — зови. Вынырнуть из воспоминаний- одно мгновение.

— Спасибо брат. Счастливой тебе новой жизни!

— Мне жаль, но тебе я оставляю лишь ненависть и презрение. Будь осторожен, они еще попытаются тебя убить. Они не боятся меня- но считают меня- нас- лишним. В семь лет они травили меня ядом Тха — болотной гадюки. Я выжил, но перестал понимать. Память осталась, но путались мысли. Не мог учить новое- только запоминать. Тысячи тысяч свитков. И упражнения тела. Сегодня они опять травили меня ядом Тха. Снова ослабла связь души и тела- и твоя душа смогла занять почти пустую оболочку. Постарайся выжить. Если умрешь- не беда, мы теперь всегда будем вместе. До встречи, брат. — плотная связь исчезла, превратилась в тонкую, но прочную сигнальную нить. Ощущение чужого присутствия в

голове пропало полностью. Арей Ворон встал с ложа, привычно разминая шею, подошел к ростовому зеркалу. Двухметровая фигура была почти квадратной от мышц и просто светилась дурной силой. Смуглая кожа, острые уши, массивный ровный нос, квадратный подбородок и здоровенные резцы, вдвое больше остальных зубов. Но в общем — даже слишком милостивая мордашка- можно было и пострашнее. Длинные волосы- эльфы не стригут их от рождения- короткое движение — и хисс перехватывает тугую косу, оставляя лишь небольшой хвост- символ последнего из рода. Кинжалы- парные хиссы- должны нести клеймо рода- но эти чистые. Просто оружие... Да и какие это кинжалы- скорее короткие мечи. Клинок с характерным утолщением на конце здорово похож на испанский гладиус. Клинки лежат в ладони, как влитые- с ножевым боем Ворон на ты и даже где-то сильно ближе.

Короткая разминка, бой с тенью — и на лице Ворона расплывается блаженная улыбка. Тело реагирует идеально, а вот скорости и силы здорово прибавилось. Непривычный баланс клинков вдруг оказывается не такой уж и непривычный- тело само подсказывает нужные движения, да и в памяти всплывает много чего интересного.

Рефлексии нет- момент своей смерти Ворон помнил абсолютно отчетливо. Дикая боль не затуманила сознание- наоборот, каждая мелочь и каждый штрих врезались в память четко, словно след алмаза на прозрачном стекле. Клыки обнажились в волчьей усмешке- он, все же, показал этим наглосакским диким уткам, чего стоит русский спецназ. Ушел достойно. Что ж, страница перевернута и вода этой реки уже утекла. А это значит только одно- необходима адаптация к текущим условиям. Задача- выжить и стать сильнее. Все привычно. Условия щадящие- с языками проблем нет- память услужливо подсказывает слова оркх и эльфяр. Стоит подумать об окружающей обстановке — привычно всплывают чужие- свои знания. Например, за дверью охрана — боевая звезда рода Рахим — лучшие убийцы и телохранители империи. Только они ни во что не ставят слабоумного бастарда и вряд ли будут выполнять его просьбы, а уж тем более приказы. Но это поправимо- можно работать. Хиссы в сторону- действовать придется только голыми руками. Коробки над дверью. Что это? Блокираторы магии?! Тут и такое? Да, есть тут кое-что такое. Не сильно мощное, но вместо автомата прокатит. Это надо обязательно учесть. Обязательно. Но не теперь- во дворце везде есть блокираторы. И звукоизоляция идеальная — вдруг кому захочется развлечься. Что же, и развлечемся. Бой в замкнутом помещении. Вспомнили. Выдохнули. Начали. Открыть дверь. Уверенный командный рык:

— Карн Эль Рахим! Войди вместе с воинами! Сейчас!

Глава 4. Основы дисциплины

Карн Эль Рахим

Карн Эль Рахим был и обрадован и удивлен. Когда здоровенная туша ублюдочного принца мешком рухнула сразу после завтрака- телохранители просто отволокли его в отведенную бастарду дворцовую спальню и отправили слугу за придворным лекарем, заняв пост в коридоре. Высунувшаяся морда с позорным обрубок вместо волос наглядно говорила, что здоровье бастарда вне опасности- но вот разум поврежден окончательно. Отрезать волосы- это... Это.... Впрочем, Эль Рахим должны сберечь лишь тело- разум полудурка забота Пресветлых, а не телохранителей. Боевая звезда входила в комнату расслабленно. Пятерка гибких убийц — каждый из бойцов был великолепным образчиком чистокровного эльфара- изящным и смертоносным. Неторопливо проходя мимо, они бросали на принца взгляд, очень далекий от восхищения. Больной ублюдок — он вызывал бы лишь жалость, но он был полукровка. Будь он хотя бы уродлив- ненависть не была бы такой сильной. Но выродок, словно в насмешку, был не только выше и здоровее самого сильного эльфара — он был даже красив. Дикой и необузданной красотой первозданного зверя. Кровь оркхай лишь сделала эльфарские черты более массивными, избавив от излишней утонченности. Клыки не портили, а, скорее, придавали мужественности и колорита. Темная! Проклятый смесок среди родовитых эльфара был подобен дракону среди презренных виверн. Полукровку спасало лишь слабоумие и кровь основной ветви Хоран- пусть в нем только половина чистой крови, но и так посмертное проклятие может уничтожить весь род убийцы-слишком уж сильна древняя кровь. Карн настороженно глядел на полукровку, а тот плотно закрыл толстую дверь и наложил тяжелый засов. Щелкнули блокираторы, отсекая в комнате любую магию.

— Карн Эль Рахим! Ты и твоя звезда позор ветви Эль! Мои приказы ты выполняешь, словно немощный селянин, воины твои расслаблены и ленивы- ты снова допустил покушение на меня- уже дважды. Ты бесполезен. Род Хоран объявляет ветви Эль рода Рахим о неисполнении Договора.

Привычное лицо, привычный голос- но вот слова падают на сердце тяжелыми валунами. Ступор от несоответствия привычного тупого полукровки и воина с холодными и злыми глазами. Воина? Да, похоже, что воина...

— Род Хоран?! Кто ты роду Хоран, ублюдок?! Да ты как пасть посмел открыть, баста... — несносный Вар Рахим замахнулся и рухнул на пол, снесенный мощной оплеухой полуорка.

— Что... Где... Я..- беспомощно бормотал Вар Рахим, а четверо в ужасе смотрели на превращенную в отбивную обычной пощечиной половину лица, наливающуюся темно-багровым. Хиссы с шелестом покинули ножны — этот полукровка явно безумен и ... опасен?!

— Что, решили сами прикончить охраняемого?! Чтобы скрыть свой позор?! Хиссы в ножны, уроды! Ну! — но своим грозным окриком принц добился лишь направленных в свою сторону клинков.

— Неподчинение приказу вышестоящего командира?! Ну, эт нормально!

Полукровка скользнул к нему и Карн полоснул его хиссом, не сомневаясь ни секунды. Полуорк безумен! Но хисс вспорол лишь воздух, рот наполнился вкусом железа и пришла

страшная боль.

Кровь была, казалось, всюду. Урывками приходя в сознание, Карн успевал увидеть, как сумасшедший дикими ударами сносил его людей, пинками подбрасывал их в воздух. Лицо Вар Рахим уже не казалось страшным- лица остальных со свернутыми носами и разбитыми в кровь губами были страшнее морд подземных демонов. Все, что могла боевая пятерка элитных убийц- разлетаться под дикой силы ударами и тихо стонать от жуткой боли. Подняв с пола лавку, которой он отходил двоих последних, принц Арей поставил ее посреди комнаты и присел, равнодушно глядя на пятерку сваленных в углу покалеченных тел. Помолчав несколько минут, он начал говорить негромко и медленно:

— Как мне жаль, Эль Рахим, что вернулся в землю твой отец- он был настоящим воином и мудрым человеком. Как мне жаль, что из всех своих сыновей, умолявших его о великой судьбе, он избрал тебя. Император был другом твоего отца, Эль Рахим. Он доверил ему нечто самое ценное- а твой отец доверил это тебе. А ты...

— И чем так ценна твоя ничемная жизнь, сумасшедший ты ублюдок — слова вылетали вместе с кровью из покалеченных губ. Каждое слово отзывалось дикой болью, но промолчать было куда больнее.

— Ты глуп, Эль Рахим. Позор своего отца- голос полуорка остался монотонным и равнодушным — ты привык к маске- и ты не видишь за ней истинное лицо. Сумасшедший ублюдок голыми руками разделал вооруженную полную звезду Рахим — конечно, это же такое обычное дело...

Тело страдало неистово, но гораздо сильнее терзал стыд. Неисполнение договора- позор ветви. Обнажить хисс на охраняемого — позор всего рода. А уж то, что полуорк разметал боевую звезду- его звезду — ПУСТЫМИ руками! Если бы Карн мог, он сам бы пришел плюнуть на свое поминальное дерево. Его терзали боль, стыд и ожидание позора, что много хуже самой страшной смерти. Он поднял на мучителя налитые кровью глаза:

— Расскажи! Ради отца. Я хочу уйти в землю зная свой позор. — на ответ он не надеялся, но услышал такой равнодушно-холодный голос:

— Всего лет двадцать назад на самом краю Дикой равнины, у Красной реки, которая теперь разделяет владения эльфар и оркхай во время последней битвы, что закончилась, наконец, примирением — прославленный Наро Дин Рахим, гордость своего рода, принял копьё в грудь за своего Императора. После боя спасенный Император захотел наградить героя- но Наро попросил не земли и золота- он попросил своего господина дать его роду шанс возродить былое величие. Все высшие посты империи занимали выходцы рода Хайм, от которых зависел и сам Император, но он все же сюзерен дал обещание. Истощенные войной оркхай заключили мир. Дабы избежать позора, оркхай предложили императору в жены Первую Дочь Матери Матерей, а спорная Дикая равнина должна была стать ее приданным. Оркхай спасали свою честь- получалось, что они отдают Дикую равнину сами, по своей воле. Императору было плевать на условия- ему нужен был покой, ему нужны были во владение эти бескрайние земли. Он взял в жены дочь Матери Матерей, принявшую у эльфар имя Уна Ард Рахим — Наро принял ее в свой род и семью, став по ней родичем императора. Эльфар вынужденно признали брак с оркхой. Император взял оркху в жены по законам оркхай и привез в империю. Спорные земли Дикой равнины до самой Красной реки стали ее официальным приданным. Эльфар спокойно владеют этими землями и оркхай до сих пор свято чтут свадебный договор. Уна Ард Хоран, как и положено, родила императору наследника, но в окружении эльфар одинокая оркха не выжила долго. Император же завел

себе любовницу из эльфар. Перед смертью император призвал доблестного Наро и, исполняя долг, отдал ему единственного законного наследника. Сына. Зачатого и рожденного в законном браке. Ибо нельзя уходить в землю с долгами- и император долг выполнил. Для всех остальных эльфар — полуоркхай был лишь бесполезным полукровкой. После смерти императора его любовница родила бастарда, которого принял на воспитание род Хайм. Да, ублюдка — но чисто эльфарской крови. Наро Дин Рахим призвал лучшего мастера рода — и тот превратился для всех в сумасшедшего старика, возившегося с никчемным оркхайским выродком, обучая его только безопасному. Наро Дин Рахим призвал лучшего сына, от которого требовал всегда больше всех и на которого возлагал все свои надежды. Он доверил ему самое ценное- единственный шанс рода на возрождение былого величия. Даже ему Наро не смог раскрыть тайны- а сам его сын его оказался слишком несообразительным. Оплаченный высокой ценой шанс берег лишь сумасшедший мастер — как велела честь, до последнего вздоха — но теперь и он ушел в землю. Твой отец зря проливал свою кровь — одному мне не выжить, Эль Рахим. А от тебя больше вреда, чем толку.

Слезы стыда избороздили кровавую маску на лице Карна Эль Рахим. Тысячи раз покойный отец говорил ему о том, как важно его поручение- и тысячи раз Карн лишь равнодушно отмахивался — что важного в неполноценном ублюдке. Когда полукровка был отравлен- Карн искренне желал ему сдохнуть, чтобы скорее избавиться от обузы. Он все ходил и требовал от отца настоящего дела- а отец говорил, что нет важнее того, что ему поручено. Мир перевернулся- оказалось, что Карну была поручена судьба Рода- а он, в глупой гордыне, все провалил. Внутри его корчило от боли, но смотрел он твердо:

— Позволь. Мне. Служить. Тебе.

— Видишь ли, я не смогу тебе верить...

— Я принесу клятву крови!

— Ты не подчиняешься мне.

— Ты понесешь мои хиссы!

Ворон хмыкнул. Его хиссы были просто хорошим оружием- кто даст полукровке истинные знаки рода. Носить хисс другого родовитого- держать в руках больше, чем жизнь. Держать в руках честь всей его семьи. Честь всего Рода.

— Допустим. Ладно, сейчас добыю остальных...

— Подожди!

— Да что опять не так-то?!

— Они принесут клятву.

— Эти? — Ворон отпустил глотку тела, мотавшегося в его руке безвольной куклой.

Кукла открыла глаза:

— Принц, прими мою кровь и верность.

— Принимаю... — со вздохом посадил к стене, впихнув в слабые руки его же лечебное зелье.

— Прими мою кровь и верность.

— Принимаю.

— Прими мою сталь и сдохни! — пришедший в себя Вар Рахим ударил парой хиссов в спину. Туда, где была спина полукровки с глазами на затылке. Тяжелый удар бросил подлеца на стену — клинки зазвенели по полу. Правый родовой хисс Вар Рахим с жалобным звоном лопнул в мощных лапах принца. Левый принц Арей швырнул в лицо недоумка, разбив посиневшие губы до черной крови.

— Сделай все сам, позор своего рода! — равнодушно бросил полуоркхай.

Руки Вар Рахим заметно дрожали. Он судорожно оглядывался- но в глазах остальных видел лишь гадливость и презрение. И приговор. Напасть на охраняемого — это они сделали вместе. Обнажить против него оружие- и в этом виновны все. Но ударить в СПИНУ!!! Это уже не пятно на честь Рода- это конец всему. Слишком многое поставил на кон Вар Рахим в безумной ярости- много и проиграл. Земля покроет все- и мертвый унесет с собой свою вину и свои преступления. Вар Рахим всхлипнул, когда хисс вошел точно в сердце. Карн не отвел взгляд- он уже начал привыкать к безумию вокруг полукровки.

— Полчаса на полное восстановление и бытовую магию. Маска разрушена и у нас тысяча дел- а по следу пойдут уже очень скоро. — принц Арей щелкнул выключателями, лязгнули блокираторы и кровь потихоньку стала исчезать с лиц, пола и одежды. Носы с хрустом вправляли на место, внутренние повреждения затягивались лечебными эликсирами. Всего минут через пять уже почти ничего не напоминало о кровавой бойне- лишь тело злополучного Вар Рахим пятнало пол красным. Впрочем, в сундуке нашлось достаточно места, а очищающее плетение выводит даже кровь.

— Как зовут тебя духи, господин? — вопрос телохранителя застал врасплох и в памяти Арея не всплывало ничего похожего. Духи. Целое отделение теперь лишь бесплотные духи. Ганс, Татарин, Яшка, Орфей...

— Ворон, Карн. Духи зовут меня Ворон.

Глава 5. Первый шаг

Глава 5. Первый шаг.

Подбитые драгоценным деревом кле роскошные туфли и туфельки многочисленных царедворцев задорно цокали по изящным ступеням каменных лестниц дворца императора. Боевые сапоги, подбитые шестью слоями кожи однорога ступали бесшумно. Впрочем, огромная фигура принца была приметна и встречные загодя убирались с дороги недалекого, опасаясь больше гнева боевой звезды. Те и сами полукровку не жаловали- но темная знает, что взбредет в головы воинов клана Рахим и что они могут счесть оскорблением. Лучше обойти.

Эльсе Ан Хайм была рождена, пусть в захудалой, но ветви правящего рода. Умом она совсем не блистала- но для нее это было и не важно. Природа щедро одарила ее настоящей женской красотой- она была и воплощением высокородной эльфар и, в то же самое время, просто лучилась истинным женским началом, вызывая нездоровую тягу к себе даже у зрелых, разменявших вторую сотню. Убеленных сединами и умудренных житейским опытом. Она знала, чего хочет и чего достойна- к ее ногам должны приносить все самое лучшее и уговаривать ее, чтобы она соблаговолила принять их жалкие дары и осчастливить милостивым взглядом. Кочуя из постели в постель, она пробиралась к самой вершине пирамиды и, наконец, сумела влезть в постель регента. Теперь она искренне считала себя равной младшим богам. Царственно шествуя, она и не подумала уступать спешащей группе этого презираемого всеми полуорка. Но полукровка не замер почтительно, пропуская фаворитку Великого! Он раздраженно дернул плечом и отброшенная с дороги эльфара влипла в стену!

— Да как ты посмел, ублю... — высокий визг оборвался хрипом, когда на ее горле крестом сомкнулись хиссы. Она смотрела в белые от ярости глаза Карна Эль Рахим и видела в них смерть. Эльсе в ужасе замерла на цыпочках, на самых кончиках пальцев, вжав голову в стену, дабы не касаться нежной кожей ледяного металла. По ее горлу медленно ползли струйки крови из неглубоких порезов, сделанных бритвенно — острыми лезвиями.

— Как ты назвала господина, нисская тварь?! — яростный шепот Эль Рахим был гораздо страшнее самого дикого крика. Эльсе искренне пыталась хоть что-то ответить, но ее горло парализовало от страха.

— Оставь дуру- не до нее! Время! — властный голос сорвал убийцу с места. Хиссы лишь сверкнули и вот она уже смотрит в спину стремительно удаляющейся смерти. Тело, словно лишенное костей, рыхло осело на ступени.

Найти мусорщика не составило труда. Старый сутулый орк, один из тех, кто приехал в столицу вместе с дочерью Матери Матерей, да так и остался приживалой при дворце, медленно подметал садовую дорожку. При виде принца он привычно, кряхтя, опустился на одно колено и склонил голову. Так было проще- видеть убогого потомка великого рода было тяжело.

— Воин урукхай не преклоняет колени ни перед вождем ни перед богами! — полузабытая речь словно вздернула орка на ноги и старый сотник расправил плечи и поднял глаза. И то, что он увидел- ему понравилось. Молодой принц стоял перед ним, свободно и требовательно глядя в глаза. Могучая фигура, ничуть не уступающая седому урукхай. В лице не осталось ни следа от робости, неуверенности или растерянности- оно излучало лишь

властность и требовало безусловного повиновения.

— Мне нужно наследство моей матери, сотник! — рык молодого урукхай был не похож на жалобный плач прежнего принца, тщетно просившего каждого встречного о защите.

— Началось, вождь? — глаза старика вспыхнули надеждой.

— Началось, Гор Дан.

В грязной захлавленной дворницкой- удивительно, что на территории дворцового комплекса императора нашлась такая убогая дыра- старый дворник зарылся в кучу ветхого тряпья, грязных веников и выщербленных лопат. Когда он вынырнул, весь в пыли и паутине, в руках он держал небольшой тубус темного дерева. Приложив к губам и ко лбу, он с поклоном протянул его принцу на обеих руках. Принц принял дар также двумя руками, приложив ко лбу и поднеся к губам. Ворон открыл тубус и вытащил выделанный кусок кожи, украшенный письменами на оркх и эльфар. Неполная звезда склонилась над изящным свитком.

— Давай! — по команде Ворона Карн Эль Рахим тронул свиток силой и на нем засияла Истинная печать рода Хоран. Печать Императора.

— Прости меня господин! — четверка воинов Эль Рахим рухнула на колени перед Наследником Императора, но злобный рык Ворона подбросил их на ноги. Арей вложил свиток в тубус и протянул Карну. Тот одним движением он спрятал данхан под доспех — рядом с сердцем.

— Собирай воинов, Гор Дан. В трактире Пьяный однорог снимите комнаты- я за вами пришлю. Из дворца уходи прямо сейчас. И будьте готовы- враги за вами могут прийти раньше, чем успею я.

Зрелый, в самой мужской силе, плечистый урукхай методично собирал переметные сумы. Он протянул Ворону старый пожелтевший клык майхорда на кожаном шнурке:

— Пусть твой воин передаст мне это- тогда я буду знать, что он от тебя. Снова война, вождь? — в голосе старого оркха звучал азарт — впрочем, какое там, старый. Маска покорного и безопасного раба развеялась, как вчерашний пепел. Исчезла притворная сутулость и суетливо-неуверенная походка. А что седой- что от той седины вреда. Не волос мужа красит.

— Самая подлая война, Гор Дан. Война за власть.

— А война всегда за власть, вождь. — флегматично ответил сотник — мы будем ждать, вождь.

— Сохрани себя и урукхай. Без вас мне не будет дороги в степи.

— Не так, вождь. Без нас- будет сложнее. Но степь- дом для рожденного дочерью Матери Матерей. — Гор Дан сменил одежду и теперь он выглядел вполне состоятельным торговцем оркх, которых в столице было вполне достаточно. Взглянув на посуровевшее лицо принца, он кивнул:

— Я понял, вождь. Урукхай не вяжутся в бой без серьезной причины.

— Смотри мне! Чистой воды, Гор Дан.

— Сочной травы, вождь.

В конюшне вышла минутная заминка — принц не имел своего однорога, а Пламенный, принадлежащий раньше Вар Рахим, закусил, было, удила. Арей не ездил верхом- но Ворон рывком потянул к себе голову непокорной твари и мощно хлопнул между ушами. Пока оглушенный однорог мотал головой, Ворон взлетел в седло и сжал коленями бока однорога. В жалобном крике животного уже не было вызова- лишь мольба о пощаде. Ворон ослабил

нажим. Почувствовав тяжелую руку, Пламенный мгновенно стал кроток и послушен, словно угадывая желания всадника. Карн Эль Рахим лишь покачал головой- даже бывший хозяин этого зверя, Вар Рахим, никак не мог склонить этого демона к покорности. Он постоянно воевал со злобной тварью, то избивая однорога нещадно, то подлещиваясь — и все никак не мог привести его к повиновению. Пятеро всадников беспрепятственно пересекли половину города, спешившись перед столичным замком рода Рахим. Карн Эль Рахим обнял родичей. Семья Эль, лучшие из лучших, традиционно стояла на страже безопасности Рода.

— Приветствую, братья. Мой господин, глава рода Хоран, хочет говорить с главой рода Рахим.

— Глава рода Хоран?!

— Я видел! Я знаю! Я свидетельствую! — четыре бронированных кулака одновременно ударили в грудь доспеха и четверо, оставшихся от полной звезды Рахим слитно шагнули вперед.

— Ладно... Но почему он твой господин? — в голосе родича Карна было безмерное удивление:

— Чем же наследник Хоран заслужил такую честь?

— Он победил мою звезду. Полностью вооруженную и готовую к бою. Измордовал почти до смерти. Голыми руками. — спокойно сказал Карн опешившему от таких новостей родичу.

— И в тебе нет на него гнева? — недоверчиво спросил родич.

— Мы проявили непочтительность. Мы были наказаны. Все справедливо. — и голос и лицо Карна были абсолютно невозмутимы.

— Ясно... Я доложу главе рода о вашем намерении, глава Хоран. — воин Рахим обозначил поклон в сторону принца, на что тот немедленно так же склонил голову.

— Об однорогах позаботятся, прошу в гостиную. — широкие двери гостеприимно распахнулись и Ворон с телохранителями вошел в столичный замок Рахим. Первый и самый опасный шаг долгого пути был сделан.

Глава 6. Клан Рахим

Глава 6. Клан Рахим

Патриарх Алари Аз Рахим смотрел на горящую силой Истинную Печать рода Хоран без восторга да и без особого почтения. Высокий, крепко сбитый старик с рублеными чертами лица, излишне мускулистый для утонченных эльфяр, хмуро шурил сапфировые глаза. Там, где эти наивные дети видели императорскую власть и величие-старик видел лишь кровь и смерть. Род Рахим- боевой род, но воевать с тремя другими великими родами- это самоубийство. Всех сил рода Рахим не хватит, чтобы защитить наследника — так велико и притягательно наследство. Власть! То, что разъедает душу почище похоти и золота. Хайм не уступят — а значит вновь реки крови немногочисленных потомков некогда могучего племени. Смешно — эльфяр будут резать эльфяр ради власти полукровки. Нет уж.

— Арей Ард Хоран, род Рахим признает тебя наследником Хоран и настоящим главой рода Хоран.

— Я видел! Я знаю! Я свидетельствую! — слитный клич и стальной стук заставили патриарха поморщиться и он продолжил:

— Однако род Рахим отказывает тебе в защите... — окончание речи патриарха потонуло в гуле возмущенных голосов. Рахим жили служением и предать память истинного императора было для них невыносимо. Полукровка доказал право на наследство данхан, заверенный Истинной печатью императора- это не то, что можно украсть или подделать. Так отчего же патриарх Рахим не хочет исполнить великий долг? Впрочем, гул оборвался по мановению руки истинного наследника императора.

— Разве я просил Рахим о защите, патриарх? — Ворон насмешливо изогнул бровь, обведя собравшихся снисходительным взглядом:

— Я пришел просить не о защите, Рахим — я пришел требовать испытания!

— Ты... Ты хочешь взять в жены одну из дочерей Рахим? — теперь в прежде равнодушном голосе патриарха звенело настоящее удивление. Сама жизнь принца висела на тонком волоске- какая там свадьба. Мысль-то была понятна- женатый эльфяр автоматически обретал дееспособность и право на наследство. Полоумный Хоран потому Впрочем, если в этой суматохе он успеет взять в жены дочь Рахим и сделать наследника рода Хоран... Да даже если и не успеет сделать наследника- помогут, лишь бы успел жениться. Имея своего потомка Хоран- можно будет договариваться. Перетащить на свою сторону хоть один из старых родов и не так, как этот — бегом и напролом...

— Ты знаешь ответ, патриарх. Неженатый эльфяр недееспособен- оттого-то и были так спокойны Хайм- кто отдаст Мать в жены больному недоумку. да кто вообще отдаст в жены недоумку хоть одну из таких ценных дочерей? испытание- мой единственный шанс и я постараюсь пройти его с честью. Доятойно наследника рода Хоран, патриарх. Мой долг возродить род Хоран. Для начала я возьму трех жен, по одной от каждого высокого рода. Первой моей женой станет твоя дочь, Алари Аз Рахим.

— Которая? У меня четыре дочери на выданье- машинально ответил патриарх Рахим судорожно обдумывая новые вводные. Первая жена- это уважение, это почет. Три рода. Почему три? Высоких родов четыре. Ну, если не считать Хоран- законный полукровка и чистокровный ублюдок- вот и весь императорский род.

— И кого еще ты хочешь ввести в род Хоран, принц?

— Вторая моя жена будет от Альвари, третья- от Тахем.

— А как же Хайм?

— Хайм... — принц откровенно зло улыбнулся — так оскаливает клыки перед нападением привыкший убивать хищник:

— Захватили власть императора- Хайм, дважды покушались на законного наследника- Хайм. Довели до пресечения род Хоран, до нищеты род Рахим, до пренебрежения- Альвари, до презрения Тахем — это тоже Хайм. Я хочу забрать у Хайм то, что им не принадлежит и вернуть это истинным владельцам.

— Это будет большая кровь...

— Видишь ли, патриарх, в свое время прежние Хоран отказались проливать кровь, думая решить все миром. Всего тысячу лет назад Хоран был самым большим родом империи- теперь я стою перед тобой — и весь род истинных Хоран стоит перед тобой. Без крови. Триста лет назад Рахим имели бескрайние поместья на Южных Землях и армию в двадцать тысяч луков и двадцать тысяч мечей. Твои предшественники не проливали крови- сегодня всех воинов Рахим не наберется и пяти тысяч, а на Южных Землях благоденствуют Хайм, окруженные наемниками и наложницами. Про Альвари и Тахем я буду говорить с Альвари и Тахем. Мой род сожрал проклятый Хайм, не проливая крови, патриарх. Твой род пожирает Хайм, не проливая крови. Эту болезнь можно излечить только кровопусканием. Я хочу сделать такое небольшое кровопускание и у меня есть для этого все необходимое. Я готов рассказать тебе свой замысел- но только тебе патриарх, только тебе. готов ли ты поверить мне, единственному оставшемуся истинному Хоран в этом мире? Скажи мне, Рахим, готов ли ты пустить дурную кровь Хайм ради чести своего рода? Ради жизни своего Рода?

Алари Аз Рахим был стар- патриарх хорошо разменял уже вторую сотню лет и кровь его давно была холодна. С удивлением он ощущал в себе поднимающуюся горячую волну гнева. Гнева на выскочку, что не боялся говорить прямо. Гнева на то, что этот новоявленный потомок древнего императора говорил правду. Род Рахим медленно угасал. Без крови. Без надежды. Вездесущие и неприлично богатые Хайм переманивали женщин из оскудевшего рода, тогда как красивым, но бедным Рахим доставалась лишь тайная любовь, но не родовой брак. Женщин. Плевать на женщин, бесчестные Хайм сманивали Матерей! И даже это сходило с их владетельных рук. Хайм, словно пиявка, высасывали из Рахим кровь, имущество и силу. Триста лет... Всего три поколения для долгоживущих — но у чистокровных эльфар на десяток женщин лишь одна плодовита. Мать. Основа Рода. Алари Аз Рахим, как глава клана имел двух плодовитых жен. За сотню лет они одарили его полной полусотней детей. И только шесть из них были девочки. Одна погибла в детстве — редко, но случалось и такое. Одна вышла замуж в чужом Роду. Патриарх скрипнул зубами от ярости, вспомнив проклятых Хайм. Увести в чужой род прямого потомка патриарха- раньше это была бы война. Раньше... Честь- вот о чем говорит проклятый Хоран. Честь и достоинство древнего рода. Что жизнь одного- пыль. И все же... Он- один. Он- полукровка. Проще самому себе полоснуть хиссом по горлу. Но он- борется. У него за спиной не стоят пять тысяч воинов, само его существование ненавистно влиятельнейшему клану. Дважды его травили самым страшным ядом — а он здесь и требует Испытания, а не защиты. Так кто же в империи воин?! Глубоко задумавшись, патриарх не заметил все нарастающего недовольного гула в совете. Впрочем, стоило ему поднять ладонь- воцарилась тишина:

— Я, Алари Аз Рахим, отец дочерей Тин Рахим и Аль Рахим, патриарх клана Рахим, п

праву отца и по праву патриарха назначаю Арею Ард Хоран Испытание! Итак, какой ранг он будет защищать?

— Мастер! — выкрикнул Карн Эль Рахим, допущенный на совет, как телохранитель. Принц тяжело взглянул на него и Эль Рахим опустился на колени:

— Прости, господин — но меньшее- смертельный позор для моей звезды. И смерть для меня, господин.

— Долг перед братьями по оружию свят, Карн. Встань. Испытание на ранг мастер, патриарх. — Ворон церемонно склонил голову.

— Если испытуемый подтвердит ранг, то станет одним из Рода и получит возможность говорить с моими дочерьми о браке. Если погибнет- значит, такова воля Матери и вины рода Рахим в том нет. Если же не выдержит и останется жив- сможет пройти испытание не ранее, чем через год.

— Я видел! Я знаю! Я свидетельствую! — слитный грохот и топот суетливых ног. Родовую Арену нужно готовить к испытанию.

Глава 7. Испытание

Известие охватило клан Рахим, словно пожар. Само по себе испытание не было такой уж редкостью — но взбесившийся полоумный полукровка, замахнувшийся на одну из дочерей патриарха и заявивший статус мастера- это было... необычно. Ново и свежо. Интересно. Три часа- путь от столицы в родовое владение рода Рахим- срок не большой, но на Арене собрался почти весь клан. Патриарх вновь скрипнул зубами от ярости, окинув взглядом построенное еще в благие времена грандиозное сооружение. Жалкие потомки занимали едва ли десятую часть амфитеатра, построенного великими предками. Прав проклятый полукровка, прав. Клан медленно вымирает. Темные! Патриарх с раздражением смотрел на абсолютно спокойного принца, ожидавшего вызова на арену в окружении поредевшей звезды Карна Эль Рахим. Карн хорошо позаботился о своем господине, на пальцах разъяснив тонкости общеизвестных правил испытания. Когда патриарх объявил полукровку главой рода Хоран, а главы семей ударили себя кулаками в грудь — повисла тяжелая тишина.

— Арей Хоран...

— Меня зовут Арей Ард Хоран! Я сын своей матери!

— Арей Ард Хоран! Вызови противника на первый поединок!

— Рекрут, новак и воин.

— Кто из них?

— Все трое. Я защищаю ранг мастера- к чему зря терять время.

— Будет так.

Ворота открылись и к стоящему на песке полукровке вышли трое эльфар. Рекрут, обучавшийся воинскому делу всего полгода, новак, обучавшийся два года и прошедший испытание. Воин, побывавший в настоящем бою и проливший кровь врага. По неведомым причинам на проявленное принцем пренебрежение они решили ответить благородством. Воин и новак застыли, рекрут шагнул к принцу. Ворон хмыкнул, плашмя опуская лезвие тяжелого хисса на шлем добровольца. Движения рекрута для мастера ножевого боя явно были слишком медленными. Не успевший сделать даже замаха рекрут рухнул на песок. Воин и новак переглянулись. Мгновение- и вот они уже в парной стойке. Каждый из них, словно часть единого организма- две клешни одного скорпа. Подшаг, приближение- атака. Звон тяжелого лезвия хисса. Оглушенный мощным ударом по шлему новак отлетает в сторону. Воин кривится- пропустил два сильных удара по ноге и по шее. Принц в защитной стойке делает легкий поклон и чуть качает правым хиссом, приглашая продолжить. Но воин вкладывает оружие в ножны и кланяется, словно старшему. Трибуны взрываются одобрителем гомоном. Пропущенный удар в шею видели все и в бою этот удар был бы смертельным. Честно признать поражение- тоже доблесть.

— Арей Ард Хоран! Вызови противника на следующий поединок!

— Ветеран!

Шутки кончились.

Сосредоточенность. Серьезные глаза битого жизнью эльфар. Скупые движения. Шахматная партия хиссами. Контакт. Ветеран улыбается уголками губ, слизывая кровь, сочащуюся из пореза под глазом. Принц приглашающе качает клинком. Контакт. Ветеран шипит от обиды- новый порез, уже на на шее, набухает тяжелыми багровыми каплями.

Хочется со звоном бросить хиссы на арену- но нельзя оскорблять родовое оружие. Глубокий поклон и ветеран под восторженный рев трибун с достоинством покидает арену.

— Арей Ард Хоран! Вызови противника...

— Подмастерье!

Новый соперник чуть не скачет от восторга и машет руками, приветствуя толпу. Выделяет хиссами петли и восьмерки, срывая мимолетные овации и дешевые восторги. Тратить на это силы? Перед боем? Глупо. Обезьяньи ужимки. Странно. Какой-то слишком молодой и дерганый. Похоже, что и тут не без греха — решили продвинуть раннего родственничка, дав возможность засветиться в заметном событии. Контакт. Слабо. Откровенно слабее даже ветерана. Рывок. Увод. Захват и фиксация. Руки заблокированы, хисс на горле. Теперь этот клоун даже вдохнуть слишком глубоко боится, чтобы глотку себе не перерезать. Чистая победа. Продержав противника десяток ударов сердца, Ворон оттолкнул побежденного и еле увернулся от подлой отмашки, пробороздившей разрез на щеке.

— Получил, выродок?! Это не танцы, здесь бой, кровь и смерть! — щенок просто взярился оттого, как легко его сделал Ворон. Трибуны осуждающе загудели- так бывает всегда, когда чистый спортивный поединок переходит вдруг в безобразную базарную драку.

Ворон усмехнулся холодно:

— Ты выбрал. Будет так. Кровь и смерть.

Он сказал негромко- но гулкий голос докатился до самых отдаленных уголков арены и в сердцах вдруг появился холод и страх. Замерли. На трибунах только начал зарождаться горестный вой, когда полукровка нанес три мощных удара. Правый — и правая кисть недоумка вместе с зажатым в ней оружием валиться на песок. Левый- левая кисть отделяется от обрубка, заливающего песок ярко-алым

— Кровь! — рычит принц Арей.

Вместе- и два хисса крестом, словно гигантские ножницы, срезают с плеч недалекую голову:

— И смерть! Да падет твоя дурная кровь на твою дурную голову!

Кровь фонтаном бьет из обезглавленного тела, превращая песок в густую багровую грязь. Отступивший мгновенно принц отделался лишь парой пятен.

Два вдоха.

— Круг мастеров!

И снова, требовательно и зло:

— Круг мастеров!!!

В зловещей тишине чей-то недовольный старческий скрипучий голос прозвучал вдруг неожиданно громко:

— Да охлони ты, буйный! Куда выкликаешь?! Ишь, как ... нагваздал!

И словно прорвало плотину молчания- амфитеатр взорвался шумом, хохотом, говором, поздравлениями и проклятьями. Где-то вдалеке на одной ноте подвывала то ли возлюбленная, то ли мать подлеца- неудачника, который уже никогда не станет мастером.

Ворон ни о чем не жалел. Милость- для слабых, а Рахим со стальным сердцем. Уважение надо заслужить. Кровью. А наказание за подлость в бою всегда одно. Только смерть. Земля покроет все. Сначала вынесли тело, потом собрали обрубки. Песок, густо пропитанный кровью, вытащили в ведрах, в ведрах же принесли сухой и свежий.

— Круг мастеров!

— От теперь впору! — от слов самозванного управителя амфитеатр вновь взорвался хохотом. Воины легко относились к смерти — да и не стоил этот подлец того, чтобы его жалеть. Потерять лицо на людях, перед всем кланом- воистину, достойный Хоран подарил недоумку наилучший выход. Земля укроет все. Но всякий звук смолк, когда на песок вышло пятеро. Боевая звезда. Боевая звезда мастеров.

— Арей Ард Хоран! Ты должен простоять шесть десятков ударов сердца!

— Бой!

Они двигались плавно, слаженно, не спеша, грамотно — словно здоровенная старая тха, свивающая кольца перед прыжком на добычу. Темная! Стоявший неподвижно полукровка вдруг нырком бросился им в ноги, оперевшись руками в арену ударил двух мастеров снизу в подбородок НОГАМИ! Звезда смялась, когда двоих подкинуло от мощной плюхи. В образовавшейся бреши вдруг возник полуорк, словно ломом просадив правым клинком блок ближайшего мастера и добавив левым плашмя по шлему. Невероятным прыжком он уклонился от атаки двоих оставшихся, и, разорвав дистанцию, застыл, готовый к бою. Получивший по шлему вложил хиссы в ножны и, поклонившись, пошатываясь побрел к трибунам, потрясенно покачивая головой. Получившие апперкот ногами также с трудом поднимались на ноги, кланялись и отходили в сторону. Им не свистели- от бойца, получившего тяжкий удар в голову, в ближайшую минуту будет больше вреда, чем толку. А бой всего на шестьдесят ударов сердца. Оставшаяся двойка осторожно атаковала, но напряженный полукровка отбивал с такой дикой силой, что хиссы выворачивало из рук. Обоим мастерам одновременно вдруг пришло в голову, что стоит им оплошать- и дело может закончиться небывалым позором. Претендент из чужого рода раскатает на Арене пятерку мастеров Рахим! И мастера сами ушли в глубокую оборону, атакуя чисто для вида отступая при малейшей опасности. Полукровка тоже танцевал собранно. Создавая лишь видимость активного боя. Гонг все трое встретили с облегчением. Претендент поклонился мастерам полным поклоном, как ученик учителю, как старший младшему. И они ответили ему, как равному.

— Славься, Арей Ард Хоран! Славься, Мастер меча дома Рахим! — бесновалась толпа надрывая глотки — Вы-бор! Вы-бор! Вы-бор!

Глава 8. Выбор

Их было четверо, но они были разные как день и ночь. Дочери старшей жены из семьи Тин обе были высокого роста — на этом их сходство заканчивалось. Арана Тин Рахим в полном доспехе командира боевой звезды — тяжелая и массивная. По габаритам она если и уступала Ворону- то самую малость. Лицо с нитками старых шрамов, доспех с выщерблинами- не парадный, а повседневный, боевой. Тяжелый и раздраженный взгляд.

Ида Тин Рахим — высокая миловидная водница с ярко-голубым водопадом волос смотрела доброжелательно и внимательно. Близняшки Аль Рахим едва достигли совершеннолетия. То, что их звали замуж их и пугало и льстило невероятно. В роскошных нарядах, с кучей семейных драгоценностей на песке арены эти две невысокие эльфари смотрелись чужеродно — словно племенной однорог, запряженный в крестьянский плуг.

— Я, Арей Ард Хоран, мастер рода Рахим по праву Испытания говорю с тобой, Арана Тин Рахим, с тобой Вельма Аль Рахим, с тобой Ида Тин Рахим, с тобой Юлга Аль Рахим. Я намерен возродить род Хоран и прошу семью Аль или семью Тин стать первой семьей возрожденного рода. Я — единственный законный наследник Рода.

— Я видел! Я знаю! Я свидетельствую! — слитный вопль тысяч плотов и слитный лягз тысяч кулаков заглушили все и Ворон замолчал, дождался тишины и продолжил:

— Имущество Рода захватили Хайм- но я надеюсь вернуть себе на него право, хоть это будет и непросто. Я не стану лгать о будущем — оно лишь в далеких облаках, я не стану лгать о неземной любви- я обещаю лишь защиту, заботу и верность.

— Вам никогда не говорили, принц, что вы дурной торговец? — в бархатном голосе Иды Тин Рахим прозвучала легкая насмешка, но в ее голосе не было враждебности — лишь интерес. Высокая стройная водница с легкой улыбкой смотрела на Ворона, чуть прикусив губку и на щеках ее разгорался румянец смущения.

— Я воин, а не торговец, прекрасная госпожа — с поклоном ответил Ворон, с удовольствием ловя ее взгляд, давая понять, что ее интерес им замечен и ему приятен.

— Да какой ты, к Темной, воин! Подарили наследничку испытание. Такого позора столет не видела. — хриплый голос Араны Тин Рахим разнесся по омертвевшему от неприкрытого оскорбления амфитеатру. Злобный характер старшей дочери патриарха, вопреки всем канонам водившей собственную звезду из мастеров-мужчин, был общеизвестен.

— Испытывал меня ТВОЙ Род, госпожа- Ворон лишь чуть наклонил голову, соблюдая традиции, но и выражая явное презрение к собеседнице:

— Но если ты не веришь СВОЕМУ Роду — назначь поединщика.

Амфитеатр также засвистел и зашумел — обвиняя в нечистоплотности весь Род, дочь патриарха переходила границы дозволенного даже для нее.

— Я видела! Я знаю! Я свидетельствую! — в голосе Араны слышалась неприкрытая торжествующая радость. Масляные взгляды, которые сестричка- водница бросала на этого жеребца неожиданно просто взбесили ее. Подумаешь, одаренная! Дара Араны еле-еле хватало для укрепления тела- и что? Она добилась всего- и даже мужчины смотрят на нее с завистью, опаской и уважением! Арана и сама не понимала, отчего так — но холодная мощь силы этого Хоран вызывала в ней безотчетный страх и еще какое-то незнакомое ранее чувство, заставляющее подгибаться колени. А теперь еще и эта соплюшка Ида! Тяжелая

злоба совсем затуманила голову и, красная от гнева, она сплюнула под ноги на песок Арены.

— Назначь поединщика — равнодушно повторил Ворон.

— Я сама тебя отделаю! Втопчу в грязь. Высочка!

— Поединок с женщиной? — в голосе этой ледяной глыбы ни страха, ни колебания, ни удивления. Лишь вопрос.

— Я не женщина, трус! Я командир боевой звезды мастеров! Мастер Арана Тин Рахим. Что? Не можешь ударить женщину?! Тебе же хуже! Ты недостойн звания мастера- откажись и уходи с позором- тогда я сохранию тебе твою жалкую жизнь! Высочка!

Неожиданно для Ворона часть амфитеатра поддержала Арану согласным гудением. Впрочем, он быстро разобрался, в чем дело- каждый из Рахим зарабатывал звание мастера потом и кровью. Годами. Изо дня в день, на глазах всего рода. Долго и тяжело. Для них Ворон — пришелец из незнакомого им столичного мира- действительно высочка. Раз- и мастер. И сейчас скандальная дочь главы Рода невольно высказывала это общее раздражение.

Ворон взглянул на патриарха Рахим — но тот лишь беспомощно пожал плечами.

— Как бы не повернулось, патриарх — помни, я не хотел проливать кровь между нами.

— Если ты ее убьешь...

— Не трать слов напрасно — и так ясно. Какой муж из убийцы сестры.

— Хватит болтать! Пошли все вон! Поединок! Поединок! Поединок! — надо отдать должное, завести толпу она сумела. Крик Араны подхватил амфитеатр и тысячи глоток скандировали:

— По-е-ди-нок! По-е-ди-нок! По-е-ди-нок!

Ритуал выбора, обычно отличающийся лишь сальными шутками да острым словом, сегодня радовал неожиданным поединком. Пусть Испытание выдалось кровавым- но толпа все еще жаждала зрелищ. И крови.

Что-то там вещал патриарх, обосновывая поединок. Ворон сосредоточенно молчал, накапливая в руках силу и скорость для рывка. До-н-н-н-г! Гонг еще звенел, когда правый хисс воительницы, выбитый мощным ударом, покатился по песку. Заломленная рука причиняла ей невероятную боль, а хисс у горла даже дышать позволял с осторожностью.

— Ар-рей! Ар-рей! Ар-рей! — вопящая и улюлюкающая толпа ее не занимала — ей было важно захватить каждый глоток воздуха. Темная! Повестись на тот же самый трюк, что уже был проделан с подмастерьем! Да она совсем голову потеряла!

Внезапно лезвие перед горлом исчезло и тело неуклюже повалилось на песок- прямо на выбитый из рук хисс. Она схватила его и взлетела на ноги одним прыжком- но вместо беззащитной спины встретила лишь насмешливую и брезгливую улыбку Ворона, изготавившегося к нападению.

— Ваш подмастерье преподавал мне урок. Он усвоен. — в негромких словах было столько презрения, что он словно плюнул ей в лицо. И она накинулась на него, осатанев от безумной ярости. Осыпая сотнями, тысячами ударов и совсем не заботясь о защите. Вкладывая в тяжелые безрассудные удары свой страх, свою обиду, свой гнев. Амфитеатр ревел в негодовании. Ворон лишь отбивал, ускользал, блокировал- и не мог подловить момент, чтобы обезоружить обезумевшую фурию. Ему приходилось думать о безопасности обоих- иначе эта одержимая расплосовала бы уже сама себя. И он подставлялся. Доспех окрасился красным. Толпа гневно редела. Поединок свят — но это уже не поединок а убийство.

Раны Ворона при каждом движении порождали боль. В душе его не было страха- там

разрастался гнев. Гнев огнем пробежал по телу, взбугрив налитые мышцы — хиссы и доспех стали вдруг невесомы, а нападавшая — неуклюжей и медленной.

— Ррр-а!! — аткующий крик оркхай плетью ударил по амфитеатру, Мощный отбив отбросил Арану, едва не выронившую оружие. Хиссы принца скользнули в ножны, а багровая пелена окончательно застлала его глаза. Арана вновь бросилась в атаку.

— Ур-кха! — гневный рев воина урукхай сотряс амфитеатр. От свирепого удара открытой ладонью в грудь Арана взлетела, словно камень, подброшенный катапультай.

— Поединок! Тварь ничтожная! Самка! — гортанные слова языка оркх разлетались в эльфийском амфитеатре грохотом валунов, катящихся со скалы.

— Вставай, позор своего рода! — Ворон презрительно плюнул на песок. Ярость унижения придавала тяжело поднимающейся Аране силы. Всю свою мощь она вложила в удар — хисс лишь бессильно зазвенел, словно врубившись в камень. Приняв удар на один кованный наруч, принц- урукхай ударил вторым между концом лезвия и рукоятью. Правый родовой хисс Рахим лопнул с жалобным звоном. От жестокой оплеухи она покатила по песку, а за ней шел он, сжимая в руке ее левый родовой хисс.

Он больше ничем не напоминал ей изнеженного и утонченного эльфара — в нем пенилась и ревела древняя и дикая кровь оркх. Взбугрившиеся мышцы, чуть не разрывавшие доспех, налитые кровью массивные надбровные дуги, оскаленные острые клыки, уже не казавшиеся милыми и не прячущиеся за губами. Обнаженное оружие, цель которого одна — рвать мясо.

Огромная лапа воздела безвольное тело, сминая доспех.

— Ты хотела поединка, самка! Прими свой позор! — левый хисс взлетел в небо. Даже сквозь дикую боль Арана понимала, что мир ее рухнул. Потерявший один хисс в бою еще имел шанс вернуть себе уважение — надо было лишь вернуть хисс и принести голову завладевшего им врага. Если же враг сломал твой правый хисс на глазах воинов — смыть позор можно лишь левым — но самой! А теперь — ее зарежут, словно грязную свихху, ее же собственным хиссом. Мать и отец уйдут в землю от такого позора.

— Урр-кха! — лезвие зависло над ней огромным серпом и качнулось вниз. Внезапно обострившимся зрением она видела на нем каждую зазубрину. Гнев ушел, оставив лишь растерянность. Отчего она вдруг сломала себе жизнь? Что это за новое чувство — страх пополам с яростью, заставляющий дрожать колени? Отчего вдруг ей стала так ненавистна выскочка Ида и до кишок захотелось пустить кровь этому холеному жеребцу, ей улыбающемуся? Жеребцу? Оскаленные клыки напротив ее глаз подошли бы махайроду. Она убивала, да — но вдруг оказалось, что рубка с бандитами или дуэль — это совсем не то, что поединок с берсерком — урукхай. Опозорила семью. Что сподвигло ее бросить вызов — она так и не смогла понять. И лишь ждала, когда клинок, бывший прежде частью ее руки, вопьется ей в грудь и развалит сердце надвое. Жадно ждала, когда придет, наконец, боль и тьма.

— Ворон! — взметнувшееся синее облако вдруг заслонило ярящегося урукхай.

Выламывая кисть, Ворон едва отвел лезвие от головы метнувшейся под руку и заслонившей собой сестру магини. Смахнув несколько прядей волос, хисс со свистом врубился в песок арены.

— Зачем?! Мог убить! — прорычал урукхай, глядя на эльфарку налитыми кровью глазами.

— Ворон! Посмотри на меня, Ворон! Говори! Со мной! На эльфара. Не на оркх. Ты Аре!

Ард Хоран, Ворон. Родовитый эльфар, глава императорского рода!

— Прости, госпожа, но твоя сестра, возмнившая себя воином, заставила меня потерять разум.

— Ида, Ворон, просто Ида. Невесту не нужно звать госпожой. Жену- возможно, но в особых случаях — водница лукаво улыбнулась и рассмеялась.

— Ида Аз Рахим- я спрашиваю тебя- ты сделала выбор?

— Я лишь сухая ветвь, Ворон. А она- Ида кивнула на безвольно висящую в руке Ворона сестру:

— Ворон, у нее еще не было мужчин и она вполне может стать Матерью твоего Рода. Ты привлек ее- но она еще не понимает этого чувства. А на мне Проклятье...

— Проклятье! — Арей отпустил доспех и оглушенная воительница безвольной куклой опустилась на песок арены.

— Проклятье. Неужели даже ты- магиня- не понимаешь?! А впрочем... Ида Аль Рахим- я спрашиваю ТЕБЯ еще раз- ТЫ сделала выбор?

— Да, Ворон. Да. Ты знаешь, что твое прозвище это имя птицы, которая умеет летать между мирами?

— Почему ты зовешь меня Вороном?

— Твой телохранитель. Он сказал, что это имя ты услышишь даже в боевом безумии. Я позвала и ты услышал.

— Ты очень рисковала. Как быть с ней? — Ворон кивнул на распростертую на песке Арану.

— Я стану выкупом за нее. Только... — она взглянула на торчащий в песке левый хисс. Ворон понимающе улыбнулся и ударом подкованного сталью боевого сапога переломил его пополам.

— Живи. Живи- и знай свое место, женщина! — потерявший оба родовых хисса уже никогда не сможет стать воином эльфар. Даже если небо упадет на землю и реки потекут вспять. Такое не прощается. Невозможно. Ни роду ни семье теперь ничего не угрожало. Считалось, что виновный наказан уже самим фактом вечной потери родовых клинков. Родовых клинков не полагалось женщинам. Патриарх приложил огромные усилия, чтобы его дочь взяли в обучение и она получила эти клинки. И вот оно что вышло.

— Вы-бор! Вы-бор! Вы-бор! — бушевала толпа, когда Ида Тин Рахим одела свой девичий пояс на шею избраннику. Невеста ушла из рода- но Ида Тин Рахим — сухая ветвь — Род потерял всего лишь средней силы водницу — а их в Роду достаточно. А вот породниться с Родом императора- это честь! Тем более, что принц не сманил девушку, как подлые Хайм. Потомок самого Императора пришел к Рахим по древнему канону и с честью прошел испытание. Теперь он стал частью рода Рахим — а потому им можно гордиться! А патриарх-дважды везунчик. Дочь пустую выдал замуж почетно, по обычаю. И нашел- таки того, кто окоротил его Арану неумную. Теперь охолонет- глядишь, и жених ей найдется. А то- разве дело- женщина- командир боевой звезды. Как он там сказал — знай свое место! Есть, есть и в обычаях диких народов верное. На площади перед Ареной женщины уже накрывали обильные свадебные столы. Досыта насладившийся зрелищем народ со всем вниманием поспешил к небывало щедрому угощению. Свадьба Иды Тин Рахим началась просто роскошно- глядишь, и дальше будет не хуже. Род Рахим с радостью окунулся в праздник, отдаваясь ему без остатка.

Глава 9. Утро

Клан Рахим.

В огромное, до пола, окно заглянуло солнце и робкий шаловливый луч, пробежав по разворошенной кровати, пополз по закрытым глазам спящего Ворона. Проснувшаяся уже, Ида при свете дня изучала своего суженного. Магиня далеко не впервой видела мужское тело — но налитая до краев мощью фигура Хоран завораживала даже ее. Касаясь кончиками пальцев ниток старых шрамов, она задумчиво улыбалась, вспоминая безумства прошедшей ночи, а потом вдруг наткнулась на ясный взгляд Ворона.

— Доброе утро, милая! — Ида чуть смущенно кивнула:

— Доброе утро, муж мой.

— Ты изучаешь меня настолько внимательно, что мне даже неловко- улыбнулся Ворон — Что-то со мной не так, магиня?

— Я хочу кое-что тебе сказать. Знаешь, ведь в моей жизни уже были мужчины, Ворон...

— Если ты мне сейчас расскажешь, что я из них самый-самый... Боюсь рассмеяться.

— Ну почему ты так... — Ида обиженно насупилась, но Ворон ласково тронул ее за плечо.

— Милая, я прекрасно понимаю, что у тебя есть прошлое. Я думаю, что и ты прекрасно понимаешь, что прошлое есть и у меня, верно?

— Да- глаза Иды из обиженных стали слегка задумчивыми, а Ворон продолжил — и я и ты сделали свой выбор сейчас, в настоящем. Ты со мной, я с тобой. Это- реальность, это- важное. А что там было- в прошлом- этого уже нет. Это даже не прошлогодний снег- это воспоминания о прошлогоднем снеге, понимаешь? Я знаю, что ты никогда не забудешь первый поцелуй и я не смогу дать тебе ничего подобного- но я смогу подарить тебе что-то другое, что будет для тебя важно и дорого, правда?

— Правда! — она вжалась в него всем телом. Довольно массивная и высокая для эльфар, ее фигура на фоне могучего торса Ворона выглядела маленькой и хрупкой- и Иде это ужасно нравилось.

— И ты совсем-совсем не будешь...

— Ида, уймись. Достаточно того, что ты родишь мне детей... — она отшатнулась, как от пощечины, а глаза ее заволокло слезами. Он же знал, что она сухая ветвь! Зачем же так... Больно и жестоко! Она рванулась из кольца его рук, но он легко ее удержал, а затем она услышала невероятное.

— Ну ты же умеешь укреплять и видеть тело, магиня. Так посмотри сама. У тебя запах изменился, милая. Ты беременна.

Она сидела, оглушенная и опустошенная. Робко, боясь поверить, она потянулась к себе... И увидела. То самое, что так давно мечтала увидеть и так мучительно и тщетно искала. Робкий, еще едва видимый тонкий контур. Едва-едва заметный- словно волос на обжигающе- ярком свету.

— Но...как? Как это возможно?! На мне Проклятье...

— Неужели ты так ничего и не поняла? — она только отчаянно замотала головой, поглубже забираясь в кольцо его рук и вжимаясь в его мощное тело.

— Ладно, слушай. Допустим, ты этот самый шаман-проклятун. Какие параметры ты задашь своему проклятию?

— Параметры?

— Ну, оно же должно знать, кого убивать, а кого не трогать?

— А, привязки. Поняла. Ну это же понятно- бесплодить эльфар.

— А оркхай?

— Что- оркхай? Ах да, это. Ну да, бесплодить эльфар и не навредить оркхай. Это ясно. Дальше.

— Дальше. Как проклятие отделит оркхай от эльфар?

— Ну, по крови, конечно же. Это же самое надежное и про... — Ида отстранилась и внимательно посмотрела на своего мужа — ...стое. Так вот что ты понял! Ворон! Ворон, ты понимаешь что это...

— Тихо, милая. Тихо-тихо. Пока это только наш с тобой секрет. То, что ты искренне считаешь спасением — многие посчитают проклятьем похуже старого.

— Я не смогу! Отцу...

— Отец- это святое. Родным можно. Только ты вот что. Расскажи про беременность, но не объясняй ничего. Пока. Случилось и случилось. Так же бывает? Бывает. Редко-но бывает.

— Почему?

— Кто я, Ида?

— Арей Ард Хоран, муж мой, отец моего ребенка! Лучший из эльфар, подаренный мне самой Великой Матерью! — Ворон смущенно улыбнулся.

— Для тебя- да, родная. Но для остальных- полукровка. А полукровок...

— Не любят и презирают.

— Верно, милая. Меня охранит высокий род и предусмотрительность матери. Знаешь, иногда я думаю, что это проклятие — кара Первоматери за высокомерие эльфар. Ты знаешь, что у оркхай тоже есть ее храмы?

— Но оркхай не такие, как мы.

— Верно. У твоего ребенка будет три четверти лучшей эльфарской крови- вполне возможно, что он будет выглядеть чистокровным эльфар. Но, также вполне возможно, что он пойдет в меня и крепкая часть густой оркской крови даст ему мою плотную кость, мои карие глаза, мои крепкие зубы и черные волосы. Ты не станешь любить его за это? Оттолкнешь и станешь презирать? Ведь он будет не такой...

— Ты что! — крепкие маленькие кулачки вполне чувствительно ударили его в мощную грудь — Как ты можешь говорить такое! Это же мой ребенок! Мой! Моя кровь! Мой сын!

— Тогда почему ты хочешь этого от Нее? Как Она может любить только эльфар и оттолкнуть оркхай лишь потому, что у них крепче кости и больше зубы? — простой вопрос ударил Иду в самое сердце. Душа, смирившаяся с огромной потерей и обретшая вдруг снова счастье материнства не могла даже помыслить оттолкнуть ребенка. СВОЕГО РЕБЕНКА Выше сил любой матери.

— Именно поэтому сейчас сама наша жизнь зависит от их крови?

— Если ты думаешь, что я читаю мысли Ее...

— Да, муж мой, я думаю, что ты читаешь Ее мысли. Подожди- приложив пальчики к его губам, она остановила Ворона, пытавшегося ей возразить — муж мой! Я принесу тебе любые клятвы, что без твоего на то разрешения я никому ничего не скажу. Ни о том, что я от тебя услышала, ни о том, о чем догадалась. Никому, никогда и ничего. Говори, чем мне клясться...

— Твоего слова достаточно- улыбнулся он.

— Ты так мне веришь?

— Как я могу тебе не верить- ты носишь под сердцем мое дитя.

— Да! — Она вновь прижалась к нему крепко-крепко. Расскажи мне, почему и что Первомать решила сделать с нами- тихонько попросила Ида.

— Но откуда мне...

— Расскажи! — она требовательно взглянула в его глаза и чуть толкнула в грудь — расскажи!

— Ладно. У Первой матери много детей- но эльфар и оркхай, пожалуй, самые беспокойные. Мы дрались всегда- с самого рождения. За ее внимание и любовь. Каждому народу нужно было доказать Ей, что мы ... Лучшие, избранные. Самые любимые. Ты права, мы были слишком разные, чтобы действовать вместе. Многочисленные стычки не вызывали Ее внимания, но потом- потом эльфар заигрались. Перед Большой войной совет магов начал разрабатывать заклинания- особые боевые заклинания. Против оркхай. Что-то вроде того, что превращает жеребца в мерина- ну, ты понимаешь...

— Возмездие! Проклятье оркхай- это не проклятье, а лишь воздаяние...

— Все те эльфар, кто занимался этим- их всех унесли несчастные случаи, внезапные болезни и сама война- никого не осталось. Память об этом- дневники, записи — за тысячу лет все надежно утрачено.

— Мать все делает надежно.

— Да. Большая война окончилась — эльфар. Воздаяние? Пожалуй. Со свойственным Ей милосердием она показала эльфар, насколько подлую вещь хотели они сотворить. Показала и оставила эльфар шанс на выживание. И примирение. А вместо этого стремительно вымирающие Рода тысячу лет воруют друг у друга немногочисленных оставшихся Матерей.

— Это Хайм! Хайм воруют! Никто не обвинит Рахим...

— В этом ли дело, милая?

— Да, в это ли дело... — Ида надолго задумалась и затихла в теплых и надежных объятиях мужа. Ворон же и вовсе изгнал из головы все мысли и расслабился, отдавшись коротким мгновениям отдыха и безмятежности, легонько играя светло-голубой прядкой ее волос.

— Это же не обойдется без большой крови, да? — она, наконец, подняла глаза.

— Обойдется. Я очень надеюсь, милая, что обойдется. Слишком мало осталось эльфар. Но это будет непросто Ида, ох как непросто.

— Если для этого нужна будет моя жизнь- просто скажи- в ее словах не было ни капли пафоса и от этого такие простые слова звучали в роскошной спальне молодоженов особенно страшно.

— Хватит тяжелых мыслей- нас ждут твои родители, а народ ждет второй день праздника! Вставай и одевайся, лежебока! Бегом! Ну!

Спустившуюся в зал молодую пару шумно приветствовали, но Ида вдруг бросилась на шею отцу и матери, заливаясь слезами. Гости мгновенно напряглись, положив руки на рукояти хиссов. Первый Меч, отвечающий за безопасность Рода Рахим, ожег безмятежного Хоран угрожающим взглядом, но тот абсолютно спокойно сказал:

— Не беспокойтесь так, уважаемый. В ее состоянии это вполне естественно.

— Как-ком таком состоянии? — полузадушенно выдохнул Алари Аз Рахим из мокрых объятий дочери.

— Мам, пап- я беременна!

— Все хорошо, милая... Что?! Но как?! Как возможно?! Дочь! Ты! Ты уверена?!

— Ну паа-п! — протянула Ида, укоризненно улыбаясь сквозь слезы.

— Ну да... Ты же магиня! Да... Но как?! Как возможно?!

— Щедрость первой Матери безгранична- флегматично ответил Ворон. Враждебная обстановка сменилась для него на прямо противоположную. Рахим смотрели теперь с явным расположением и одобрением- а Первый Меч даже негромко поздравил.

— Ты не осознаешь, что ты для меня сделал, Хоран! Для всех нас! Пока не осознаешь! Добрый знак, братья! Добрый знак! После стольких лет... Сердце рвется, когда хочешь помочь своему ребенку- но ты беспомощен! Я благодарен тебе... Сын. Если я могу что-то для тебя сделать...

— Да... отец. Мне стыдно просить тебя в такой момент- но на мне лежит ответственность. В таверне Пьяный однорог меня ждут несколько... разумных. Оркхай- но они клана моей матери. Моего клана. Они мои оркхай. Их ведет сотник по имени Гор Дан. Я прошу для них приюта и защиты — Ворон снял с шеи резной клык майхорда и протянул, было, патриарху, но тот кивнул ему на Первый Меч.

— Тар, мы же сможем обеспечить?

— Конечно, патриарх- кивнул Первый Меч Рахим:

— Знак вестника? Вполне разумно- Тар Эль Рахим скупно улыбнулся, принимая амулет.

— Прошу тебя, не медли- их жизни очень важны для меня- попросил Ворон.

— Когда вождь заботится о своих- это правильно. Кем бы они не были. Я не буду медлить...родич.

— Я благодарен тебе, родич. Я благодарен.

Глава 10. Неприятности

Хаан Аз Хайм

Славно наслаждаться жизнью, когда все идет так, как запланировано. Когда все твои порученцы выполняют то, что обязаны и даже больше, а казна стабильно пополняется золотом и приличными атрефактами. Удовлетворение. Чувство хорошо и правильно выполненной работы. Хаан Аз Хайм, патриарх величайшего рода Хайм откровенно наслаждался каждым днем своей владетельной жизни. Он и сам был во всем образцом-довольно сильный магический дар чистой магии воздуха- природной магии Хайм, снежно-белая роскошная грива, ничуть не поредевшая за столетие, белые, почти прозрачные глаза с легкой синевой и классические безупречные тонкие черты высокородного эльфар. Официально- лишь регент, реально- император. Хаан Аз Хайм был вполне доволен сложившейся ситуацией. Потомки Хоран- один скорбный умом — кто отдаст трон безумному, второй будет вполне управляемой куклой, что очень неплохо- ибо никто из трех удаленных от власти родов не посмеет вякнуть, что Хайм захватили власть. Нет, нет и нет! У власти все также великий императорский род Хоран — мало того, надо будет заставить этого недоумка обзавестись парой жен для рождения официальных наследников. Понятно, из какого рода- но официально-то девочки будут Хоран. Нельзя дать прерваться императорскому роду-карманный императорский род Хоран очень нужен скромному роду Хайм. Жизнь империи род Хайм держал в стальных рукавицах- да и как иначе, если по численности он один превосходил любые два других вместе взятые. Высасывая жизнь других великих родов, род Хайм, вопреки орхскому Проклятию, все рос, рос и рос.

Изящные тонкие пальцы держали изящную тонкую чашку тханьской работы с лучшими тханьскими же сортами листьев Ти — для редких вин время еще не пришло. Патриарх не часто позволял себе туманить голову раньше вечерней трапезы. Честно говоря, патриарх вообще редко позволял себе туманить голову. Его будоражила и пьянила вернее самых изысканных вин абсолютная, безбрежная власть. Окинув взглядом роскошный императорский кабинет, регент любовно провел рукой по драгоценной мозаике монументальной столешницы. Хаан Аз Хайм наладил работу так, что беспокоили его всего два- три раза за день. Иногда это становилось даже чуть скучновато- но такова плата за идеально воспитанный персонал и идеально отлаженную работу. Что ж, патриарх не жаловался. Впрочем, именно сегодня привычный порядок нарушился- за роскошной дверью послышалась ругань и грохот, а затем в кабинет ввалился, отбиваясь от секретаря, Оро Тин Хайм- негласное око патриарха. Хаан Аз Хайм цыкнул на ретивого секретаря и в роскошном кабинете повис полог молчания.

— Ну и как это понимать, Оро?

— Беда, господин!

— Ты имеешь ввиду- неприятности?

— Я имею ввиду единение с деревом или виселицу, господин!

— Заговор?!

— Заговор, господин! Страшный заговор! Опасный заговор!

Хаан с видимым наслаждением потер холеные руки. Породистое лицо высокородного эльфар лучилось довольством- одно дело, когда тщательно выстроенная система монотонно работает в тепличных условиях. И совсем другое- когда твое детище успешно преодолагает

бурю, благодаря тому огромному запасу прочности, что ты много лет закладывал. А запас был немалый- и сейчас патриарх Хайм был даже рад этому испытанию. Вряд- ли заговор окажется чем-то серьезным- в выстроенной им системе это было попросту невозможно. Но разминка есть разминка. И патриарх был благодарен Пресветлым уже за самую возможность развеять монотонную скуку.

— Говори!

— Глава Хоран взял в жены дочь Алари Аз Рахим! — мир пошатнулся и закружился, словно в юности, когда по голове хорошенько прилетало тренировочным хиссом от мастера. Мысли разбежались и разложить все опять по полочкам было непривычно тяжело.

— Стоп. Глава рода Хоран? Какой Темной этот самовлюбленный придурок Эрдор так рано заявил о правах Главы?! Почему Рахим?! — тренированный мозг стремительно разбирал новые вводные на составляющие:

— Ха, наш малыш решил показать зубки? Простой расчет- Рахим — злобные вояки и защитят родича. А онберет в жены дочь главы в обмен на признание... Неожиданно — недооценил я ублюдка, недооценил. Глупо, конечно- Рахим не станут из-за него со мной ссориться. Во всем этом есть и огромный плюс- Рахим сами признали нашего наследника! Два великих клана признали наследника Хоран- сделана половина дела...

— Арей Ард Хоран — новый признанный глава рода Хоран.

— Что?! Как?! Но это же полный бред! Недоумок?! Оркхайский выродок?! Недоумок?! Полукровка?! — обычно каменно- спокойный патриарх просто взбеленился и уже откровенно орал, разнося вдребезги уникальный сервиз тханьского фарфора:

— Да что за дичь тут твориться?! — одним движением патриарх просто смахнул со стола на пол остатки посуды, освобождая огромную столешницу- словно чистый пустой стол мог навести порядок и в его судорожно пляшущих мыслях.

— Сядь! Медленно! Внятно! Полно! С самого начала!

— Да, господин! Все началось с жалобы Эльсе Ан Хайм — той дуры, что умудрилась пролезть в твою постель и трубит об этом на каждом углу- патриарх недовольно дернул уголком рта, но не перебил и соглядатай продолжил:

— Она пришла ко мне, так как знает, кто я и почему ты меня приблизил. Жалоба ее была в том, что полукровка не только не уступил ей путь, но и оттолкнул, словно низшую, а один из четверых его головорезов чуть не разделал на куски прямо на лестнице.

— Стоп! Четверых?!

— Зришь в корень, господин! В комнате его было чисто- но в шкафу нашелся пятый, зарезавшийся родовым хиссом.

— Левым?

— Восхищаюсь, господин! Именно левым. Правый был там же. Разломан на две части.

— Дальше!

— В конюшне они оседлали пятерку однорогов звезды охраны и отбыли...

— Стоп! Арей не ездит верхом!

— Прекрасный наездник, господин- однорог покойника, найденного в комнате полукровки, был, со слов служителей, жуткая, злобная и своенравная тварь. Пара оплеух- очень тяжелых оплеух, господин- и этот зверь стал образцом услужливости и покорности.

— Дальше — голос патриарха уже был тяжел, как гномий камень и неприятен, словно скрежет хисса по оконному стеклу.

— Добравшись до Рахим, принц предъявил ему некий свиток- Хаан Аз Хайм застонал

словно от сильной боли:

— Темная! Темная! Темная!!!

— Так плохо, господин?

— Брачный договор! Данхан! Наследство его матери! Но как?! Весь же дворец перерыли тысячи раз! Все его вещи распускались по ниткам! Все, что принадлежало его матери, просто сожгли! Невозможно! Невозможно!!!

— Говорили, что он общался с каким-то мусорщиком оркхом.

— Темная!!! Презренный мусорщик... Давить, давить их надо было, проклятых зверей!

— И снова начать войну, господин? — патриарх удержал злые слова, но обжег соглядатая белым от гнева взглядом. Ужас швырнул Оро на колени:

— Прости меня за глупый язык, господин! — он замер на полу, страхась поднять глаза. Долгие спокойные годы сыграли с ним дурную шутку. Оро уже позабыл, какой смертельно испепеляющей бывает ярость его господина. Теперь разом вспомнил.

— Ладно. Сядь на место и продолжай- Оро боязливо присел на самый кончик кресла:

— Рахим сходу отказали ему в защите- но полукровка заявил, что и не просил защиты и потребовал испытания. Он заявился на статус мастера.

— Они все- же подыграли ему...

— Нет, господин. Испытание он прошел с легкостью- но честно. Опять мы многое не знали о нем, господин.

— Откуда такая уверенность?

— Тин- крепкая семья, патриарх. Даже в чужом роду Тин не забывают родственников.

— Ясно. Главное, чтобы твои обожаемые Тин про наш род другим болтать не начали.

— Так вот, одна из дочерей патриарха Рахим- воин, командир боевой звезды...

— Знаю. Позор и недоразумение! Женщина, командующая мужчинами!

— Недоразумение устранено. Она усомнилась в результатах испытания и бросила полукровке вызов.

— Но если он убил одну из его дочерей- о каком браке вообще идет речь?!

— Не убил. В поединке сломал оба ее хисса- теперь она обычная женщина, а путь в воины для женщин Рахим после такого позора закрыт навсегда.

— Ну, хоть здесь хорошо. Ладно. А наш претендент...

— Теперь бесполезен. Брачный договор заключен по законам оркхай- у них узаконено многоженство, но каждая законная жена...

— Должна иметь данхан!

— Да, господин.

— И?

— Брачный договор не был разорван. Да даже и был бы разорван — она родила орчонка в браке. Арей в любом случае сын законный. Ублюдок- это наш Эрдор Ти Хоран...

— Но полукровка об этом не знает!

— Я не уверен, что разумный, провернувший такую комбинацию, о чем-то, настолько важном, вдруг и не знает.

— Ладно! Договорись о моем официальном визите в род Рахим. Ты посетишь Альвари. Нужно донести до них, что принесет нам передел власти сейчас. Уговорить, пойти на некоторые уступки. Пусть даже серьезные. Но не допустить! Нельзя допустить! Срочно! И еще- надо бы поблагодарить оркхай, любезно сохранивших наследство его матери. Горячо поблагодарить.

Оро понимающе улыбнулся:

— Я найду этого мусорщика и отправлю к нему десяток...

— Отправь два десятка. Или полусотню. Эти звери быстро сбиваются в стаи- а в стае даже такие, как они — опасны.

— Тогда полусотню, господин. Драконилов- они крепкие бойцы и не дорого берут за кровь. Уничтожить любой ценой, господин?

— Что? Да нет, того не стоит- получится- пусть тихо вырежут- а шум поднимать из-за этих грязных свихх... Того не стоит.

— Получится, господин. Непременно получится.

— Ладно! Полукровка обогнал нас на этом круге — хорошо! Не будем и мы терять время- и еще посмотрим, чьи однороги покрепче и кто возьмет главный приз по окончании всего забега. А кто сорвется и свернет себе шею.

Глава 11. Таверна Пьяный однорог

Столичные таверны бросаются в глаза показной роскошью- вычурной отделкой, редкими породами камня, огромными витражными окнами, сверкающими драгоценным цветным стеклом, изящной резной мебелью, уникальными блюдами. В столичную таверну не вхож всякий сброд. Да что говорить, даже истинного эльфара могут завернуть, если он неопрятно одет, пьян или просто недостойно себя держит. А уж к заезжим требования куда как строже. Но это в центре.

На окраинах отношение к посетителям попроще. И подвыпивший здесь- гость самый желанный. Ибо пьяные щедры. И от заезжих никто не шарахается — золото в лапах драконидов, гномов или оркхай такое же, как и в кошельках истинных эльфара. А потому душа хозяина таверны Пьяный однорог при взгляде на толпу здоровенных оркхай буквально разрывалась от противоречивых чувств- жадность его пела от счастья, поскольку и пили и ели оркхай много и жадно — истинные звери. Да какое там ели- пожирали пищу, словно лесной пожар валежник. Вайн, кружка за кружкой- и как в сухую землю. Платили хорошо. Золотом зря не разбрасывались- но и медяшек не считали. Вполне щедро. Подавальщицы покраснелись и сами упирались выдающимися частями в загребущие лапы хохочущих громил. Частенько в передник затейницы тишком опускалась серебрушка — хозяин отводил взгляд- их заработок. Жадности тоже нужна мера- отнимешь законное и сам будешь обносить клиентов, потираясь о них своими жирными телесами. И, уж явно, те не будут ни довольны, ни щедры. Толстяк хохотнул, доставая очередные кувшины с недорогим, но вполне приличным вайном. Таверна была полнехонька- даже чуть тесновато. Хорошо!

Но никак не отпускало беспокойство. Оркхай собирались здесь уже второй день. В первый день их собралось не больше десятка- а сегодня уже как есть полсотня. Всех остальных вымело- да и то- кому надо сидеть рядом с бешеными оркхай- эти легко голову снесут за косой взгляд или дурное слово. И ни высокородные ни ночные братья им не указ. Одно слово- бешеные. Даже воровская гильдия с ними не вяжется- оркхай всегда друг за дружку горой, а уж бьются- так до смерти. Да. Все прибывают и прибывают. Словно по городу пошла весть. А если они собираются- то для чего? И не случится ли это «чего» прямо в таверне? И останется ли после этого «чего» сама таверна? А делать что? Выгнать? А как? Полсотни выпивших здоровенных оркхай... Ладно, если уж ничего с ними нельзя сделать- надо хоть заработать на них побольше:

— Гура, Лиля! Какой Темной у господ кувшины пустые и на столах одни объедки?! А ну шевелитесь, лентяйки! Лакха подошла, господин- подавать?

По кивку старшего оркхай двое работников еле втащили здоровенное блюдо с целиком запеченной в печи лакхой, набитой клубнями лухоса. От убойного мясного духа во рту разом стало жирно и солоно. Тяжелый стол из мореных плах недовольно скрипнул, принимая тяжкую ношу. Оркхай одобрительно заревели- старший короткими скупыми движениями развалил парящую и истекающую соком тушу, оделив каждого добрым куском- лакха была вовсе не маленькая- но и их полсотни жадных ртов.

— Долго ли ждать, Гор? Сладко выпить и вволю побаловать брюхо нежным мясом я не прочь. Но считай второй день только и пьянствуем.

— Вождь сказал — ждать — старший методично рвал сочное мясо, запивая внушительные куски добрым глотком темного вайна:

— Я понимаю, Хаир, тебе сидеть на одном месте скучно. Но мы должны дождаться... Дверь распахнулась с грохотом. В таверну шелестящим потоком вливались здоровенные дракониды. Именно вливались- оркхай ввалились бы, выворачивая косяки, круша мебель и снося все вокруг. Эти же проклятые ящеры были бесшумны и текучи, словно вода.

— Вот и дождались! — в голосе оркхай было мрачное удовлетворение. Сразу ящерицы не кинулись- а теперь было, пожалуй, было уже и поздно. Побитые жизнью воины — урукхай- а иных тут не было- привычно сбили коробочку. В помещении не самой большой таверны стало, в буквальном смысле, не развернуться. В тесноте длинные топоры оркхай и короткие копья драконидов были одинаково бесполезны.

— Фыйтем на фосстух, орххай? — прошипел массивный драконид с ярко-красной лентой, повязанной вместо пояса.

— Полусотник- машинально отметил Гор Дан, подтверждая предложение легким кивком к невероятной радостяхозяина таверны. Широкий хозяйственный двор, словно по заказу, был почти пуст. Привозившие продукты деревенские телеги уже благополучно отбыли, а всю доставленную провизию сразу растолкали по клетям, погребам и сараям. Две полусотни стояли на просторном, утрамбованном до состояния камня, дворе вполне вольготно.

— Благодарствую, Первая Мать, что в великих своих свершениях снизошла к просьбам ничтожного и недостойного... — пузатый хозяин выглядывал в самый краешек окна на две полусотни, изготовившиеся к бою на его дворе. На дворе! Не в таверне- на дворе! Милостива ты, Первая Мать! Что они там разнесут- сарай? Да и Темная с ними! Ха, сарай поправить — великое дело! А вот после хорошей драки набегут любопытные, ой набегут. Дай, Великая Мать, дикарям — оркхай воинской удачи! Все же они, как-никак, были постояльцами щедрыми и почти спокойными. Считай свои. Хозяин цепко впился взглядом в стоящие фигуры- хорошая история стоит денег, а значит нельзя ничего пропустить.

— Чего надо, ящерица? — Гор Дан круговым движением размял плечи и демонстративно сплюнул противнику под ноги. С удовлетворением заметил, как драконид несколько раз подряд моргнул — значит злится, хорошо.

— Ты помешал уффажаемому элффар. Ты умрешь...

— И кому это я так помешал, ящерица? — драконид вновь дернулся и прошипел:

— Имя наняффшшего не расклапшщается.

— Ну ясно. Только меня убить приказано- или нас всех?

— Фсехх не получиттса — мноко слишшшском- огорченно прошипел ящер. В такой откровенности драконида не было ничего необычного- ящеры вообще не считали нужным лукавить и обманывать. И дело было не в нравственности или религии- никаких запретов у них просто не существовало. Но ящеры не лгали. Никогда. И все это знали.

— Если меня убьешь- с остальными миром разойдешься? — поднявшийся за спиной ропот Гор Дан оборвал одним злым взглядом. Наивные- подумали, что командир принесет себя в жертву и сдастся? Старый сотник слишком опытен для этого.

— Клафффное- фыполнитьфолю нанимателя. Лишшняя хроффф лишш шелательна, но не неопхотима.

— Ты что это удумал, сотник?! — схвативший его за наплечник Хаир мгновенно получил по рукам и усталился в белое от гнева лицо воина урукхай:

— Клятву забыли?! Так я напомним! Привести в степи Наследника. Сына Уны Ол Маари- Золотой бабочки, первой дочери Матери Матерей. Я- помню! И, если надо будет

умереть... — оркхай недовольно заворчали, а Гор Дан, обернувшись, выкрикнул:

— Поединок, ящерица! Один на один- каждый со своей броней и оружием! Убьешь- забереешь голову- никто слова не скажет- он цыкнул на заворчавших, было, оркхай и продолжил:

— Забереешь башку- работа твоя будет сделана, воинов сбережешь.

— А есссли ты убьешшшь?

— Слово дашь, поклянешься Первоматерью, что до следующего восхода твои воины не обнажат против нас клинок и не будут пытаться захватить.

— А поссле? Поссле слетующщеко воссехота?!

— Все, как раньше. После договор закончится.

Ящер задумался. Человек бы тер подбородок, чесал в затылке или потирал руки- драконид просто замер каменным изваянием. Сделка была неплохой. Вполне неплохой. Дойди дело до общей свалки- это будет даже похуже поединка. Все оркхай- даже те, что помладше, имели по несколько старых шрамов, а их доспехи несли следы многих сражений — новичков тут не было. В его же полусотне, как назло, почти полтора десятка не проливавших крови — задание обещали легкое и он взял новаков, чтобы приучить их к смерти. Ши-иссс! Природная броня драконидов делала их почти неуязвимыми к хиссам эльфар. Но тяжелые даже на вид топоры оркхай- совсем другое дело. Новаков сомнут- и тогда расклад будет совсем не один на один.

— Дайтссе хруххх — дракониды раздались и образовали полукруг. Вторую половину просторного круга немедленно организовали оркхай. Два полукруга разделял метровый прогал- доверие доверием, но стоять бок о бок с врагом- кому это надо. Если бы поединок был с эльфар- вначале потребовали бы клятвы. Но дракониды не лгут.

— Присыффаю праротительницу в сфитетельнитссыы... Бутет поетинок. Если орххай воссьмет верх — до слетующеко воссехота мы не итем по слетту.

— Пусть Первомать услышит! Если драконид победит- моя голова его честная награда. Вы позволите ему забрать голову — в том нет бесчестья. Тело сожжете. А драконид больше не будет за вами охотиться, верно?

— Есссли мне татут затание на твою полуссотню- я отхашшусь- согласно кивнул ящер.

— Слово!

— Ссслоффо!

— Бой!

Драконид понял, что зря ввязался в бой, почти с самого начала. Ловкие и быстрые атаки ничего не решали- огромный, чуть не ростовой щит оркхай был непроницаем для копья, а здоровенный оркхай за ним увертлив, словно рыба в реке. Зато каждый тяжкий удар топора, приходившийся на копье, выворачивал сустав и отсушивал руку. Мало того- древко из корня пустынного дерева кар-ачаг, что крепче гномьей стали, от каждого тяжкого удара обзаводилось пусть не зарубкой, но вполне отчетливой вмятиной. Расчет дракониды на то, что оркхай будет по силе равен здоровенному дракониду не оправдался вовсе. Природная защита оркхай была ничтожна- именно потому они прятались за щитами и увешивались многочисленными железками. Их дар иной- чистая сила. И эта сила потрясала. Завязнув в бою, драконид инстинктивно подставил под удар ногу, надеясь заставить противника раскрыться и всадить острие копья ему под подбородок. Толстая чешуя, сцепленная между собой, остановит острое лезвие, распределит удар по поверхности и драконид отделается лишь здоровенным синяком- а противник заплатит жизнью. Так уже было. Оркхай купился!

Но вместо тупого удара послышался омерзительный хруст- дракониды, фонтанирующего багровой кровью, просто отшвырнуло в сторону. Орхский топор вскрыл толстую чешую, словно бумагу и разваленная мякоть ноги дракониды обнажала белую кость с солидной зарубкой. Сквозь мутную пелену боли полусотник драконидов ждал — ждал шага и добивающего удара- но оркхай стоял в отдалении, не поднимая своего ужасающего оружия. Зато за его спиной один из новаков- драконидов вдруг вскинул арбалет. Мощная стрела, словно не заметив брони, вошла между глаз с омерзительным хрустом. Драконид, так и не успевший выстрелить, плашмя рухнул на землю.

— Сстоять!!! Бросить орушшие!!! Стоятть, шиссоффы фыроттки!!! — надрывался истекающий кровью полусотник.

Дикое напряжение достигло пика, а затем первый драконид бросил копье на землю. За ним второй, третий — они побросали копья и арбалеты, разомкнув полукруг и сбившись плотной толпой — полусотня обозленных оркхай выглядела, конечно, довольно угрожающе- но куда страшнее и безнадежнее смотрелись жала эльфарских стрел, пляшущих на десятках натянутых луков. Увлеченные поединком и оркхай и дракониды прозевали появление этих теней, так вовремя вмешавшихся в поединок.

— Гор Дан! Я принес Весть от твоего патриарха! Он зовет! — предводитель эльфар, не сомневаясь ни секунды, перебросил амулет стоящему напротив раненого поединщику и с безразличностью посмотрел на корчащегося от боли дракониды:

— А тебе, ящерица, я принес свое презрение. Не имеющие Родины, не имеющие чести. Любая подлость ради выживания, да, ящер?!

— Он не толлшшен былл — от боли и так невнятная речь дракониды стала почти неразборчива:

— Не толлшшен вмешаттться. Нельсса. Ты не поймешь, эльфффар. Кокта нет етты, нет траффы- только холотное море и каммни...

— Я был в подземных городах гномов- там и моря нет- но эти города прекрасны и богаты. Когда на эту бесплодную землю пришли эльфар и оркхай — многие столетия наши маги и шаманы оркхай дробили камни, создавая скудную почву, поднимали и выхаживали тощие родники, превращая их в полноводные реки, выводили растения, способные жить и размножаться среди безжизненной каменной пыли. В этой благодатной теперь земле наша плоть и кровь — тысячи наших предков своей кровью и плотью удобрили ее. А ты- наемник. Бросивший родные холодные утесы ради цепи и теплой будки дворового гайса. Цена твоей сытой жизни — свобода и независимость, пришлый. Ты везде- только пришлый. Ни Родины, ни флага...

— Ты неуротим, как истинный урукхай, эльфар. И без Знака я бы поверил, что мой вождь счел тебя достойным просьбы об одолжении- произнес Гор Дан, склонив голову в непритворном восхищении. Эльфар склонил голову в ответ:

— Я резался с оркхай- резался насмерть, жестоко. Но и мы и вы сражались за свой род, за свою веру и убеждения. И никогда- за деньги. Предстать перед Первой Матерью и рассказать, что разменял бесценный дар, часть Духа на куски презренного металла — невысказано!

— Ты прав, эльфар- невысказано...

— Я сошшалею... Моя фина... Не успел фосспитать прафильно... Я котоффф платитть... Сссемля скроетт фсссе... — калечный драконид из-за разрубленной ноги никак не мог встать на колени- а потому он перевалился на живот, приподнял тело, уперевшись

локтями в землю и склонил голову, чтобы оркхай было сподручнее рубить.

— Закончишь поединок? — брезгливо кивнул эльфар.

— Я тебе что- наемник?! Убивать беспомощных? Ну нет, когда придет мое время- я не хочу прятать от Нее глаза! Живи, пришлый. Живи и честно выполни уговор, раз уж проиграл. Да, еще — успевай хоть остальных «фосспитать прафильно», наемник. Мы готовы идти за тобой, эльфар! — урукхай презрительно сплюнул в сторону попятившихся от него драконидов. Их можно было понять- вдруг объединившиеся в одну банду полусотня оркхай и сотня эльфар были уже непреодолимой силой. Но и это было не главное. Тяжелее всего было ощущение стыдно- грязной вины, тяжким грузом пригибавшее к земле головы и плечи. И, словно этого было мало, терзал слух хрипящий вослед уходившим вместе эльфар и оркхай жалкий полумертвый голос:

— Я сошшалею... Моя фина... — Я сошшалею...

Глава 12. Покушение

Тракт. Постоялый двор.

Постоялый двор был каким-то безликим — таких тысячи раскиданы по многочисленным трактам империи. Вывеска пооблупилась и только стилизованное изображение карха намекало на не очень изящное название заведения. Впрочем, и сам хозяин изрядно напоминал крысу- и лицом и повадками. Щедрость тестя привела к тому, что продвижение здорово замедлилось. Нет, два десятка Рахим маленький караван вовсе не замедляли. А вот пара повозок тормозили здорово. Но магиня, как и любая другая женщина, перемещаться верхом и налегке ну никак не могла. Отяжеленный таким обозом, Ворон просто вынужден был встать на ночевку. Комнаты выбрали на втором этаже- окна первого, чуть выше уровня глаз обычного эльфара, просто зазывали влезть и пошарить в пожитках неразумного постояльца. А так- ну, хоть какое-то препятствие. Впрочем, недоверчивый Ворон покидая комнату оставлял одного из своей четверки внутри. На страже. Бесхитростные блюда чуть разочаровали магиню, но неожиданно пришлось по вкусу новоявленному принцу- от изысканных деликатесов стола патриарха привычного к простой пище Ворона уже слегка воротило. Поскольку их компания на сравнительно небольшом постоялом дворе явно доминировала- ни о каких конфликтах не могло быть и речи- остальные постояльцы робко жались по углам от настороженных и подозрительных мечников Рахим.

Комната была под стать заведению- не слишком просторно, но вполне добротна и более-менее чисто. При виде постели Ида заметно поморщилась и приказала служанке перестелить ее собственным бельем- в повозке нашлось и оно. На отдых укладывались рано- выезжать решили засветло. Вымотанный молодой женой Ворон отключился мгновенно. Но посреди ночи он вдруг почувствовал, что погружается во что-то вязкое, густое и явно чужое. Парализующее волю и лишаящее разума. И привычное тело рванулось, скатившись с постели и подхватив привычные уже хиссы. Лунного света хватало, чтобы увидеть распахнутые полусонные синие глаза, в полумраке казавшиеся совсем черными. Он приложил палец к губам. Ида бесшумно скатилась по другую сторону кровати. Она хотела подползти к мужу и спросить- но тонкий скрип оконной рамы оставил в горле все неважные уже вопросы.

Темная фигура особо и не таясь скользнула по подоконнику. Тяжелый удар Ворона смел незнакомца на пол вместе с портьерами, но темный силуэт вывернулся змеей и вскочил на ноги.

— Гребаные ниндзя — только этого мне еще не хватало! — понадеявшись захватить живьем, Ворон просто смел противника на пол, надеясь оглушить падением. Не сработало. Надо было бить сразу хиссом, на поражение. За себя он особо не переживал — его волновала Ида, прильнувшая к кровати за его спиной. Кто знает, какими сюрпризами может владеть этот ночной гость. Тень метнулась вперед и клинки зазвенели в извечном танце. Противник был быстр, слишком быстр. Ворон сосредоточенно вытягивал на опыте, прикрывая жизненно важные области, но избегать мелких порезов удавалось не всегда- по изрезанным предплечьям соскальзывали багровые ручейки, разбрасывая при резких движениях веера тягучих капель. Темный отпрянул, застыв — и Ворон тоже отскочил, с трудом переводя дыхание. С каждой секундой он дышал все тяжелее да и хиссы становились все более

непреподъемными.

— Яд! — догадка молнией пронзила его- Точно, яд. Твои клинки отравлены.

— Догадался. — голос звучал глухо.

— Меня заказали, так?

— Так, разговорчивый покойник.

— Кто заказал тебе принца Арея? — тонкая ночная сорочка скрывала мало, но поднявшейся во весь рост Иде было совсем не до смущения.

— Обворожительно! Обычно я не убиваю женщин- но, прошу простить..

— Кто! — свист водяной плети и правая нога убийцы подламывается, разрезанная точно по суставу.

— Заказал! — обезноженное тело падает с тяжким грохотом.

— Моего! Мужа! — обрубок без обеих рук и ног корчится на и извивается на залитом кровью полу дешевой комнаты посредственного постоялого двора.

— В следующий раз начни сразу с вопросов, милая- Ворона откровенно повело, Ида бросилась к нему, магией закрывая кровотечение и пытаясь остановить распространение яда. Ворон еще успел заметить толпу ввалившихся в небольшой номер воинов Рахим, а затем потолок закружился и он, наконец, потерял сознание. В себя он пришел, а точнее, в себя его удалось привести только во владениях Альвари.

Глава 13. Альвари

— Рад приветствовать тебя, Арей Ард Хоран, глава рода Хоран. — выскочивший из-за спины господина Карн с поклоном протянул тубус.

— Любопытно взглянуть — протянул Джасу Тин Альвари, патриарх рода Альвари, разворачивая пергамент:

— Обычай оркхай мудры. Не мешало бы и некоторым эльфам иметь свиток о своем происхождении — истинная печать Хоран сияла и без силы патриарха.

— Я видел. Я знаю. Я свидетельствую. — благоговейно прошептал патриарх и, словно эхо за его спиной, хор голосов слитно рявкнул:

— Я- видел! Я- знаю! Я- свидетельствую!

Патриарх задумчиво смотрел куда-то вдаль, мимо присутствующих. Перед его глазами вставали картины славного прошлого, а старые пальцы машинально поглаживали пылающий магический символ, власть которого раньше была высшей в Империи. Истинная печать — кровь и слово Императора. Осколок былого величия, словно острый гвоздь в сердце, причинял боль и бередил давнюю рану. Империя... Непобедимые Рахим, Непогрешимые Альвари, Неоскудевающие Тахем.

— Истинная печать Императора- бесценная реликвия. Я прошу тебя, Ард Хоран, позволить послушникам Ее взглянуть на кровь истинного императора и прикоснуться к ушедшему. Я принимаю на себя заботу о бесценной реликвии и всю ответственность за нее.

Арей в согласии молча склонил голову.

— Рад приветствовать и тебя, дочь великого отца, Ида Тин Рахим.

— Ида Тин Хоран, дядя Джасу. Хоран прошел Испытание пути мастера и говорил со мной — я сделала Выбор и теперь он несет мой пояс. — Ида очаровательно раскраснелась и положила руку на правое плечо своего мужчины.

— Я беременна дядя. Я беременна.

Джасу Тин Альвари удивленно покачал головой:

— Приветствую тебя, первая Мать рода Хоран, Ида Тин Хоран. Радостно приветствую тебя, маленькая племянница, что так быстро выросла и взлетела так высоко. Так о чем мы будем говорить, высокие?

— Говорить будете вы вдвоем, дядя. Род Хоран нуждается в свежей крови- но только мужчина с мужчиной говорят об Испытании. — серебряный голосок племянницы звучал так безопасно, но Джасу вскинулся и подобрался, словно боевой однорог. В глазах его пропала всякая притворная приветливость и расслабленность. Патриарх кивнул Ворону и они вдвоем поднялись в кабинет главы рода Альвари.

— Расскажи мне, Хоран. Расскажи мне, зачем Альвари реки крови, что ты собираешься пролить. Ради чего эльфам одного рода будут убивать эльфов другого рода? Тебя самого привезли едва живым- и если бы не целители Альвари- твой путь уже был бы закончен. Ты скользишь по наточенному лезвию хисса, толщиной в волос. Так ради чего Альвари будут убивать?

— А разве уже не убивают? Я спрошу тебя о том, о чем спросил и Рахим — скольких плодовитых женщин твой род отдал Хайм за последние триста лет?

— Не так много, Хоран, не так уж и много — улыбнулся Джасу — матери Альвари тверды в вере.

— Так сколько? — настойчиво повторил Ворон- два десятка будет?

— Пожалуй, что так- со вздохом подтвердил Альвари.

— За триста лет род отдал два десятка матерей, каждая из которых родила бы роду по три десятка эльфар. Род потерял шесть сотен разумных- а ты говоришь- это немного. Ты щедр, патриарх. Позволь спросить- сколько же всего Альвари, раз шесть сотен эльфар- такой пустяк для тебя.

— Говори дальше- голос Джасу Тин Альвари потерял всякое благозвучие и скрежетал, словно сталь по камню — говори дальше, Ард Хоран.

— Я буду говорить с тобой, Альвари, о вере. О храмах Первоматери, которым кланяются и почитают даже дикие оркхай, разорявшие прежде наши приграничные селения и вырезавшие воинов эльфар. О храмах ящеров, посвященных Ханх-Ра и гномьих храмах Первоогня на лучших местах в столице империи эльфар. О детях, не знающих о самом существовании Первоматери — ибо это учение теперь всего лишь религия. Религия- не вера! О глубоком уважении и почтении, которое каждый истинный эльфар ранее испытывал к клану Альвари я с тобой говорить не буду- что говорить о том, чего давно нет. Рахим были клинком эльфар, вы — Альвари- были душой и совестью. Только сегодня эльфар позабыли про честь и про совесть. Я им напомню- с тобой, Альвари, или без тебя.

— Как, Хоран?!

— Я вижу истинную империю, Альвари. Без наемников. Войско, которое поведут Рахим и только Рахим. Такой уговор. В истинной империи не будет места для чужих храмов и идолов- эльфар дети Первоматери и на их землях нет места чужим богам. Каждый новорожденный эльфар с молоком матери впитает уважение- уважение и любовь, Альвари, к Единственной, породившей его народ и его самого. Вере и уважению их научат Альвари. Вторая жена- та, что воспитывает детей. Всех детей, Альвари. Я хочу, чтобы Альвари отвечали за души моего народа. Такой уговор. Ты так гордился, Альвари, что твоих женщин сманить тяжело. Ты прав, измена зарождается в душах. Я спрошу тебя о служении Ей, Альвари. Стоит ли спасение душ всех Её детей пролития крови или Ей будет достаточно лишь поклонения оставшихся и медленно вымирающих?

— Что можешь знать о служении и жертвенности, ты- Хоран?!

— Так расскажи мне ты, Альвари.

Каменная тишина повисла в кабинете. Джасу Тин Альвари просто трясло от тягучего гнева. Обвинения, брошенные в лицо, были тяжелы. Знал ли о творящемся патриарх- знал бесспорно. Но ситуация менялась постепенно, столетиями. Отдать немного и уступить в малом казалось не таким уж и страшным. Большие свары с Хаймслучались довольно редко- часто хитрые Хайм уступали. Альвари даже отвоевывали часть былых привилегий и гордились победой, уже забыв, что до этого сами понемногу уступили, уступили без борьбы. Альвари- могучий меллорн, широко раскинувший ветви. И Хайм- бездонная трясина, в которую медленно погружается великое древо. Пусть пройдут столетия- пусть тысячелетия, но, если ничего не делать- настанет день, когда пучина сыто чавкнет, поглотив последний лист. И будет новый рассвет в мире- в мире, котором не будет Альвари. Как почти получилось с этим злополучным Хоран. Он остался один- один, но еще борется за жизнь почти угасшего рода. Стоит ли доводить до этой тонкой грани Род Альвари?!

— Ты знаешь об Испытании Альвари, Хоран?

— Да.

— Ты просишь об испытании Альвари, Хоран?

— Да.

— Ты готов к испытанию Альвари, Хоран?

— Да.

— Когда ты хочешь...

— Немедленно!

— Будет так, Ард Хоран, будет так!

Огромный храм Первоматери легко вместил всех желающих — как и Арена у Рахим, он рассчитывался на сильно большее число верующих. Фигура Первоматери была высечена из темного оникса-женщина в бесформанном балахоне, скрывающем лицо и фигуру, из под которого выставлена была лишь изящная женская рука с кольцом Темной Печати мира. Нарушая все каноны, закованный в доспех Ворон подошел и встал на колени перед изваянием:

— Первая Мать! Ты читаешь в душах, тебе известна моя жизнь, тебе ведома моя цель. Если цель моя достойна и дорога правильна, прошу, помоги. Если нет... Ну, ты знаешь, я все равно не передумаю. Как решишь- так будет. Яви свою волю!

Ворон коснулся лбом и губами не печати перстня, а ладони изваяния и замер. Секунды шли, но в безмолвии святилища ничего не происходило. Тысячи глаз смотрели на замершего коленопреклоненного Ворона перед священной статуей. Ворон поднялся:

— Ну, нет — так нет. Прости, что зря потревожил, Великая. В огромном святилище раздался негромкий женский смех, который сердцем услышал каждый из многих тысяч. А затем за спиной Ворона, мерцая призрачным светом, проявились контуры плаща последователя Первоматери. Контуры наливались светом и плащ проступал все отчетливее, обретая материальность. И, наконец, обретя вес, плащ обнял плечи Ворона, шелестя складками. Цвет материи был серый.

— Плащ послушника, подаренный самой Матерью! Как бы там ни было, Хоран, испытание пройдено- прошептал благоговейно патриарх Альвари. Обычно Первомать указывала выбор лишь иллюзией- плащ последователя шили лучшие мастерицы Альвари.

Под сводами подземного храма вновь раздался еле слышный женский смех.

Плащ наливался светом и цвет его постепенно менялся. Сначала он перешел в желтый, потом налился ярко-алым, а затем, словно остывая, стал темным пурпуром. Светильники разгорелись, словно солнца, разгоняя полумрак, и пурпурный плащ вспыхнул, словно гигантский язык первородного пламени.

— Испытание пройдено! Жрец первой сотни, брат Альвари, Арей Хоран — славь Первую! — теперь голос патриарха- первожреца гремел, многократно отражаясь от сводов и пробирая до костей.

— Славься Первая Мать! — поддержал Ворон жреца и его клич породил настоящую бурю среди Альвари.

Он вновь склонился перед изваянием и вновь прикоснулся губами к ладони, а затем, коснувшись ладони лбом, застыл на несколько долгих безмолвных минут. Джасу с улыбкой смотрел на молящегося среди всеобщего ликования новообретенного жреца, благодарящего Первомать за Ее великую милость. Наконец, Ард Хоран тяжело поднялся, но взгляд его был еще далеко, в чертогах Первоматери. Патриарх Альвари заботливо обнял его за плечи:

— Испытание пройдено, достойный Хоран. Отдохни немного- скоро придет время выбора. Взор Ард Хоран постепенно прояснялся:

— Выбор! Верно. Но мне нужно участие первой Матери Хоран!

— Это обязательно, Хоран. Это обязательно.

Глава 14. Выбор Альвари

Она шла, словно императрица и тысячи глаз неотрывно смотрели на нее. Весть в мгновение, словно шорох в безмолвной ночи, донеслась до каждого из Альвари и они неотрывно смотрели на Неё. Такую высокорослую, непривычно плотную с сапфировыми глазами. Она. Та, что еще вчера была сухой ветвью Рахим — но велика милость Первоматери. И теперь она идет- нет не идет, шествует на церемонию Выбора. Ибо она- первая Мать рода Хоран- до ее смерти или до смерти последнего из Рода.

Их было две, но они были разные как день и ночь.

Лия Аль Альвари совсем не была прекрасна- но не знала этого. Впрочем, даже попытайся кто-то указать ей на ее ошибку- он был бы вынужден отступить-Лия всерьез считала себя эталоном родовой эльфяр. Ее убеждали в этом ее снежно- белые пряди и серые глаза. Вполне четкий дар магии духа- пусть не великий, но совсем не слабый — такой вполне приличествует высокорожденной Альвари, сражаться за которую будут мужчины. Тонкие черты полудетского лица обещали сделать эту эльфяр настоящей красавицей и тем самым «эталон» породистой эльфяр, которой она себя уже ощущала. Как дочь патриарха, она слышала о своей исключительности, красоте и том, как в ней отчетливо виден высокий род тысячи и тысячи раз. И она искренне в это поверила. Полукровка? Вы это серьезно?! Да хоть тысячу раз избранный Первоматерью- но полукровка?! Эльфара чистейшей крови и грязный оркхай?! Первую мать Хоран она обожгла смесью пренебрежения и презрения — на самого Хоран презрения не хватило- взгляд полыхнул настороженностью и отчетливой опаской. Иде хватило секунды понять, в чем дело — Лия Аль Альвари была еще девственницей. Отчего-то возраст ее разума и тела сильно отставал от возраста календарного. По годам она была вполне взрослой- но на деле... Не замедляя шага Первая Мать Хоран миновала первую претендентку.

Тай Аль Альвари не имела явного изъяна во внешности- но красота ее, на вкус утонченных эльфяр, была слишком проста. Высокая, почти вровень с Идой. Ее угловатая фигура была изуродована вдовьим каано- бесформенным темным мешком, оставлявшим снаружи лишь кисти рук и лицо. Забитая и беспомощная — вот что увидела Ида, заглянув в безрадостные почти бесцветные глаза. Первый удар судьбы- весть о своем бесплодии- Тай перенесла сравнительно легко- слишком малы были шансы. Муж также воспринял это спокойно. Муж! У Тай ведь был муж! И пусть она его не любила, но он был Цель. Она сосредоточила на нем весь свой мир и свою заботу- и он действительно очень привязался к ней. Остальные его жены всегда были заняты хозяйством и детьми, до которых ее не допускали- а она жила только Им. Он очень быстро привык, что удобная, тихая и послушная Тай всегда под рукой, и требовал, чтобы она была рядом круглосуточно- а для нее это и было настоящее счастье. А потом... Эльфар убить трудно, но зачарованный гномий болт в лоб... Он умер мгновенно. Она надрывно кричала, держа на коленях окровавленную голову. И мир потерял цвет. И глаза ее потеряли цвет. И волосы. Будь она Матерью, как первая, будь она молодой и прекрасной, как третья — она была бы нужна и ее не оставили бы один на один с отчаянием. Но нет. Она нырнула в свое горе с головой и спряталась от мира во вдовий каано — и мир с готовностью перестал ее замечать. Вдова. Было у эльфяр предубеждение, что вдовы приносят несчастье. Впрочем, об этом предрассудке легко забывали, если женщина была плодovита, или, хотя бы, молода и привлекательна. А эта... Потухший взгляд,

спрятанные волосы, изможденное безжизненное лицо. И темно- черный мешок каано, словно знамя грядущей смерти. Нет уж. Воплощенный образ сумасшедшей старухи-вдовы отталкивал даже самых ушлых, желающих породниться с патриархом Альвари. Взять в семью и постель ЭТО?! Слишком уж высока плата. Приказание явиться на церемонию выбора Тай выслушала с эмоциями земляного голема. В назначенный час за ней пришли- и она просто развернулась и пошла в указанное место. Ида смотрела в этот пустой и безразличный взгляд с азартом истинной магии. Полог молчания окутал обеих женщин, но все остальные остались невозмутимы. То, о чем говорит Первая Мать рода с возможной будущей женой своего мужа — только ее дело. А Ида Тин Хоран под струящейся вуалью Полога молчания склонилась к уху Тай Аль Альвари и разнесла монолитную стену отчуждения одним простым вопросом:

— Хочешь родить? Своего, маленького, родного? Для которого ты и есть весь мир? Хочешь?

Толстый панцирь равнодушия и безумия вдруг взорвался, обратившись сверкающей пылью, а голова кружилась от надежды — но темным валом встало привычное недоверие:

— Но это же невоз...

— Первоматерь призываю в свидетельницы — жизнью своей и силой своей тебе клянусь — возможно. Непросто- но возможно. Вся твоя жизнь...

— Согласна!!! Отныне и навеки кровь моя и жизнь моя принадлежит тебе, госпожа...

— Не так. Кровь твоя и жизнь твоя, также, как и моя, отныне и навеки принадлежит Роду Хоран- Нашему Роду, сестра. Отныне и навеки, вторая жена, отныне и навеки.

— Все возвращается- растерянно и неумело улыбнулась Тай Альвари.

Ида Тин Хоран встряхнула руками и Полог разлетелся тысячей мелких снежинок. Первая Мать Хоран чуть заметно кивнула Ворону- но тому вовсе были и не нужны долгие и подробные пояснения.

— Тай Аль Альвари- я говорю с тобой. Я предлагаю тебе пищу, очаг и щит. Отдашь ли ты мне свою верность?

— Да... — шепот ее был еле слышен- но и без слов все стало понятно, когда на массивную лапу Ворона легла невесомая кисть молодой женщины.

Ида Тин Хоран спокойно посмотрела в полыхающие бешенством глаза Лии Альвари:

— Не сердись зря, девочка. Я не отвергла тебя- просто каждому цветку свое время расцвести. Сегодня для тебя это была бы лишь боль и грязь, а не истинное счастье. Не ломай себя, не делай то, к чему не готова- еще самое малое два оборота тебе не стоит думать о мужчинах и отношениях- поверь своему телу. Вполне возможно, что в тебе зреет великий дар Матери- так не сломай его из гордости и торопливости.

Бешенство понемногу уходило из глаз Лии, сменяясь глубокой задумчивостью. Великий дар Матери? Конечно же, это вполне возможно- кому еще, как не ей, чистокровной, лучшей и избранной. Тогда эта эльфара права- ей действительно нужно беречь себя для истинно великой цели. Как там она сказала- верь своему телу? Полуоркхай Хоран не вызывал ничего, кроме испуга — а нужен ли ей такой муж? Нет-нет, все верно. Пусть это говорит жена презренного оркхай- но она же еще и магия эльфар- пусть и с дурным вкусом. Но все равно- к ней стоит прислушаться. Кивнув своим мыслям, она с легким, демонстративно небрежным, но, все же, уважительным и благодарным поклоном отошла в сторону. А Хоран подвел к патриарху Альвари свою неожиданную избранницу.

— Вы-бор! Вы-бор! Вы-бор! — бесновалась толпа, когда вдова Тай Аль Альвари

отчетливо сказала положенные слова и повязала темный пояс вдовьего каано на могучую шею главы рода Хоран.

Глава 15. Утро у Альвари

Ворона разбудил шепот. Негромкий, на грани слышимости- но именно этот тихий звук мгновенно оборвал сон и взбудрил организм ведром ледяной воды. Тренированный мозг очень четко различал шумы — Ворон мог вполне спокойно спать под рев моторов, вопли и визг музыки или даже грохот взрывов работающей близко артиллерии- все эти звуки не несли немедленной угрозы, а значит, были относительно безопасны. Но шепот неподалеку мог нести опасность смертельную — а потому в кровь рекой хлынул адреналин и он едва удержал рванувшееся тугой пружиной тело. Расслабившись, Ворон постарался успокоить суматошно стучащее сердце и невольно вслушивался в еле слышные голоса на дальнем краю очень просторной спальни.

— Давай уже честно- он же тебе понравился, да? Честно!

— Как он может не понравиться? Он прекрасен... Но он же ничего не чувствует ко мне...

— Да? Это теперь так называют? А мне увиделось, что и он и ты сегодня ночью очень даже друг друга... почувствовали. Или нет?

— Ты не понимаешь! Тело- это только тело! Да, я была без мужчины несколько лет и теперь мое тело сводит меня с ума. А он- он...

— Прекрасен. Ага.

— Но я для него- ничто, ступенька... Он ничего ко мне не чувствует.

— Так ты мечтаешь о настоящей любви, маленькая Альвари...

— Маленькая? — даже в еле слышном шепоте послышался явный сарказм.

— Ну, по сравнению даже со мной- маленькая. А уж по сравнению с ним...

— Согласна. Пусть маленькая. Пусть. Но я не вынесу жалости и равнодушия.

— Так ты решила уйти? Бросить его?

— Что?! Нет! Конечно же нет! — теперь в голосе слышался непритворный ужас:

— Я благодарна тебе, Первая. Но мне больно, что он со мной только из целесообразности и жалости.

— А со мной? Скажи мне, глупая маленькая Альвари, почему он со мной?

— Ты! Ты Мать его ребенка!

— А ты? Посмотри в себя, целительница- кто ты?

— Но... Как же... Это же... Я не понимаю... Неправильно.

— Ладно. Когда я увидела его- я решила для себя, что и одной моей любви для двоих будет достаточно. Он сильный, честный, умный- и он умрет, защищая свою семью. Этого довольно мне. За это я могу любить его. А он... Я искренне постараюсь добиться если не любви- то его расположения, уважения, доверия и дружбы. Ему нужна опора, маленькая Альвари. То, на что он сможет опереться, когда перевернет этот мир, создавая будущее для наших детей. И я приложу все силы, чтобы стать этой опорой. А любовь... Моей любви хватит на обоих.

— Я... Тоже... Я приложу все силы, Первая. И моей любви на двоих хватит. Я тоже хочу заслужить его доверие и уважение. Я только не знаю, как...

— Ох ты. Ну тогда так. Внимай и повинуйся, Вторая! Я- Первая мать Хоран- правом своим наказываю тебе- храни Патриарха и заботься о нам. Стань тенью его- и даже во тьме будь рядом с ним. Стань мыслью его — и исполняй прежде, чем он облечет мысль в слова.

Храни его, храни, храни, храни!

— Внимаю и повинуюсь, Первая! — теперь в тихом шепоте слышалось умиротворение и что-то еще. Радость?

— Я сумею о нем позаботиться, Первая Мать.

— Ида. Зови меня Ида уже, малень... Тай. В нашем Роду нет первых и вторых... сестра.

— Ида... А ты не будешь ревновать- ну, когда я стану о нем заботиться? Нет, я, конечно, не буду тебе мешать быть с ним, не думай...

— Вот и отлично. Тай, ты неглупая девочка и, я думаю, сама легко найдешь ту границу, которую тебе никак не следует переступать. А если нет...

— Ты просто скажи, ладно?! Ты не обижайся, не молчи, не терпи — ты просто скажи!

— Не беспокойся так, Тай. Сестра. Мы справимся. Вдвоем мы справимся.

— Вдвоем. Знаешь, как одной страшно и больно?! Вдвоем — это очень хорошо. А то я уже...

— Знаю. Когда твои глаза и волосы потеряли бы цвет совсем — ты перешагнула бы грань.

— Я и сейчас близко...

— Да ты что?! Правда? Где оно тут было-то... Взгляни-ка на себя, маленькая Альвари. Взгляни на себя очень-очень внимательно. По мне- так кое-что изменилось, нет?

— Но...как?! Как возможно?!

— Навела порядок у себя в голове — и вот тебе результат, милая. Ну, и немного целительской магии, конечно.

— Милая... Ты даже говоришь прямо как он...

— Да. Я — часть его. И ты — часть его.

— Как скажешь — милая — в конце спальни послышался тихий смех и возня. Ворон повернулся, демонстративно скрипнув кроватью.

— Эй, там! Муж проснулся! — они оказались около него в мгновение ока. Ворон привычно обнял Иду и удивленно воззрился на робко прижавшуюся к нему Тай.

— А ну, дай посмотрю! Ох ты ж! Ну настоящая колдунья! Тай, смеясь, трепыхалась в могучих руках и в ее темно-изумрудных глазах мелькали искорки настоящего счастья.

Глава 16. Хайм у Рахим

Рахим встретили патриарха рода Хайм настолько радушно, что Хаан поверил- все будет хорошо. Парадная гвардия, дорожка, застеленная дорогим белоснежным полотном, здравицы в честь высокого гостя, роскошный стол с редчайшими винами, накрытый в парадном зале — гостям оказали максимум уважения. Это было действительно приятно и настраивало на легкий и благодушный лад.

— Я рад нашей встрече Алари, патриарх рода Рахим.

— И я рад встрече, Хаан, патриарх величайшего рода Хайм. — дружелюбно улыбнулся Алари Аз Рахим.

— Среди великих родов нет величайшего, брат- укоризненно произнес Аз Хайм. Кряжистый и крепкий воин действительно приходился ему дальней родней- по матери. Семья Аз всегда была обильна и многочисленна. Родство было более, чем дальним- но сейчас подчеркнуть это родство было и важно и нужно. Потому же Аз Хайм постарался скрыть блеск довольной улыбки — лесть была ему приятна.

Рахим расправил белоснежную салфетку и поднял первую пару золотых приборов:

— У меня в роду около двадцати тысяч- примерно столько же и у Тахем. Альвари наберут едва пятнадцать. А Хайм, похоже, скоро подберется к пятидесяти. Так что из четырех родов- твой велик более всех — он произнес это спокойно и вполне доброжелательно, глядя на гостя с легкой улыбкой.

— Так ты об этом. Какие там пятьдесят тысяч— сорок с небольшим. Мы, эльфар, прирастаем медленно. Рожают теперь редко- из десяти женщин- девять- сухие ветви. Тяжело нам далась последняя война. Род эльфар стонет от посмертного окхского проклятия Великого шамана. Тяжелые, тяжелые времена, брат. Да. А плодить полукровок- недостойно эльфар портить первородную кровь- Хаан Аз Хайм бросил быстрый взгляд на патриарха Рахим, но Алари Аз Рахим и бровью не повел в ответ на этот ядовитый укус, лишь вновь улыбнулся и спросил:

— Брат Хайм, ответь мне, тебя привели сюда дела или кровь семьи Аз позвала тебя навестить брата? Может быть, мы можем отложить все серьезное и отдать должное винам, искусству поваров, музыкантов и танцовщиц- или есть что-то, что нужно решить сначала? Чтобы ничто не мешало тебе наслаждаться отдыхом в гостях у брата?

— Есть и серьезные вещи- сказал Аз Хайм и хлопнул в ладоши. Патриархов объял купол тишины. Рахим также хлопнул в ладоши- и внутри одного купола встал второй купол. Теперь говорить можно было без опаски.

— До меня дошли удивительные вести, брат Рахим. Мне сказали- ты выдал замуж мою племянницу — но я не пировал на свадебном пиру.

— Есть вещи еще более удивительные, брат мой — я, оказывается, не так давно выдал замуж и еще одну дочь — и на ее свадебном пиру не пировал я, ее отец. И это была не бесполезная сухая ветвь, как та, о которой ведешь речь ты — нет. Плодовитая Мать. Что же, зато там пировал ты, брат Хайм. Это ли не удивительно? — голос патриарха Рахим был все так же доброжелателен, но Хаан Аз Хайм отшатнулся, словно от тяжелой пощечины. Роскошный прием расслабил, позволил поверить, что все будет и легко и быстро — и вот наказание. В ответ на пробный укол- полновесная оплеуха, от которой голову отбрасывает в сторону, а во рту солоно и вкус железа. Впрочем, чтобы сбить с ног Хайм — одной оплеухи

недостаточно. Патриарх Хайм исполосовал роскошно приготовленную птицу на своей тарелке, затем отхлебнул добрый глоток вайна. И продолжил вполне миролюбиво, будто и не было предыдущего обмена уколами:

— Я слышал, ты провозгласил Арея наследником Хоран...

— Я?! Шутишь ли ты, брат мой? Мой род Рахим, а не Хоран и наследника я могу назначить лишь роду Рахим.

— Но Арей Ард Хоран...

— Так вот что тебя удивило! Не беспокойся- здесь все по канону. Оркхай очень предусмотрительны в вопросах родства- каждая оркхай требует с мужа брачный договор, заверенный его кровью и оставляет его старшему ребенку. Если же рождается еще...

— Мне известна традиция данхан, связанная с установлением родства высших оркхских родов...

— Ты очень мудр, брат. А вот для меня это было новостью- парень приносит свиток с Истинной печатью, заверенной кровью самого императора- это было так интересно, так ново и неожиданно! Это для вас, бывших приближенными к Нему, Истинная печать Егс крови — обычное дело! А для моего провинциального рода- значительное событие! Веришь-целое паломничество устроили — каждый хотел успеть приложиться и пожертвовать каплю силы — Хаан мысленно застонал. Теперь даже уничтожить этот пергамент бессмысленно — тысячи свидетелей. Вслух он лишь спросил спокойно, слегка заинтересованно:

— И что, многие успели прикоснуться к реликвии?

— Да, похоже, что все. Печать сверкала ярче, чем светило в полдень. Я бы испугался, что она сгорит от избытка силы- но для Истинной печати это же невозможно, правда?

— Да. Невозможно. — сухо подтвердил патриарх Хайм:

— Но как дошло до брака с моей племянницей...

— О, да тут совсем просто. Парень, в согласии с древней традицией, попросил испытания Рахим. Знаешь, не стал кичиться принадлежностью к высокому роду или просто забирать то, что ему не принадлежит силой- ну, ты знаешь как это бывает... — Хайм поморщился, а Рахим, убедившись, что оттоптался на больной мозоли, продолжил:

— И когда парень прошел путь мастера целиком и полностью- отличный, кстати, мечник- даже по меркам моего клана отличный- он, как и положено, имел разговор с моими дочерьми- Ида сделала выбор. Ну, она девочка умная, парень, считай, родич- мастер рода Рахим как-никак. Уважил опять же. Да и не Мать она, к сожалению — девочка сходилась с имеющими потомство- но даже ее целительский дар не помог. Да... В общем- все по обычаю. Славный парень.

— Ладно. Скажу прямо. Алари Аз Рахим, брат, ради семьи Аз прошу, ради рода Рахим- прошу- отдай мне этого эльфара.

— Родича?! Как ты себе это представляешь, Хаан?! Да и зачем?

— Тихо и незаметно, патриарх. Тихо и незаметно.

— Мужа моей дочери?! Он же ее не украл, не сманил обманом...

— Я понял, брат Рахим- мои люди нанесли тебе оскорбление и обиду- я буду рад видеть парней твоего клана на Испытании рода Хайм...

— О чем это ты? Разве отпрыск Хайм проходил испытание? Нет- Хайм украл дочь главы рода и Мать рода Рахим, а патриарх рода Хайм не осудил его и не придал позору — на его свадьбе он был вместо отца невесты- так, брат мой, Хаан Аз Хайм?!

— Ладно! За уведенную обманом из твоего клана- я отдам тебе двух. Двух Матерей из

моего клана.

— За каждую?

— Что?

— Ну, зять подкинул мне одну мысль и я немного посчитал. За последние триста лет Хайм без испытания и чести увели у Рахим почти полсотни Матерей. Купили на теплое место, изысканную еду и драгоценные побрякушки. Сладкая жизнь, Хайм, сладкая сытая жизнь. Один раз вы даже похитили замужнюю- и вот тогда ваш род чуть не взяли в ножи...

— Мы все решили тогда, Рахим!

— Не со мной, Хайм, не со мной.

— Верно, не с тобой. Ты тогда и не был главой рода.

— Зато теперь- глава.

— Хорошо. Пусть. Ладно. В тебе говорит обида- это понятно. Мало того- я осознаю, что это было несправедливо, совсем несправедливо и твоему роду действительно есть на что обижаться. Но сейчас и здесь есть только мы с тобой. Так давай мы все исправим. Компенсируем. Что ты хочешь за обиду твоего рода, Аз Рахим?

— Отдашь нам власть?

— Что?!

— У меня- законный наследник императора. Отдайте власть. Сколько вы уже правите, Хайм- пятьсот лет, тысячу?

— Правят Хоран...

— Даже и не говори мне о своих ручных тфарсах, которые пляшут перед тобой на задних лапах, выклянчивая еду! Хоран — знамя без знаменосца. Так что?

— Нет. Так мы не договоримся.

— Ты сам сказал это, Хайм.

— Уже Хайм, да? Не брат, не Хаан- всего лишь Хайм? И ради кого? Безродного жалкого полукровки?! Зачем тебе это, брат Алари?!

— Безродного? Его род Хоран и это подтвердил сам покойный Император. Жалкого? Мастер меча совсем не показался мне жалким. Как бы то ни было- говорю тебе, Хайм — он-родич мой, кровь от крови Рода моего. Он не безродный Хоран, он Рахим. Он муж моей дочери. И отец ее ребенка. И за смерть его я объявлю рокош — ты зря заговорил о его жизни, Хайм.

Рахим хлопнул в ладоши- сила его в своем доме была такова, что лопнули обе сферы безмолвия и по ушам ударил вдруг многоголосый гул застольных разговоров, звон посуды и бодряя звонкая музыка.

— Теперь будет праздник, патриарх Хайм, праздник в твою честь! — но тому было совсем не весело.

Глава 17. Испытание Тахем

Вестники Альвари уже прибыли и Данар Эль Тахем встречал гостей на просторном крыльце родового замка Тахем, опоясанном балюстрадой из редкого и дорогого камня малхи. Сначала внимание его привлекли однороги прибывших. Злобная здоровенная медно-красная тварь наследника Хоран, попытавшаяся сходу ухватить огромными зубами служителя, бесспорно, выделялась статью- но не породой. Словно простой и грубый тяжелый боевой топор, побитый в многочисленных схватках, среди богато изукрашенного элитного парадного оружия. Прибывшие не спеша поднимались по устланной полотном белокаменной парадной лестнице и патриарх Тахем присматривался к новоявленному Хоран и его свите со всем вниманием. Впрочем, Эль Тахем был интересен и сам наследник. Массивная фигура в темном доспехе, багровый плащ высшего жреца Первоматери, густые темные волосы. Тахем жадно искал в его лице уродливые признаки оркхай- широкие ноздри, огромные клыки, торчащие из под губ — и не находил. По ступеням поднимался эльфари излишне массивный, черноволосый- но эльфари. Две изящные эльфарики, идущие чуть позади по левую и правую руку, как и положено женам, добавляли картине контраста. Как и его однорог- среди уроденных эльфари Хоран был словно дракон среди воронов.

Эль Тахем, радушно подняв руки в приветствии, сделал несколько шагов навстречу, оказывая особое уважение, на что принц учтиво склонил голову, благодаря за оказанную честь легким поклоном.

— Рад приветствовать наследника Хоран в родовом гнезде Тахем. Мы примем тебя со всеми почестями и почтением к твоему статусу...

— Какие почести между деловыми партнерами, Эль Тахем? Меня привела к тебе надежда заключить сделку, уважаемый. Выгодную для нас обоих сделку.

— Сделку? — лицо патриарха Тахем осталось непроницаемым, но чуть вздернутая бровь ясно говорила знающим о крайней степени волнения:

— Ты говоришь, сделку. От кого ты будешь говорить?

— От рода Хоран- выступив вперед, Карн Эль Рахим с легким поклоном привычно подал тубус и истинная печать Императора засияла силой в руках патриарха Тахем.

— От рода Рахим — идущая по правое плечо Первая мать вышла на шаг вперед. Четверо телохранителей Рахим гулко ударив в доспех опустились на колени:

— Свидетельствуем!

— От рода Альвари- шагнула вперед левая и, словно темные тени, неслышно возникли за ней две фигуры безликих хранителей Альвари, скрытые плащами.

— Свидетельствуем... — тихий шепот разнесся, словно шипение змеи в тишине ночи.

— Интересно. Не хватает только Хайм, чтобы собрать совет высоких родов в полном составе — усмехнулся, было, оправившийся от потрясения Эль Тахем- но взглянув в постройшее лицо Ворона, стер с лица улыбку и посерьезнел.

— Хайм не будет места в нашей сделке, патриарх. Эта сделка не для них- участников я тебе представил, ты последний приглашенный. Места больше нет ни для кого.

— Закрытая сделка? Любопытно — заинтересованность действительно звучала в голосе патриарха. Прожженный торговец знал, что такие сделки наиболее выгодны.

— Я чувствую себя неучтивым хозяином. Твои жены скучают, твои воины голодны. Прими гостеприимство Тахем, владыка Хоран. Пусть твои воины утолят голод, а жены

усладят слух музыкой и потешат взор танцами. А мы поговорим Ард Хоран.

— Мы обязательно поговорим. Следую твоей мудрости, глава Тахем- с поклоном ответил Ворон и ряды встречающих вскипели движением. Ворона усадили по правую руку от патриарха — для равного иного места быть не могло, а патриарх Тахем сам назвал Ворона владыкой рода Хоран. Как иначе — он держал в руках данхан с Истинной печатью крови Императора, признающего Арея Ард Хоран законным сыном. Рахим не допустили бы до испытания безродного- а значит, они признали Арея истинным Хоран первыми. Истинная печать есть Истинная печать. Альвари! Альвари сделали его высшим жрецом! Все демоны бездны! Интересно! Даже то, что старый Джасу отдал ему свою дочь в невесты меркнет перед этим. Что сделал этот парень? Призвал во плоти Первую Мать и сплясал с ней весенний ма-хтор?!

Три обязательных круга застолья тянулись для Данара Эль Тахем, словно густой мед, стекающий с ложки. Наконец, официальная часть была закончена и Эль Тахем поклоном пригласил Ворона в свой кабинет для частного разговора. Пригубив бокал ароматного вина с собственных виноградников, Эль Тахем с искренним интересом взглянул на невозмутимого собеседника:

— Арей Ард Хоран, ты удивил меня трижды. Ты удивил меня искусством перевоплощения- до недавнего времени я, как и все вокруг, верил, что старший из Хоран лишь скорбный на голову несчастный калека...

— Не старший- единственный. Рожденный вне брака не наследует имя рода- или тебе известно о свадьбе Императора с фавориткой Хайм?

— Нет, но...

— Если они представят документ... Не так- когда они представят поддельный документ- я призову истинную силу крови Хоран.

— Ты- сможешь?!

— Альвари преподали пару уроков- пока я могу немного, но понемногу Кровь начинает слышать меня...

Ворон надрезал палец и столешницу украсил замысловатый рисунок, исполненный кровью:

— Взываю к Крови Хор-р-ранн...

Малая Печать на столешнице вспыхнула и все сосуды в теле Ворона налились ярким розовым светом, сияющим даже среди белого дня, а потом замерцали в такт ударам сердца. Лицо Хоран превратилось в странную маску, подсвеченную изнутри светящейся кровью:

— Свидетельствую! — Печать на столе замерцала в такт ударам его сердца. Три ярких вспышки- и Малая Печать вспыхнула, не оставив даже пепла.

Ворон утер пот, а Данар Эль Тахем укоризненно покачал головой:

— Для чего такая боль и трата сил...

— Заклячая сделку- ты поверил бы на слово?! — изумление в голосе принца было искренним и неподдельным:

— К Тахем ли я пришел? Ты спрашиваешь меня, зачем на сделке я предъявляю тебе для проверки мое золото?

— Да нет, конечно! Нет! Все верно, но... — Эль Тахем смешался, словно мальчишка, а потом вдруг открыто от души расхохотался:

— Прекрасно, Хоран, просто прекрасно! Я заключил тысячи сделок, но тебе удалось сбить меня с толку! Превосходно! Так что хочешь предложить ты?

— Моя мать кое-что оставила на сохранение роду Тахем, патриарх. Эль Тахем спал с лица- этот удар был для его рода тяжелым. Почти двадцать лет назад жена императора оркхайя Уна Ард Рахим действительно оставила клану Тахем «кое-что». Свадебные подарки стоимостью несколько миллионов золотых. Тахем по договору и обратили все в золото. Но золото не должно лежать мертвым грузом- и сейчас оно было вложено в торговые дома, товары, имения, бескрайние поля — богатство было и сохранено и приумножено- только вот отдать его законному владельцу было, пожалуй, что и невозможно без тяжелейшего удара по клану. А потому, вопреки логике, Данар Эль Тахем иссуленно надеялся, что наследник Хоран не в курсе и не потребует. Не вышло... А Хоран продолжил:

— Я был гостем Рахим и породнился с ними. После окончания последней войны и великого Проклятия, от которого никак не избавиться вся раса эльфар, они оскудели. Ты же знаешь, что из десяти рожденных после Проклятия лишь одна может стать матерью- остальные бесплодны. Матери- высшее благо родов и великие рода соблюдают баланс- либо отдают жениха в род жены, либо отдают мать из своего рода в обмен. За темное время проклятия клан Рахим стал меньше вчетверо. Оскудели и Альвари — на празднества главный храм наполнен хорошо, если на десятую часть.

— Мы держимся, но и наш торговый зал наполнен меньше, чем на четверть.

— Да. Но, оказалось, есть род, которого словно и не коснулось проклятие- мало того, этот род прирастает и дворец их патриарха расширяли уже четырежды за последние две сотни лет...

— Хайм! — прошипел Данар Эль Тахем и Ворон согласно кивнул:

— Верно, патриарх. Хайм. Отчего-то забывают отдать свою Мать в обмен на чужую. Отчего-то никогда не отдают жениха в род жены. Отчего-то проклятие эльфар словно стало для них благословением...

— Хорошо, Ард Хоран- я скажу тебе, что ты прав. И у меня своих обид на Хайм великое множество- на каждого купца есть сотня жадных писцов, стряпчих и алчных придворных, каждый из которых даже не просит — требует, требует и требует. Для тебя это не важно- но торговля сейчас медленно умирает.

— Торговля- это жизнь государства. Его кровь. Если ты всерьез считаешь, что мне неважно, что мой народ умирает- это не так. Потому я здесь, с тобой.

— И что ты хочешь предложить? Великую кровь? Я знаю, что хороший садовник гниющую ветвь отсекает... Знаю, Хоран. Но кровь. Настоящих эльфар и так слишком мало- а презренных Хайм- увы- уже слишком много.

— Кровь? К чему? Это была бы плохая сделка. Представь себе, что ты не только не потеряешь золота Хоран, но еще и приумножишь его. Представь себе, что Хайм принесут тебе золото и земли сами.

— Сами?!

— Сами! Принесут и будут долго уговаривать тебя, чтобы ты это принял. Уговаривать взять деньги, скот, плодородные земли — возможно, даже и Матерей — ты можешь такое представить?

Данар Эль Тахем лишь покачал головой:

— Нет, Хоран. Не могу представить. Даже если их всех заразить болотной лихорадкой пополам с песчаным безумием. И опоить оркхским джад-гором на веселых грибах и черных травах. Не могу представить невозможного.

— Невозможного? Тогда выслушай меня, торговец. И, как торговец, скажи мне, что

возможно, а что невозможно ...

Из кабинета они буквально вывалились только через четыре часа. Взъерошенный Эль Тахем растерял всю свою солидность и сдержанность- в его глазах полыхал азарт великой сделки:

— Мы в деле, Хоран, мы полностью в деле! И еще- и у меня возьмешь дочь! У меня их три подходящего возраста- будет тебе выбрать.

— Я не Хайм и не стану забирать из клана Тахем матерей... — патриарх лишь огорченно махнул рукой:

— Все три- сухие ветви. Но породниться нам нужно- обязательно нужно.

— А наша сделка- пройдет за испытание выбора? — хитро сощурился Ворон. И Эль Тахем оглушительно расхохотался:

— Ты хитер, Хоран, но тебе еще не удалось не перехитрить Тахем! Испытание Тахем- это заключить сделку с ней- с твоей избранницей! И, хотя я очень хочу ввести тебя в Род- я не буду просить дочерей проявить к тебе снисхождение!

— И не нужно, партнер. Я отчего-то верю, что и так справлюсь.

— И я отчего-то верю, Хоран. И я отчего-то верю.

Глава 18. Выбор Тахем

Ощущение дежавю накрыло Ворона с головой. Он вновь стоял перед толпой — и толпа ждала от него выбора.

Их было двое, но они были разные как день и ночь.

Таали Тин Тахем пошла явно не в отца — высокая стройная пепельная блондинка с ярко-синими глазами, осиной талией и крепкой высокой грудью была явно избалована вниманием истинных и смотрела на полукровку с легким интересом исследователя, не более. Так смотрят на насекомое — пусть уродливое, но необычное. Таали — прекрасный цветок, что радует глаз совершенством форм и роскошью цвета, а обоняние дивными ароматами. Но в делах бытовых и практических абсолютно бесполезен.

Юили Аль Тахем взяла половину от каждого из родителей. Огненно-рыжая грива и янтарно-золотые глаза кричали о крепком даре Огня. И, хотя ростом Юили и пошла в рослую мать, но дородность ее была явно от отца. Благодаря росту она не казалась полной-но для эльфар ее роскошный бюст и широкие бедра были уж слишком- и осиная талия лишь подчеркивала это «слишком». Было и кое-что еще- в золотых глазах огненными всполохами играла похоть. Редкий эльфар не польстился на роскошь ее тела- и мало кто получал отказ. Часто менять партнеров до свадьбы не считалось у эльфар особым грехом, но... Всему есть пределы, а Юили Аль Тахем давно перешагнула даже границы терпимости лояльных и снисходительных к ней родичей. Впрочем, она оставалась дочерью Патриарха и официально не была замужем.

Амфитеатр затаил дыхание- они стояли напротив друг друга- две прекрасные девы в роскошных нарядах- и Ворон, в окружении жен- по правую руку Первая Мать, синеглазая водница Ида Тин Хоран, волосы которой в солнечном свете сверкают инеем. По левую-та, что еще недавно была Альвари- целительница чьярко выраженным даром жизни, сиявшим в изумрудных глазах. Локоны цвета спелой пшеницы искрились в утренних щедрых лучах, а легкое касание теплого ветра превращало их в нежно — золотое облако. Бездонно-синие глаза Первой матери ни на миг не отрывались от патриарха Хоран. Сам же Ворон хранил молчание. Пауза затянулась- такое долгое ожидание вполне могли бы расценить, как пренебрежение и неуважение, если бы не одно но. И оно, точнее она, ворвалась огненно-рыжим метеором, принеся с собой запахи хлеба, чернил и бумаги, а еще, отчего-то, соленой рыбы и моря.

— Обоз от гномов принимала- рыбу, как и обещали, годную привезли. Этот вот жених, что ли, да? Нормально, здоровый такой. — без стеснения эта пигалица по хозяйски схватила Ворона за руку, ощупывая мускулы и тщетно пытаясь обхватить бицепс двумя маленькими ладошками. На удивление ни сам Ворон ни Первая Мать не выказали никакого возмущения подобной бесцеремонностью, напротив, Арей дружелюбно улыбнулся:

— Зубы показать, госпожа? Проверять будешь?

— А?! Не, ну не однорога же выбираю. Хотя...

— Аюми До Тахем, ты ведешь себя недостойно! — а вот голос Эль Тахем отчетливо полыхнул гневом- да и на лице его явно проступило раздражение. Младшей было позволено многое- но не все. И, вопреки показному легкомыслию, она прекрасно это понимала.

— Я приношу извинения за недостойное поведение, Арей Ард Хоран, патриарх Хоран.

— Не стоит внимания, госпожа. Аюми До Тахем — я хочу говорить с тобой...

— Со мной?! — от удивления Аюми вновь позабыла о приличиях и перебила мужчину. Но на это никто не обратил никакого внимания- удивлена до глубины души была не она одна.

Аюми До Тахем была нехороша. Желтые глаза отца — стихия явный Огонь. Невысокая — ни мать, ни отец не могли похвастать ростом и дочь вышла бы уж совсем миниатюрной — но кровь Патриарха подарила ей плотно сбитое тело и небольшая Аюми походила не на нежный цветок, а, скорее, на невысокий, но крепкий меллорн. Непослушные растрепанные темно-рыжие волосы, крепко сбита и пропорциональная фигура — в ней не было тонкости и изящества эльфар, но цепкость и воля к жизни в ней бросались в глаза с первого взгляда. Даже некрасивая дочь Патриарха сменила уже несколько партнеров- но результат был... Не было результата. Рядом с идеальными сестрами она смотрелась, словно встрепанный серый воробей рядом с двумя белыми лебедями. Только вот лебедей-то Ворону и не хотелось. А Аюми...

— Чем соблазнять-то девушку думаешь, жених? Нет, то, что деньги у тебя есть- мне известно, как никому. Пару медяшек даже мы тебе задолжали...

— Есть еще кое-что госпожа.

— Еще? Интересно!

— Как ты относишься к Хайм, госпожа?

— Надутые наглые и жадные уроды- это хотел услышать?! — мгновенно вспыхнула Аюми, тратившая на взятки этим вырождакам больше половины чистой прибыли.

— Именно это, госпожа. Прекрасно! Видишь ли, они кое-что мне задолжали...

— Много?

— Побольше даже пары медяшек...

— Быть не может! Сколько?! — она впиалась взглядом в Ворона, а когда он повел глазами вокруг, вдруг схватила за голову, притянув губами к своему уху.

— Да уж. Не вышептать... — глаза ее были шальные и потерянные. А поднявший голову Ворон пробил контрольный:

— А взимать долг будешь ты, госпожа!

— Что?!

— Сама посуди. Я — вождь и мне с золотом возиться- неуместно. Первая Мать- воин и магиня. Вторая Мать лекарка — заботится обо мне и о детях.

— Вторая- Мать?

— Ты поняла верно, Тахем. И ты тоже родишь мне ребенка.

— И для чего тебе это? — Аюми вновь впились глазами в глаза Ворона, но тот не отвел взгляда:

— Кровь не вода, Аюми Тахем. И ради рода Тахем- ты сможешь обобрать меня, сможешь обобрать их- Ворон кивнул на стоящих рядом жен:

— Но сможешь ли ты обобрать своего ребенка?

— Вот оно как, Арей Хоран. Хочешь получить страховку? — глаза ее были задумчивы, но гнева в них не было. Ставки были столь высоки, что даже такое требование не было чрезмерным. В том, что получится забеременеть, она не сомневалась- рядом с Хоран стояло два очень убедительных доказательства. Темная! Заманчиво.

— А ты умеешь уговорить наивную девушку, Хоран. Сделка?

— Сделка, госпожа. Под гневный ропот старших сестер Аюми Тахем мгновенно захлестнула девичьим поясомширокую шею Хоран и затянула узел.

— Выбор исполнен! — выходка нахальной Тахем пришлась клану по сердцу — эльфам от души хохотали и кричали здравицы Хоран, его женам и маленькой и нахальной Аюми, проявившей лучшие качества Тахем — быстрый ум и деловую хватку. Наконец- то Ворон мог хоть немного успокоиться- эпопея с женами была окончена.

Глава 19. Неприятности продолжаются

Хаан Аз Хайм

Сцепив в замок длинные породистые пальцы, высокий статный эльф сидел за искусно сделанным массивным столом, выточенным из одного куска драгоценного дерева кле. Столь огромное дерево росло, должно быть, тысячу лет- а потому стоимость такого стола сложно было даже представить. Но сидящему не было до этого никакого дела- не замечал он и мягкости и удобства роскошного кресла с изящными витыми ножками — патриарх Хайм был в бешенстве. Впрочем, высокородный эльф уже принял тот факт, что дела вышли из привычного русла. Больше он не позволит себе потерять лицо перед подчиненным и в его присутствии крушить дорогую посуду. Хаан Аз Хайм укротил свой гнев- и теперь ярость лишь приятно бодрила, заставляя быстрее бежать кровь и пробуждая в пресыщенном прежде теле новые яркие желания.

— Как съездил к Альвари, друг мой Оро? Так ли крепка семья Тин, как ты говорил? — один только затравленный взгляд все рассказал патриарху и Хаан зло рассмеялся:

— Не переживай, Оро- я тоже потерпел неудачу в переговорах. Брат мой, великий воин Аз Рахим- отказал мне. Отказал, да... В пустячной просьбе. Мало того- представь, друг мой Оро- он даже угрожал мне.

— Объявить рокош?

— Ух ты- похоже, что и тебе досталось? Да?! Кто мог подумать- тихони Альвари!

— Их хранители могут быть действительно опасны, господин.

— Думаешь, сам не знаю?! Знаю. Знаю прекрасно. Так. Рахим- понятно, сдвинутые нечести и воинской доблести- а ублюдок наш, как оказалось, славный мечник. И как же это не уследили мы- славно натаскал его этот безумный мастер- Рахим...

— Он выглядел одержимым и не опасным, мастер. За ними постоянно наблюдали наемники- и все они докладывали, что принц занимается лишь гимнастикой- развитием и укреплением тела.

— И это знаю. Как-то обошел нас этот... искусник. Жаль, что теперь уже с него и не спросишь. Да... Ладно. С Рахим мне все ясно- они, считай, выпестовали этого ублюдка. Ученик безумного мастера. Да и сами они, честно сказать... Променять расположение высокого рода на орхского выродка, ловко машущего куском заточенного железа- патриарх скривился и, явно изображая Рахим, гнусаво протянул:

— Он родич мне, он кровь моя... Тьфу! Аж противно. Ладно, так что Альвари?

— Плохо, господин. Его отметила сама Великая Мать- уж не знаю, подсуетились ли жрецы или правда что случилось — но сейчас он жрец первой сотни и ...

— И если мы уберем его- то Альвари нам не простят. Даже не смотря на то, что он им не родич...

— Да, господин. Нет, господин.

— Что да, а что нет? Говори яснее!

— Да- не простят, господин. Нет- то, что не родич. Они дали ему невесту- пустую, но кровная связь есть кровная связь.

— Пустышка Рахим, пустышка Альвари. Он вообще думает род возродить? Или просто баб любит? Нет, Мать-то ему никто не отдаст, конечно- считай, на волосе над гранью болтается... Странно все это- непонятно и странно. Ты сам что об этом думаешь?

— Тахем. Надо договариваться с Тахем.

— Неожиданно. — Хаан огладил подбородок и слегка улыбнулся. Неожиданные идеи он любил- иногда это позволяло взглянуть на дело под новым углом и найти действительно рациональное решение:

— Неожиданно- повторил патриарх:

— Обоснуй!

— Если Тахем выступают посредниками- просят уже, вроде, и не Хайм, а Тахем- а им уступить не зазорно.

— А уступить Хайм, значит, зазорно- ворчливо перебил Хаан.

— Зависть, патриарх. Мы набрали такую силу, что укусить нас- великая честь, а отступить перед нами- великий позор. Когда без драки расходятся двое равных- это не трусость, а разум, а когда...

— Мысль твою понимаю. Не могу сказать, что полностью разделяю — но что-то в этом есть. Продолжай. — Хаан медленно и задумчиво постукивал по роскошной столешнице холеными тонкими пальцами. Оро, по большому счету, прав. Хайм вызывают даже не зависть- ненависть. Но что делать-то? Вымирать, как Тахем, Рахим и Альвари?! Да к Темной эту рабскую покорность! И то, что рожающих баб на всех не хватает- совсем уже не вина Хайм. Поборы? Да, поборы. А вы попробуйте сами прокормить ораву почти в пятьдесят тысяч разумных. А наемники?! Эти жадные твари требуют столько золота, что кажется, будто они его едят! Темная! А куда деваться? Привлекать к охране Рахим? Чтобы они лишний раз убедились, насколько их аскеза отличается от роскоши Хайм?! А потом, увидев излишнее, начали задавать ненужные и неудобные вопросы? Да к Темной все это, проще чужим заплатить! Потому и поборы.

— Продолжай-продолжай, Оро! Слушаю!

— Тахем- нейтралы, с Тахем всем привычно договариваться. Тахем — купцы, а потому и нам с ними будет договориться проще.

— Да, эти более-менее предсказуемы- не то, что берсерки Рахим или фанатики Альвари.

— Да, господин. Тахем знают истинную цену денег. И, я надеюсь, хоть с ними он не успел еще породниться!

— Темная! Ты думаешь?! Не успеем?!

— У Рахим он отметился, Альвари посетил- Тахем ничем не хуже. К нам он вряд ли заглянет.

— И зря. Знаешь, зря! Чем больше я узнаю об этом... полукровке... Темная, а он интересен!

— Он полукровка, господин. Если бы поменять его телами с нашим бастардом- тогда да. А так эльфар не примут правителем полуорка.

— Уверен?

— Не совсем уверен. Но очень надеюсь. Надеюсь не увидеть такого позора. И еще, господин. Нужно признание наследника Хоран. Нашего Хоран.

— Хочешь, чтобы его признали Тахем?

— Нет времени. Да и хватит уже- мы похожи на однорога, что прячет морду в тени, а то, что тело и задница на свету- вроде и не важно.

— Это ты к чему?

— Все и так знают, кто правит. И наши попытки влезть в тень уже даже не просто

смешны- унизительны.

— Открыто признать своего Хоран... Показать власть и силу. Может быть, Оро, может быть...

— Но вначале хорошо было бы договориться с Тахем, господин!

— Это само собой, Оро. Никаких телодвижений без абсолютной определенности. Ты ведь уже начал договариваться о моем визите, Оро? — патриарх улыбнулся уголками губ, предвидя ответ и Оро не разочаровал:

— Сразу по прибытии от Альвари, патриарх. Тахем будут рады принять тебя в самое ближайшее время. В удобное для тебя время, господин.

— Славно, дорогой мой Оро, действительно славно. — на самоуправство Оро патриарх не гневался. Обычно его секретарь- соглядатай вполне точно предугадывал желания хозяина и это экономило кучу времени. А если и случались какие-то накладки- вряд ли кто-то станет предъявлять претензии главе величайшего рода эльфар.

Хаан Аз Хайм, патриарх величайшего рода Хайм, довольно усмехнулся, глядя на верного соглядатая:

— Что ж, дорогой мой Оро, раз уж случилось так, что воины и монахи нас подвели- обратимся к торговцам.

Хаан Аз Хайм. Родовое поместье Тахем.

С высокого белокаменного балкона открывался роскошный вид на наполненный светливой жизнью изумрудно-зеленый лес — радость сердца для любого эльфа. Посередине балкона стоял изящный стол с остатками богатой трапезы. Пара высокородных, уже насытившись дорогими яствами, стояла у широких перил. Эти двое были полной противоположностью друг друга — настолько разные, насколько могут отличаться истинные эльфы. Один из них был эталоном — в нем ярко проявились все признаки древнего рода — высокий рост, изящное телосложение, роскошная грива иссиня-белых волос, светло-голубые льдины глаз. Бесстрастное лицо, словно выбитое на монете, буквально кричащее о многих и многих поколениях благородных предков. Пара родовых колец, каждое из которых украшено драгоценным камнем с хорошим орех. Наряд, облегающий, словно вторая кожа — портные явно очень постарались и тщательно повторили каждый сантиметр тела заказчика.

Второй был во всем попроще. Пониже ростом — но фигура его была более плотной и сбитой, а потому он был, конечно, пониже, но не выглядел меньше. Мало того, этот эльф явно любил сладко и обильно покушать и даже хваленый быстрый обмен веществ не справлялся — намечающийся животик был виден вполне отчетливо. Светло-рыжие волосы наводили на мысли обогне, а желтые глаза цвета меда уже объявляли об этой стихии вполне отчетливо и однозначно. Одет золотоглазый был не менее роскошно, чем собеседник — но едва заметные морщинки и складки наводили на мысль о покупке готового платья. Дорогого — да. Но такому никогда не сравниться с работой элитного личного портного.

Разговор не складывался — хотя оба собеседника общались вполне спокойно и благожелательно.

— Итак, Данар, друг мой — похоже, что тот товар, который я так страстно хочу купить, ты мне продать не сможешь, верно? — Хаан Аз Хайм методично постукивал тонкими и длинными холеными пальцами по массивным белокаменным перилам:

— Боюсь, что в этом случае я не совсем понимаю, к чему была наша встреча — ведь, как я помню, Тахем не приветствуют бессмысленной суеты. Или что-то поменялось?

Данар Эль Тахем довольно улыбнулся:

— Ты и прав и не прав, друг мой Хайм.

— Я слышу твои слова, но их смысл ускользает от меня, друг Тахем. Позволь мудрости рода Тахем осветить мой путь.

Эль Тахем пригубил вайн, демонстративно затягивая паузу. Но Хайм лишь улыбнулся и также с удовольствием приложился к бокалу. Старый интриган смотрел на патриарха Тахем с легкой благожелательной улыбкой, не выказывая никакого раздражения задержкой. И торговец продолжил:

— Все просто — есть два товара — один ты настойчиво хочешь купить, а второй тебе действительно нужен. Тот товар, что ты жаждешь, принесет тебе лишь потери и убытки — тот товар, что тебе действительно нужен — принесет власть, спокойствие и силу.

— Подожди-подожди, Данар. Итак — то, что я хочу — смерть выскочки Хоран — принесет мне потери? Верно?

— Верно. Рахим не простят вам жизни кровного родича. Альвари не простят вам жреца первой сотни — и возможного родича тоже не простят — но основной накал страстей будет

именно из-за его статуса жреца. Да. Да даже и мы- Данар Тахем замялся, но продолжил:

— Даже и мы. Не простим убийства родича и делового партнера. Если и захотим- не сможем не мстить- репутация рода дороже жизни.

— Успел-таки... — голос Хайм напоминал скрежет мельничных жерновов, а лицо перекосило так, будто патриарх Хайм разжевал семена огненной чихили:

— Ты тоже, друг Тахем? Ты тоже отдал ему в жены одну из дочерей?

— Да, друг мой. Он был настойчив.

— И чем же он смог купить тебя? Чем нищий потомок Хоран смог заинтересовать патриарха богатейшего рода Тахем? Удивишь меня? — Хаан Аз Хайм пытливо вглядывался в недовольное лицо Тахем и патриарх нехотя выдавил:

— Нищий, говоришь? Да если бы нищий. Нет. Было ему, чем надавить. Его мать- Уна Дин Рахим- очень предусмотрительная женщина — оставила у нас кое-что на хранение.

— Оркхайя! Какая там еще женщина! Грязная оркхайя! — Хайм выплевывал слова, словно пачкающие его язык, а сам внимательно наблюдал за реакцией собеседника. И был сильно разочарован. Тахем остался невозмутим:

— Тахем нет дела до расы делового партнера, если его золото и камни настоящие. Оркхайя, эльфара, гнома, драконида- это неважно. Несущественные подробности.

— Но откуда у нее взялись великие ценности?! Ведь не из-за несчастной же тысячи золотых великие Тахем...

— Не из-за тысячи. Не из-за десяти и даже не из-за сотни тысяч.

— Темная! Но как?! Откуда?! Неужели же Император был к ней так щедр?!

— Там немного другая история. Оркхай уступили силе- но они посчитали, что для захватчика достаточно будет и земель- свадебные дары приносились лишь Уне Дин Рахим — и только ей — а Император посчитал для себя позором наложить на эти ценности руку. Ну, или побоялся, что это станет известно оркхай и те нарушат мирный договор- кто теперь расскажет...

— Свадебные дары?

— Свадебные традиционные дары тридцати родов оркхай, которые соревновались друг с другом в щедрости- это же были дары Вождю Вождей и чем щедрее дар- тем выше доблесть и слава.

— Темная!

— Да уж. Табуны лучших однорогов, великолепные ковры и меха, изысканная драгоценная посуда- я уже не говорю про оружие- это были просто шедевры кузнечного искусства. Знаешь, всему роду Тахем понадобилось два долгих года, чтобы обратить всю эту роскошь в золото.

— Это же...

— Да. Это даже не миллион- это миллионы.

— Как единственный наследник Хоран — Эрдор Ти Хоран имеет...

— Эрдор Ти Хоран? Дам тебе совет- бесплатно. Даже если твои маги и убедили тебя, что смогут подделать Истинную Печать- представь, что будет с ней, когда полукровка обратится к Истинной Крови.

— Он-смог?!

— Он смог.

— И ты видел?! Сам?!

— И я видел. Сам.

— Темная! Темная!! Темная!!!

— Так что Эрдор Ти Бастард имеет все шансы катиться к так часто поминаемой тобой Темной в горячие объятия. Это наследство матери- и только матери. Как ты там говоришь- грязная оркхайя? Догадаешься, что должен был предъявить претендующий на несметные богатства?

— Данхан...

— Данхан, друг мой Хайм, данхан. И у нашего молодого друга он был.

— Так и давай убьем его! Темная! Давай мы- Хайм убьем его! Сами! А Тахем будет вообще не причем! Ведь это же выгодно тебе- тебе, Тахем! И ведь даже больше, чем мне! Темная! Тахем присвоили золото оркхайи- да и пусть! Исхитрились- молодцы, ваше и ваше! Никто уже не спросит- да некому будет и спрашивать! Я не понимаю тебя, Тахем- ты не ищешь выгоды своему роду?!

— Некому спрашивать, говоришь? — невесело улыбнулся Тахем:

— Некому спрашивать... Рахим- знают, Альвари- знают. Теперь, даже если убить его со всеми его женами, то...

— Да уж. Найдутся наследнички.

— И если бы только наследнички. Золото — это всего лишь золото. Мстители найдутся — а вот это уже действительно страшно. Заиметь в кровники Род истинных воинов или, того хуже, жрецов-магов? Нет уж — сейчас мы кое-как, но договорились с Хоран. Полюбовно. Чай не чужой эльфар- зять.

— Темная! Но ты говоришь- у тебя есть то, что нужно мне.

— Да.

— Темная! Этот ублюдок Хоран...

— Он не ублюдок, Хайм. До него самого мне и дела нет. Но когда ты так называешь его, то получается, что я выдал дочь за ублюдка? Мне такое не нравится.

— Да ладно! Хорошо! Темная! Хорошо. Этот Хоран- как крошки в постели. Никакого покоя. Пусть не ублюдок. Пусть. Ладно. Ты говорил- у тебя есть то, что нужно мне. Я сам даже предположить не могу, что это может быть. Но, зная мудрость Тахем, я хочу услышать твое предложение.

— Когда моего зятя выкликнут новым императором- род Тахем выступит против. Хайм не донес изящный бокал до губ- дрогнувшая рука расплескала изысканный вайн. На дорогой ткани камзола и на белокаменном полу рубиновые капли растеклись, словно кровь. По застывшему взгляду было видно, что Хайм с бешеной скоростью обрабатывает новые вводные. Эль Тахем меланхолично потягивал терпкий вайн, вполне удовлетворенный произведенным ошеломительным эффектом. Хайм, наконец, отмер. Равнодушно взглянув на испятнанный камзол, он в два глотка допил остатки из бокала:

— Я не спрошу- почему- это резоны рода Тахем. Но я скажу тебе — да. Этот товар очень интересен роду Хайм.

— Возможно, роду Хайм будет интересно, если и Альвари не поддержат моего нового зятя?

— Даже так? Это возможно? Возможно. Да. Но с Альвари мы могли бы попытаться договориться и сами- это будет дешевле. — Хайм, ухмыльнувшись, взглянул на Эль Тахем, но этот пробный укол не только не достиг цели- торговец ошетинился шипами пренебрежения и укрылся броней холодного равнодушия.

— Пытайтесь. Жадность порождает бедность. — Тахем все еще радушно улыбался- но

это была уже не теплая улыбка родственника, а безжизненная маска торговца для очередного клиента.

— Это ты к чему, брат Тахем? — Хаан отчетливо чувствовал, что ступил на тонкий лед.

— Когда Альвари вам откажут- моя цена вырастет вдесятеро- их упрямство тебе известно, а наше — не меньше.

— Даже не «если откажут» — а сразу «когда откажут»? Ты что-то знаешь, брат Тахем? — вот сейчас все станет ясно. Только бы торговец начал уговаривать.

— Об упрямстве Альвари? Об их неприязни к Хайм? Об их почитании жрецов, а тем паче, жрецов первой сотни? Кое-что знаю, да. Но это лишь слова в облаках. Я не буду говорить за другой род. Я предложил услугу- но ты готов справиться сам и теперь это только твоя проблема, Хайм. Давай говорить о том, что я могу тебе предложить. Давай говорить с том, во что тебе обойдется слово рода Тахем.

Темная! Проклятый торговец непрошибаем. А ведь он прав! И в том, что Альвари не любят Хайм- никто не любит более успешных. И в том, что Тахем вполне могут задрать цену на услугу вдесятеро. Попробуй возрази- их право. Самоенеприятное не в этом- самое неприятное, что при голосовании получиться не два на два- Хайм и Тахем против Альвари и Рахим- нет. Получится два против трех- проклятый Хоран, как старший Рода, будет иметь право голоса. Даже если вдруг удастся протащить недоумка Эрдора — а это уже сильно вряд ли- так полукровка просто старше! А первородства никто не отменял. Темная! Спокойно. А нужно ли Хайм все это? Тахем берут дорого- это бесспорно- но всегда неукоснительно выполняют обязательства. И если они готовы взять плату за поддержку Альвари- да стоит ли вообще торговаться? Как он там говорил, этот толстый торгош- золото это всего лишь золото? Казна Великого Рода Хайм еще долго не покажет дна, казна же Императорского Рода Хайм может стать воистину бездонной. Если в кулаке зажат медяк, а ты тянешься к золотому- медяк нужно бросить. Иначе можешь потерять первое и не обрести второе. Приняв решение, Хайм обворожительно улыбнулся и сам наполнил бокалы:

— Ну нет, друг мой. Мы будем говорить о том, во что мне обойдется слово Тахем и слово Альвари вместе. Жадность порождает бедность, говорил ты? Это очень разумно. А потому мы не будем жадничать.

Глава 21 Большой Совет

Огромная толпа эльфар напомнила Хаану Аз Хайм беспокойное море. Толпа бурлила, тут и там возникали вдруг быстрые водовороты и, как прибой, толпа мерно накатывалась на помост председателей Большого совета. Накатывалась- и вновь отступала. Три десятка мечников Рахим стояли перед помостом нерушимой границей. Начинали Великий Совет опять Хайм- за прошедшие столетия никто уже и не оспаривал у них эту привилегию.

— Кого ты хочешь представить Большому Совету, Хаан Аз Хайм, патриарх рода Хайм? — распорядитель был, естественно, и сам из Хайм- нельзя отдавать такую должность в чужие руки. Патриарх Хайм взглянул на бурлящую толпу- Большой Совет всегда собирал огромное количество желающих поучаствовать. Сегодня эльфар были расколоты практически пополам. Ярко-голубые плащи Хайм заполонили всю левую половину площади. Вторая половина была неоднородна- серо-стальные плащи Рахим и темно-бурые клобуки Альвари были разбавлены ярко-желтыми пятнами огневигов — Тахем. Три рода против одного. Но и один род Хайм по численности не уступал трем остальным. И, в случае враждебности, вполне мог бы попытаться заткнуть остальным рты. Но враждебности не было- лишь настороженный интерес. Патриарх Хайм глубоко вдохнул- настало время делать решающий ход. Его фигурка- наглый и недалекий бастард императора — была безупречна. Эрдор Ти Хоран, равнодушно стоящий в кольце охраны, обладал внешностью, замечательной даже на фоне Хаана Аз Хайм, которого все без исключения считали настоящим эталоном чистой крови. Но юный бастард выигрывал даже у него- тонкое лицо, ярко-голубые глаза, белые, как снег волосы. Тонок, хрупок и изящен, как ханьская статуэтка — идеальный образец породы. Хайм сыграют именно на этом- на чистоте крови. Закутанный в багровые цвета Рода Хоран- Эрдор казался настоящим воплощением ушедшего Императора. Патриарх выдохнул, затем шагнул к краю помоста. Старый интриган идеально владел своим сильным и звучным голосом:

— Народ эльфар! Сograждане! Братья! Сегодня я счастлив! Сегодня я представляю вам потомка истинного Императора. Взгляните на носителя Древней Крови! Взгляните все! — Хаан Аз Хайм перевел дух, с удовлетворением прислушиваясь к одобрителному рокоту безбрежной толпы. Выдрессированный бастард демонстрировал себя во всей красе- скромно, но с достоинством поклонился всем четырем великим Родам и безмолвно замер, словно в смущении. Великая Мать не поскупилась на его внешность- внебрачный потомок Истинного был прекрасен и каждый из эльфар легко находил в нем все признаки высокого рода. Возбуждаемы людьми Хайм шепотки скоро переросли в приветственные крики, рев, овацию.

— Эр-дор! Эр-дор! Эр-дор! — все громче и громче скандировала толпа. Довольно улыбнувшись, Хаан Аз Хайм поднял руку, прося тишины. Выкрики понемногу смолкли, а толпа обратилась в слух:

— Сегодня я представляю вам его- его имя Эрдор Ти Хоран...

— Нет! — гулкий голос хлестнул плетью, оборвав торжественную речь. Толпа онемела- на помост тяжело шагнул полукровка.

Один его вид резал глаза- полукровка даже не удосужился привести свой наряд в соответствие с традициями. Напротив- в глаза бросался побитый массивный орхский нагрудник древней работы, тяжелые кованые наручи. Короткий хвост последнего в роду был

не заплетен, как принято у эльфяр, а перехвачен простым сыромятным ремешком. И один лишь длинный багровый плащ, плотно обнимающий громадную фигуру, заявлял о принадлежности роду Хоран. Хайм мысленно улыбнулся- одним своим видом полукровка щедро плеснул водицы на его, Хаана, мельницу.

— Как патриарх рода Хоран я говорю вам, эльфяр, я говорю тебе- Хайм- в Роду Хоран нет места для бастарда- даже для бастарда самого Императора.

Тишина зазвенела натянутой тетивой. Граница между родом Хайм и тремя остальными родами вдруг стала особенно резкой- и Хаан отчетливо увидел, что силы почти равны- но Хайм не воины, а управленцы. А вот Рахим и Альвари... Конечно, есть и наемники- но никто и никогда не допускал на Большой Совет эльфяр наемников. Темная!

— Патриарх Хоран? — прозвучавший, было, в голосе Хайм сарказм был вдребезги разбит металлическим лязгом и ревом нескольких тысяч голосов:

— Я — видел! Я-знаю! Я- свидетельствую!

Привыкший за несколько веков к изящным политическим играм и уверткам, патриарх Хайм оказался не готов к простой, открытой и мощной лобовой атаке. И теперь, словно поплыв от жестокого апперкота, Хаан Аз Хайм всеми силами старался сохранить лицо:

— Если ты знаешь традиции- нового патриарха должен поддержать хоть один Великий Род...

— Свидетельствую! — прогрохотало железом, обрывая его слова и патриарх Рахим выступил вперед, положив руку на правое плечо полукровки.

— Свидетельствую! — прошелестел в тишине монашеский плащ и глава рода Альвари встал за его левым плечом.

— Свидетельствую! — глава рода Тахем просто вышел вперед, заслонив собой полукровку от толпы. Частично- ибо невысокий Тахем терялся на фоне громадной фигуры Арея Ард Хоран.

— Мы, три великих Рода- грохотал Рахим, которому, видимо, позволили быть Голосом всех трех родов:

— Оглашаем вам, эльфяр, волю Императора, которую он заверил Истинной печатью крови Хоран. Император признает Арея, сына законной жены своей, Уны Ард Хоран, своим законным сыном и наследником. Свидетельство тому- данхан, заверенный большой Истинной Печатью его! — сравнительно небольшой свиток в руке Рахим вряд ли было отчетливо видно дальним рядам- но этого и не требовалось. Достаточно было сияния Печати и слитного возгласа трех патриархов Великих Родов:

— Я- видел! Я- знаю! Я- свидетельствую!

— По праву первородства Арей Ард Хоран провозглашается нами патриархом и главой рода Хоран! Отныне и навсегда! Славься! Славься! Славься!

Толпа ревела! Хайм бурлили недоумением и возмущением. Рахим, Альвари и Тахем- кипели ликованием и буйной радостью. Скрежетнув зубами, Хаан Аз Хайм попытался вновь перехватить инициативу. Да, этот удар он пропустил- одно сражение безнадежно проиграно- но партия еще совсем не закончена. Распростертая ладонь патриарха потихоньку уgomонила беснующуюся толпу.

— Хайм приветствуют тебя, патриарх Хоран. — простые слова застали многих врасплох- кто начал ругаться, кто просто удивленно охнул- равнодушных не было. Новоявленный патриарх, впрочем, не казался сильно удивленным- прижав руку к сердцу он склонил голову в положенном поклоне-достаточно глубоком, чтобы проявить уважение, но

ни на волос ниже, чем необходимо.

— Позволь старшему по возрасту задать вопрос, патриарх Хоран.

— Внимаю твоей мудрости, патриарх Хайм. — легкий, почти небрежный поклон, в глазах полукровки ни злобы, ни торжества- лишь уверенность и равнодушие.

— Род Хоран переживает тяжелые времена, патриарх. Я вижу твоих жен и торжествуя- но тебе известно, что после Древнего Проклятия Великая Мать к нам не слишком щедра — так стоит ли отталкивать единокровного брата? Пусть по букве закона он не Хоран- но взгляни на него, патриарх- разве ты не видишь в нем истинной крови? — голос Хаана Аз Хайм был вполне благожелателен, а вот смысл речей просто сочился издевкой- на фоне идеального Эрдора сам Арей смотрелся большим и уродливым ублюдком.

— Твой младший единокровный брат никогда не будет спорить с тобой о власти- право первородства неоспоримо. Так стоит ли лишать древо Рода крепкой и здоровой ветви? Поверь, все отнесутся к такому с уважением и пониманием- в тяжелые для Рода времена не брезгают родной кровью.

— Ты мудр, Хайм. Мудр и твой совет. И я склонен принять его- в глазах Хайм вспыхнуло, было торжество, но Хоран поднял руку:

— Ты говорил об Истинной Крови верно. У каждого великого Рода свое испытание- есть оно и у Хоран- хисс полоснул ладонь и первая линия Истинной печати Хоран повисла в воздухе.

— Взываю к Истинной Крови! — его лицо налилось светом и билось в такт с вспышками висящей в воздухе большой Истинной печати Хоран. Три удара сердца- три ярких всполоха, озаривших огромную площадь и вырвавших тень из самых сокровенных уголков.

— Хорр-ранн... — прошептала толпа, качнувшись вперед. И уже непонятно было, где Хайм, где Альвари, где Рахим, когда тысячи голосов сплелись в один выдох:

— Я- видел! Я- знаю! Я- свидетельствую!!!

Истинный Хоран простер руку и над площадью воцарилось безмолвие.

— Ты говорил- род Хоран не возрождается- это не совсем так, досточтимый Хайм. Великая Мать щедра- моя жена носит продолжателя рода. Наследника. Дитя Истинной Крови.

— Которая? — встрепенулся Аз Хайм.

— Каждая- припечатал Хоран:

— Но и ты прав, мудрый — Род малочисленен. Эльфар Эрдор — при народе объявляю тебе- яви силу Истинной Крови Хоран- и я объявлю тебя кровным братом в присутствии патриархов четырех великих Родов. Ты же видишь- даже для полукровки орхской крови это доступно. Покажи себя сыном своего отца. Призови силу Хоран- и войди в Род. Тишина повисла над площадью. Звенящая тишина. Идеальный эльфар, Эрдор Ти... Хоран? Нет, не Хоран. От него публично отрекся патриарх рода. Эрдор молча стоял посреди помоста. Толпа смотрела — сперва во взглядах читалось ожидание, затем недоумение, после- жалость, сочувствие и брезгливость. Сила Крови- опасное оружие и многие и многие эльфар благополучно обходились без нее всю жизнь. Но как можно испугаться силы своей Крови, когда на кону Родовое Имя? Сила Крови испепелит самозванца- но даже часть Истинной крови Рода не позволит нанести вреда призывающему силу ее носителю. Чего бояться истинному эльфар, когда даже к полуоркхай Кровь была снисходительна и благосклонна? Или все дело в том, что бастард Императора- вовсе и не бастард Императора?! И

королевская шляпка прижила его от кого-то другого? Молчание затягивалось- Ворон хлопнул в ладоши, возвращая себе внимание.

— Видишь сам, досточтимый Хайм. Для безудержных Хоран этот эльфар слишком... осторожен. — презрительная усмешка ясно давала понять, какое слово должно было быть вместо этого «осторожен»:

— Эльфар Эрдор! Род Хоран отказывает тебе в родстве- твоя кровь- не наша кровь, а наша кровь- не твоя. Что ж, Хоран- не единственный Великий Род, а патриарх Хайм уже принял участие в твоей судьбе, потомок императора. Особое участие. Что же — Эрдор Ти Хайм — звучит вполне достойно.

Изящный недоумок Эрдор, словно восковая кукла, глупо хлопал глазами, а в голове патриарха Хайм мысли неслись вскачь, обгоняя друг друга. Как там Оро говорил? Хайм похожи на глупого однорога, что прячет морду в тени, не обращая внимания на то, что тело и задница на свету? И эти попытки влезть в тень все более унижительны. Так, может быть, этот новоявленный патриарх прав? И игр с императорским родом Хоран уже довольно? Император Хайм- вот что звучит вполне достойно, полукровка. Новый план с бешеной скоростью вырисовывался у него в голове:

— Ты прав, патриарх Хоран! Хайм приняли большое участие в жизни сына истинного императора, эльфара Эрдора. И потому я, патриарх рода Хайм, говорю тебе, эльфар Эрдор- наша кровь- твоя кровь, твоя кровь- наша кровь. Мы празднуем рождение твое- Эрдор Ти Хайм, сын Императора!

Орда Хайм послушно взорвалась ликованием, а расторопный Оро где-то уже раздобыл небесно-голубой плащ и с помпой возложил его на плечи новоиспеченного Хайм. Благо, недоумок Эрдор хотя бы стоял спокойно, как однорог в знакомом стойле.

Толпа шумела, род Хайм ликовал. Они принималась вновь скандировать:

— Эр-дор! Эр-дор! Эр-дор! Остальные три рода вели себя более сдержанно- пока Хайм бурлили восторгом, остальные, обсудив новость, просто ждали продолжения большого совета. Восторги уже сходили на нет, когда вперед выступил патриарх Рахим и требовательно поднял руку.

— Народ эльфар! Пятнадцать лет назад, после смерти Императора, Род Хайм принял на себя бремя правления до совершеннолетия малолетнего потомка Императора, наследника императорского Рода Хоран. Род Хайм исполнил обязательства- наследник Хоран перед нами и он вошел в возраст- по законам эльфар женатый считается совершеннолетним, а у нашего Хоран жен три. Мы благодарны Хайм за то, что они сохранили престол- но теперь — есть наследник. Мы ждем от Хайм исполнения обязательств- мы ждем от эльфар обретения нового Императора.

— И кого же ты видишь новым Императором, глава Рахим? — за внешним спокойствием Хаанаскрывалась закипающая злость- слишком уж рьяно взялся за дело Рахим и давил безжалостно.

— А ты видишь здесь двоих Хоран?! Я вижу лишь одного! Одного законного наследника...

— Полукровка! — выкрик из толпы прервал речь Рахим, толпа забурлила, а затем помост буквально утонул, погребенный лавиной яростных криков:

— Полукровка! Смесок! Оркхский выродок!

Хайм, подняв руки, успокоил толпу- сделать ему это было нетрудно, ибо кричали и буйствовали, конечно, его родовичи.

— Я смотрю, что родовитому Хоран народ эльфар не очень то рад, брат Рахим. — сарказм, сочащийся с языка патриарха Хайм бессильно сполз с брони равнодушия Рахим:

— Меня не интересует, чему рад, а чему не рад народ эльфар. Есть Закон. По Закону императором должен стать глава императорского Рода Хоран.

— Ублюдок твой полукровка...

Арей рванулся вперед, к краю помоста, едва не расшвыряв беседующих патриархов:

— Я не знаю, кто ты, позор своего рода, выкрикивающий оскорбления из толпы! Выйди и скрести со мной хисс, тварь помойная! Эльфар! Почему молчите вы?! На Большом Совете оскорбляют память ушедших!

Десяток Рахим с повязками Стражей Совета безмолвно нырнули в толпу Хайм. Им было, попытались заступить дорогу, но вставшего на пути десятник просто отшвырнул в сторону. Ледяной голос убийцы пробирал до кишок:

— Хайм, вы препятствуете Страже Совета?!

Слитный лязг тысячи хиссов Рахим, одновременно вынутых и вброшенных в ножны. Шаг закованного в железо Рахим, идущего прямо сквозь толпу. Хайм расступились. Выкрикнувший оскорбление убеленный сединой эльфар в роскошном одеянии цветов Хайм, руки которого были унижены дорогими родовыми перстнями стоял надменно и горделиво. Он был из касты верховных управителей- он был выше черни- неприкасаемый. С презрительной улыбкой он ждал приближения этих тупых вояк- он командовал личной армией, состоявшей из еще более внушительно выглядевших наемников — и они подчинялись беспрекословно. И эти- дастойт гаркнуть на них построже... Тяжелый стальной кулак снес насмешливую улыбку с холеного лица, размазал дорогие румяна и сокрушил точеный нос и белые зубы. Латный сапог подбросил окровавленное тело, изрыгающее пополам с кровью остатки дорогих утренних кушаний и элитного вина. Хайм отшатнулись в ужасе- расправа была мгновенна и жестока. Десятник подхватил одной рукой заблеваный и окровавленный ком:

— Эльфар! Ты нарушил правила Большого Совета! Правом и волей Стража приговариваю тебя к изгнанию! Более никогда ты не войдешь на Большой Совет эльфар- тебе здесь нет места! Двое дюжих Рахим брезгливо подхватили воющего от боли нарушителя и десяток зашагал к воротам в стене, опоясывающей внутренний двор императорского дворца. Дверь открылась со стальным лязгом- окровавленный ком пинком вышвырнули за ворота.

— К чему такая жестокость, Рахим- поморщился патриарх Хайм:

— Было ли это необходимо?

— Ты всерьез считаешь, Хайм, что Большой Совет эльфар должен терпеть, когда один из твоих родичей теряет лицо и ведет себя, словно опившаяся вайном грязная шлюха в низкопробном портовом кабаке?! Видит Первая Мать- слишком снисходителен ты к своим родичам. Пока Рахим — Стражи Совета- так не будет, Хайм- так НЕ БУДЕТ!

— Оставим это, Рахим — будем говорить прямо- эльфар не примут императора с половиной орхской крови! — толпа Хайм поддержала своего патриарха свистом и гулом, но стоило ему поднять руку- шум смолк.

— Патриарх Рахим- ты требуешь решения Большого Совета? Трона для Арея Ард Хоран, признанного сына императора?

— Да!

— Твое право, патриарх Рахим, твое Право. Но Род Хайм- против! — толпа Хайм вновь

поддержала во его главу криками и ревом и вновь стихла по одному его жесту:

— Ваше решение, Великие. — патриарх Хайм требовательно взглянул на Данара Эль Тахем. Патриарх Тахем, улыбнувшись одними губами, громко и четко произнес:

— Род Тахем- против. Его слова вызвали приступ буйного ликования у сторонников Хайм — остальные три рода остались равнодушны.

— Род Альвари- против. — негромкий голос Альвари породил новую волну ликования Хайм.

— И так- за сохранение Хоран императорским родом- Род Рахим...

— Род Рахим — против! — лязгнуло тяжелым металлом и Хаан застыл в недоумении. Рахим- против?! Но тогда- для чего все это?! Зачем вообще нужен был Совет?!

— Великие Рода! Своей ли волей и без вины Рода Хоран вы лишаете Род Хоран статуса Императорского? — в растерянной тишине басовитый голос полукровки грохотал камнепадом, раскатываясь к самым удаленным уголкам.

— Да. — громко и отчетливо сказал Тахем.

— Да... — прошелестел Альвари, но его все услышали..

— Да! — лязгнул сталью Рахим.

— Да... — растерянно сказал Хайм, вынужденный как-то отреагировать на требовательную паузу.

— Род Хоран с честью нес бремя императорства и вы, Великие Рода, сами освободили Род Хоран от этого бремени и не нашли нашей вины. Раз так- по Завету за службу Рода я требую права на вольное княжество Хоран.

— Нет! — возопил Хаан, только теперь понимая, какая была истинная цель этого балагана.

— Да — припечатал Рахим.

— Да- кивнул довольно улыбнувшийся Тахем.

— Да- в полный голос сказал Альвари.

И толпа из трех родов вдруг ошетижилась, превратившись из бесформенного болота в готовые к сражению десятки- на острие мечники Рахим, за ними лучники-Тахем и пара хранителей-Альвари. Начавшие, было, возмущенно кричать, Хайм опасно отхлынули-слишком ярки были воспоминания от жестокой расправы Стражей Совета с нарушителем порядка.

— Хаан Аз Хайм! Я, Алари Аз Рахим, патриарх Рода Рахим, Голос клана Тахем-

— Свидетельствую!

— Голос клана Альвари-

— Свидетельствую.

— Спрашиваю тебя- готов ли ты засвидетельствовать решение Большого Совета Истинной печатью Хайм? — Хаан молчал. Княжество Хоран для него было если и не катастрофой, то чем-то, довольно близким. Имущество Хоран, бывшее «на сохранении»- да, много что утеряно так, что и концов не найти- но многое придется и возвращать — не отвертеться. А главное- земли. С другой стороны- одинокий голос Хайм формально уже ничего и не решает. Отдать или не отдать- да так даже вопрос не стоит. Отдавать придется, а потому...

— Решение, говоришь ты, патриарх и Голос?! Решение? Разве эльфар уже избрали нового Императора и новый императорский Род?! Я готов засвидетельствовать решение- но когда оно будет принято! Я, Хаан Аз Хайм, требую трона для кровного потомка Императора,

Эрдора Аз Хайм! Я, Хаан Аз Хайм, требую признания Рода императора императорским Родом! Ваше слово, патриархи!

— Вольное княжество роду Хоран, не чинить никаких препятствий тем, кто за ним последует — не принуждать оставаться насильно и не пытаться лишиться имущества. Император по крови- Эрдор Аз Хайм, императорский род-Хайм-все верно? — и если в первой части речи проклятого Рахим Хаан возмущенно вскинул голову, то во второй он лишь согласно кивал. Общий баланс превосходил самые смелые его ожидания. Что до княжества- пусть будет, потом можно будет и побороться. Отдать на словах — это совсем не то, что отдать в действительности. А потому, пока можно и согласиться:

— Да, Рахим, все верно. Такой договор.

— Будет так!

— Будет так!

— Будет так!

Потом была суэта- составление и заверение грамот Большого Совета. Грамоту на Вольное Княжество Хоран заверили аж пятью Истинными Печатами. Жесток был торг по имуществу Хоран и согласование границ нового княжества — Дикая равнина, ставшая после женитьбы императора местом довольно спокойным, уже обзавелась несколькими городками и терять ее патриарху Хайм было ох как больно- но и оспорить приданное оркхай было уже невозможно- обвести вокруг пальца можно было Рахим или Альвари- но не Тахем. Проклятые Тахем взяли на себя представительство интересов Хоран- договор у них, видите ли! Темная! Пусть! Считаться властителем и владеть- это разница. Приграничная с оркхай территория всегда была источником головной боли империи — посмотрим, как справиться с этим новоявленный князь. Закрывая Большой Совет Хаан Аз Хайм, патриарх императорского рода Хайм, наслаждался ощущением хорошо сделанной тяжелейшей работы.

Глава 22. Тренировка

Хисс вновь лишь бессильно звякнул о монолит ростового щита.

— Праа! — в открывшуюся внезапно щель змеиным языком скользнуло лезвие сариссы, тяжело ударив в бок. Подобного не ожидал даже мастер. Согнувшись от боли, мастер- мечник Рахим кое-как отскочил и вновь взглянул на свою полусотню. Темная! Большинство корчилось на земле, испятнанное стрелами- остальные, как и он, почти выведены из строя мощными и неожиданными ударами. Кархово семя! Хоран действительно удивил! Сборная полусотня из оркхай, Рахим, Альвари и Тахем! И одного Хоран. Три декады назад это вызывало лишь хохот. Сейчас было не смешно- больно. Больно от тупой болванки, качественно въехавшей в подреберье. Больно от того, что полсотни мастеров-мечников тщательно повозили мордой по столу. Все попытки разбить стальную скорлупу щитов оркхай были тщетны. Сбить с ног даже одного оркхай- задача непростая. А если их было полтора десятка, сцепивших щиты рыбьей чешуей, то даже для полусотни мастеров это оказалось невыполнимо. А глефары, спрятанные за стальной стеной оркхай, непрерывно жалили, словно ядовитые змеи. Да еще и злобные Тахем-лучники мгновенно пользовались малейшей щелью, а то и умудрялись положить стрелу в цель даже поверх щитов. Да еще и магия Альвари, делавшая оркхай и Рахим сильнее, а Тахем точнее и проворнее. Сборная полусотня в учебном бою буквально разметала полусотню мастеров- мечников Рахим, но Ворон все равно был недоволен.

— В толк не возьму, что тебе не нравится, Хоран?! Твоя задумка блестяще оправдалась и твои воины здорово повыбили пыль и спесь из наших разленившихся мастеров. Славно, может у кого-то встанут мозги на место- патриарх Рахим, несмотря на поражение своей команды, был настроен довольноблагодушно. Хорошая трепка в бою учебном это именно то, что нужно, чтобы вернуть на землю забронзовевших мастеров. В реальном бою плата за излишнюю самонадеянность была бы вовсе не отбитыми ребрами и синяками, а кровью. Так что патриарх Рахим был доволен. А Ворон был хмур.

— Я гоняю их месяц- но все, чего я добился- взаимодействие в малой группе. Они не единый организм- каждая группа сама по себе. Есть группа щитовиков- оркхай. Они бодро ставят чешую и держат любой напор. Только вот они не взаимодействуют ни с лучниками, ни с глефарами. И атакующие вынуждены ловить момент, чтобы сделать удар и не располосовать щитовиков. Из за этого глефар может подрезать лучника, а лучник зацепить стрелой глефара. Так, кстати, уже было- и не раз. Легче всего с Альвари- у тех техники дистанционные. Но при высокой активности и этим, бывало, прилетало от своих. Только сегодня обошлось. Пока это не пальцы одной руки- это всего лишь четыре своенравных однорога в одной упряжке — они, вроде, и тянут повозку, но каждый норовит дернуть в свою сторону..

— Ну, надо сказать, повозку они тянут — залюбуешься — довольным махайродом ухмыльнулся Алари Аз Рахим. да, теперь тренировки пойдут так, что залюбуешься. Подтянуть даже самых прославленных будет чем. шутка ли- по земле размазали. оркхай- пусть, не стыдно, сильный противник. Хоран- ну, он странный и он один. пусть. Но Альвари! Тахем! мечник, которого носом по земле возит монах и торговец! Славно, славно!

— Мне скоро вести их в бой- отрицающее дернул головой Ворон- но того, чего я хотел добиться и близко нет.

— Ты слишком требователен, Арей...

— Паутина Душ. Твоя кровь Хоран помнит Паутину Душ и не дает тебе покоя, муж мой. — еле слышно прошелестела Тай, неизменно стоящая у его плеча. Джасу Альвари ожег ее гневным взглядом, но целительница не обратила на его гнев никакого внимания. А Ворон вдруг вспыхнул интересом:

— Расскажи поподробней, милая!

— Нет! Тай, я запрещаю! Это опасно, Хоран, смертельно опасно! — непривычно рывкнул патриарх Альвари.

— Ты не властен запрещать мне- в еле слышном шепоте зеленоглазой отчетливо прошелестела сталь, покидающая ножны- только он, муж мой, Хоран- он волен мне разрешать и запрещать — ее взгляд, обращенный на Ворона было полон любви и восхищения. Он коснулся ее лица кончиками пальцев и она с готовностью прильнула щекой к его ладони.

— Спасибо, милая — улыбнувшись, сказал Ворон- я действительно ценю твою верность. Расскажи мне...

— Нет, Тай! Нет! Ты не смеешь! Ты можешь убить его этим! Ты хочешь убить его?! Сама?! — Альвари аж задыхался, торопясь выплюнуть злые слова, а в глазах Ворона затеплились огни зарождающегося гнева.

— Джасу Тин Альвари! При всем моем уважении, патриарх — вмешиваясь в дела МОЕЙ семьи- ты переходишь границы дозволенного- напряжение тугой струной зазвенело в воздухе и все три патриарха подобрались, словно перед схваткой.

— Не горячись, Хоран- выслушай. Я не враг тебе- но древняя магия жестока. Я расскажу все- сам расскажу- тихие слова патриарха Альвари разрядили обстановку. Он обвел взглядом эльфя, глаза которых горели искренним интересом, и, покачав головой, продолжил:

— Паутина душ- высшая магия разума. Магия Хоран. Тот обрубок, которого привезла твоя синеволосяя жена- он имел зачатки магии разума. Побочная ветвь- потомок бастарда императорского рода. Бывшего императорского рода. В какой-то мере твой родственник, Хоран. — Ворон лишь раздраженно дернул щекой. Альвари чуть заметно улыбнулся:

— Тот обрубок запирался упорно- но Альвари умеют спрашивать. Убийца попытался погрузить вас в сон- но твоя кровь оказалась сильнее и вместо сна ты впал в ярость.

— Было такое.

— Это оттого, что твой дар много ярче и попытку подавить тебя твой дар воспринял, как нападение.

— Почему же мой дар не ударил его в ответ? — раздраженно бросил Ворон.

— А ты умеешь ударить своим даром, Хоран? — улыбнулся патриарх Альвари- вот тебе и ответ. Твой дар еще только-только начинает пробуждаться- а Паутина Душ... высшее проявление дара.

— Подожди, Альвари- но ведь это знание давно утеряно- патриарх Рахим не смог не вмешаться и смотрел на Альвари сердито и подозрительно.

— Альвари помнят все- тихий шепот заставил вздрогнуть всех, кроме Ворона- он кожей чувствовал стоящую за спиной Тай и не забывал о ней ни на секунду.

— Девочка права, патриархи. Альвари помнят все- в этом наша сила, в этом наше проклятие.

— Ты научишь меня силе моего рода! — в голосе Ворона не было ни тени сомнения. Альвари скривился и попытался ударить по самому больному:

— Платой может быть смерть. Себя не жалеешь- пожалей хотя бы ее. Каково для нее это будет — стать вдовой во второй раз?

Ворон взглянул в изумрудные глаза жены и услышал:

— Я буду рядом, муж мой.

— Если мне не удастся совладать с этой силой?

— Она тебя убьет. Но и там... Я буду рядом, муж мой. Я буду рядом.

Он только кивнул, вдохнув ставшего вдруг таким вязким воздуха. Не сказал- но ей и не нужны были слова- она и так все поняла.

— Делай, что должно, патриарх Альвари. Я готов принять свою судьбу. Мы готовы принять нашу судьбу. Джасу оставалось лишь покачать головой и поманить обоих молодых безумцев внутрь походного шатра.

— Это бред, так быть не может, я ничего не понимаю! — бормотал суетящийся Альвари.

— Этого не может быть!

— Что не так, патриарх? — негромкий голос Тай выдавал нешуточное беспокойство.

— Все не так, девочка. Он еще не разумник- но я уже не могу влезть в его голову. Да мне даже думать об этом больно- такая дикая там защита. Это нечто невообразимое. Но магию разума оно впитывает, словно сухой песок!

— Может, это кровь и родовый дар?

— Ты думаешь, что за столько лет я не разу не влезал в головы Хоран?! Кхм- это уже строго между нами...

— Твои тайны не покинут стен шатра, патриарх.

— Умная девочка. Так вот- ничего подобного! Даже близко...

— А оркх?

— Кхм. Оркх. Оркх я как-то... А возможно, возможно. Умная девочка! Вполне! Природная защита от разума у оркх действительно... Интересно! Так что же получается...

— Природный дар разума слился с природной же защитой.

— Нда. И, вместо того, чтобы уничтожить друг друга, они слились в ... ЭТО.

— Но оно же постигает ментальные техники?

— Я же говорил- как вода в песок. Я уже почти все слил, что было.

— Тогда что гадать- очень скоро мы все узнаем от первоисточника.

— Ну да, если он не очнется слюнявым... Все-все, девочка! Больше ни одного плохого слова. Заканчиваю.

— Как ты себя чувствуешь?

— Бодро! Вполне бодро! Пойдем, надо срочно кое-что проверить! — Ворон вскочил с богатого ложа, захватив Тай, рванул наружу под заполошные крики Альвари об отдыхе и осторожности. Они выскочили прямо на патриарха Рахим, что беспокойно мерил шагами степь у шатра Альвари.

— Отлично! Отец, мне нужна свежая полусотня мастеров Рахим- надо кое-что проверить!

— Но твои бойцы только после сражения...

— Урукхай могут биться от заката до рассвета- горделиво бросил стоящий недалеко в окружении оркхай Гор Дан.

— Мы готовы сражаться, вождь!

— Да что того боя было-то? Разминка! Глефары в строю, повелитель! — задорный

голос Карна почти слился с басом оркхай.

— Лучники в строю! Альвари готовы.

— Полусотня готова к тренировке, отец.

— Ладно. Рахим двинулся к вольготно расположившемуся роду, а Ворон влился в полусотню, мгновенно окружившую его плотной непроницаемой железной скорлупой. Ни одного слова наружу- то, что говориться внутри- только для тех, кто внутри. Он говорил, что это смертельно опасно, он говорил, что ему придется влезть прямо в их головы- тщетно. Отказавшихся не было. Они шли за Вождем и верили ему безоглядно.

Глава 23. Паутина Душ

— Бой! — и Карн Аль Рахим словно провалился встеклянный сосуд, открытый со всех сторон свету. Он видел поле боя одновременно со всех сторон и словно сверху. При этом картинка не распадалась на фрагменты а была слитной, цельной. Карн ощущал себя... странно. Словно он- не только он, но и два здоровенных оркхай, что закрывают его щитами, и тот проворный Тахем, что за спиной застыл с изготовленным к бою луком и еще немного молчаливый Альвари в невзрачной, но удобной хламиде. Всплывшая вдруг привычка- знание оркхай заставила его перехватить глефу ближе к лезвию и поменять стойку, чуть выставив правую ногу. И так оказалось действительно и легче и удобнее. Все же с топорами и копьями оркхай управляются получше, чем эльфам. Звон и скрежет. Карн теперь видит не только спины, Карн отчетливо видит и толпу набегающих на щиты Рахим. Если бы сейчас оркхай приоткрыл щель. Щель! Удар! Хлопок тетивы и тупой звяк наконечника! Карн был всем- и чуть опустившим щит оркхай и мгновенно спустившим тетиву Тахем и собой, вонзившим лезвие сариссы в мечника, едва отошел щит. Это было страшно и великолепно. Страшно великолепно. Ощущать себя единым, многоногим и многоруким существом. Яснее всего он чувствовал связь с Хоран- и повиновался без промедления.

Рисунок боя изменился. Теперь уже не полусотня на полусотню- а полусотня против странного чудовища в пластинчатой чешуе, с острыми шипами по всему телу и плюющегося острыми злыми иглами. Мало того — если в первом бою смешанная полусотня Хоран лишь защищалась- теперь эта странная тварь наступала! И как наступала! Треугольник ростовых щитов с диким скрежетом врубился в строй мечников, словно колун в старый закаменевший чурбак. Строй треснул, асоприкоснувшиеся со щитами попадали, сваленные ударами тяжелых сарисс и испятнанные тычками злых стрел. Дальше было лишь добивание.

— Еще! Давай еще! Вы как?!

— Р-ра! — проорала полусотня хоран в едином боевом безумии.

— Давай еще! Сотню! — подгонять не пришлось и на странное чудовище понеслась уже полная сотня Рахим. Они ушли ошибки предшественников и смогли даже развалить стену щитов- все же, это были истинно лучшие воины империи. Они развалили броню этого стального монстра- но и только. Вскрыли чешую и вырвали несколько ядовитых зубов? Зверь не сдался и стал лишь злее. Выбитый десяток Оркхай и Рахим выпал из боя и Карн теперь уже со стороны с удивлением наблюдал странное и страшное действие. Мастера мечники дрались каждый за себя. То же, что творили остатки полусотни- это было за гранью. Тахем, пускающий стрелу в лицо мечнику. Рука мечника только начинает движение, дабы заслонить глаза, а в оставленный без защиты бок влетает тяжелое лезвие сариссы. Альвари, никогда не отличавшиеся любовью к железу, рубящиеся с мастерами мечниками на равных. Рахим, подхватившие топоры и щиты оркхай, управляющиеся с ними так, словно это хиссы, привычные от рождения. Оркхай, лишившийся щита и ловко орудовавший перекинутым ему хиссом.

Вот! Так вот что так поразило Карна! Стоило кому-то попасть в сложную ситуацию- сбили с ног, вырвали оружие, подошли со спины- реакция была мгновенна. Рубящийся с парой мечников оркхай вдруг метал щит в сторону- и этот щит отбивал направленные в упавшего удары хиссов, дав мгновение чтобы подняться. Сидящий на возвышении Тахем мгновенно разворачивался и выпускал стрелу чуть себе не за спину — и эта стрела поражала

уже готового рубануть в спину мечника. Карн ожидал увидеть сидящего в стороне управляющего боем Хоран- но нет, тот был в самой гуще со своей верной лекарой, прикрывающей спину. словно над полем боя висело нечто, протянувшее тонкую нить к каждому из их полусотни...

— Как паутина — тихонько обронил Карн.

— И ты зришь? — удивленно посмотрел на него патриарх Альвари:

— Не думал, что твой дар...

— Я не вижу. Чувствую.

— И это удивительно. У твоего рода нет сродства с силой разума. Но ты чувствуешь.

Как ты принял Паутину Душ? Тебе больно, тревожно? Ты чувствуешь истощение, тебя тошнит?

— Да нет- удивленно хмыкнул Карн.

— Нормально вроде все.

— Очень плохо- расстроено прошептал Алвари.

— Очень плохо. Значит откат накроет его одного. Он взял на себя вашу...

— Вы как?!

— Хорррр-рран!

— Еще сотню!

— Нет! Запрещаю! Я запрещаю! Остановите безумца- он загонит себя! Хоран! Откат и так обойдется тебе безумно тяжело- остановись немедленно! Прекратите бой!

— да ладно- ладно! Успокойся! Отбой, парни! Отдыхаем! — Хоран с хохотком вбросил в ножны хиссы и не обращая внимания на выступивший пот и пыль жарко расцеловал прильнувшую к нему тай:

— Спасибо, милая. Без тебя мы бы не вытянули! За все спасибо. Ну что, махайродово семя! Мыться, а к ужину по паре кружек вайна заслужили! А может и по три! Все заслужили-Ворон кивнул в сторону побитых мастеров-мечников Рахим и те поддержали восторженным одобрительным гулом.

— Не кисни, родич- Хоран от души хлопнул по плечу Первый Меч Рахим. Тар Эль Рахим был сильно расстроен неудачами мастеров- он и сам был в первой полусотне, от души отдавая орхского железа.

— Не кисни- повторил Хоран.

— сегодня это был не честный бой- сегодня против честной стали билась магия- но это НАША с тобой магия, родич. Наше оружие. И еще кое-что. От ТЕБЯ я не буду ничего прятать и от тебя у меня нет секретов.

— Ты хочешь сказать- я смогу так же?!

— Ты сам это сказал, родич! Если будет желание...

— Желание будет, родич! Желание обязательно будет! — печаль смыло, словно песчинку ревушим водопадом. Тар не особо уважал магию- но такая магия, что из неуклюжих оркхай и бесполезных в бою Тахем и Альвари делает машины смерти- такая магия полезна. А самое вкусное- что же эта магия сотворит с рожденными войной и вскормленными войной Рахим?! Хоран не лжет- а значит, надо только не хлопать ушами и научиться использовать. Уж ради такого-то любой труд- не труд. Род станет сильнее!

Он шагнул к своим. Всего пара фраз и разочарование и обида побитых мастеров сменилась диким восторженным ревом и вал торжествующих Рахим захлестнул и Хоран и смешанную полусотню. Род станет сильнее!

Альвари не верил глазам- тот, что должен кататься по полу, унимая кровь из глаз и ушей- он шел своими ногами в умывальню. С шутками и хохотом. Собираясь на пир. Он держал Паутину Душ почти полчаса — когда и пара минут подобна смерти. А теперь, весело хохоча... да уж, Великая Мать загадала очередную загадку. впрочем- сегодня действительно есть, что отметить. Об остальном- подумаем завтра.

Глава 24. Взыскание долгов

— Признание Арея Ард Хоран членом Рода Рахим и брачный договор с Идой Тин, признание Хоран членом Рода Альвари, и брачный договор с Тай Аль, ну и признание Тахем и мой брачный договор, господин. Ты все еще уверен, что за одиноким Хоран никого нет, господин?

Кано Аль Хайм был в сильнейшем затруднении. Когда явилась эта наглая рыжая мерзавка не принять ее не было никакой возможности- ссориться с родом Тахем даже для Хайм было бы... ну, не фатально, конечно- но достаточно неприятно. И потому Кано принял ее- принял со всем уважением к статусу посредника. А потом эта рыжая бестия, Аюми До Тахем, начала говорить.

— Уважаемый Кано, я буду говорить прямо. Твой патриарх сделал уступку. Уступку трем великим родам, отдав их представителю то, что принадлежало Хоран. Ты же беспечно пропускал сроки возврата имущества, увидев лишь то, что лежит на поверхности. Ты искренне думал, что за золотом к вам придет одинокий Хоран, от которого уж Хайм- то тебя защитят. Сейчас я оказываю услугу не Хоран- я оказываю услугу тебе, господин.

— И чем же? — скривился Кано, поглощенный неприятными мыслями.

— Этим- тонкая рука шевельнула толстые тяжелые листы пергамента на столе.

— Теперь у тебя есть знание и ты можешь поступить правильно и осознанно, господин.

Да знать бы еще, как это — правильно! Демонов патриарх! И зачем он подписал это демоново решение Большого Совета! Нет, выгоды для Хайм бесспорны- но и потери велики. А самое главное-сейчас между тремя родами и Хайм оказался он — Кано Аль Хайм. Небольшого полета птица. Начнут ли Хайм из-за него войну с тремя кланами? Да и как они начнут войну, если есть подписанное ими решение Совета?! Демоны! А эта все льет в уши патоку и мед:

— Сейчас все вполне можно решить без жертв и без крови. Просто исполнить решение Совета, утвержденное вашим патриархом. Но если истекут сроки- законы Империи известны тебе гораздо лучше, чем мне, молодой и недостойной. Кано невольно усмехнулся- знание законов, а особенно умение их выкрутить в свою пользу все Тахем впитывают с материнским молоком. Рыжая стерва права- он действительно неплохой законник, но и эта бестия... не хуже. И что делать?

— Вопрос, госпожа.

— Конечно. Внимаю и постараюсь ответить правдиво и подробно.

Кано собрался и попытался сформулировать максимально сжато и полно. Получалось коряво:

— Почему я, госпожа? Есть же те, чей долг сильно больше и... Стоит уронить на землю кого-то из истинно могучих...

— Целесообразность. Чтобы наказать тебя- много сил не нужно. Если поступить максимально жестоко с тобой- задумаются остальные. А ты, прости господин, столь незначительная персона, что ни о какой войне кланов и речи нет.

— Показательная казнь?

— Ты верно понял, господин. Но потомок императора благороден. Мой муж честен с тобой- оттого я здесь, оттого на столе твоём лежат эти грамоты.

— И я сам должен принять решение пролить кровь своей семьи- горько усмехнулся

Кано.

— Взгляни сюда, господин — рыжая протянула Кано довольно длинный список.

— Ты во главе- самая легкая жертва. Если ты поведешь себя честно и добровольно выполнишь условия решения Совета — Хоран обратится с взысканием к следующим...

— Ясно- Кано пробежал глазами список- в нем были многие. И не только Хайм- но с остальными договорятся патриархи родов. Просто прикажут. А может и Хоран откажется в пользу их рода. А Хайм — Хайм ему не родичи. Что делать?!

— Допустим! Только допустим, Тахем!

— Хоран, господин. Не Тахем- Хоран. Аюми До Хоран, господин.

— Хорошо! Ладно!

— Итак, господин. Допустим- просто допустим- что ты добровольно решишь выплатить Хоран то, что решением и твоего патриарха тоже ты выплатить обязан.

— Понимаю. Дальше.

— Дальше просто- вот общая сумма твоей задолженности с учетом дохода, который ты должен был обеспечить...

— Дохода? Дохода?! Откуда взялись доходы?! Какие еще...

— Господин! Ты владел недвижимостью на сотни тысяч золотых- любой мало-мальски грамотный эльфар сумел бы на этом заработать. А если ты устраивал там дом свиданий со своими многочисленными любовницами- кто тебе виноват? Имущество тебе не подарили- передали в управление...

— Управление- горько усмехнулся Кано.

— Да я весь этот сарай по камешку разбираю и переделываю- душу в него вложил- а теперь отдай?!

— А кто просит отдать? Мы говорим с тобой не о домах- о золоте.

— Интер-р-ресно! — Кано вдруг развернулся и уставился на мелкую Хоран, словно впервые увидел.

— Вы могли бы приставить хисс к горлу и вырвать у меня прекрасно расположенный новый замок в столице — но ты говоришь о золоте, Хоран?

— Хоран справедливы- мы ведаем, что наше, а что не наше. Я не хочу забрать твое- но и свое я хочу вернуть полностью. Построенный тобой замок отойдет тебе по праву.

— Справедливо- в голове Кано уже всю методично стучали счетные кости.

— Скажи мне, Аюми Хоран- какую сумму ты сочла бы справедливой. Но учти- я потребую обосновать каждый медяк, Аюми Хоран. Я не хочу забрать твое- но и свое не отдам. И еще- мне понадобится рассрочка, Аюми Хоран. Я не держу в сундуках много золота.

— Если ты решил главное- об остальном мы договоримся, Кано Аль Хайм. Хоран не желают ни смерти твоей, ни унижения даже в малом. Закон тебе известен. Если ты признаешь долг и готов его выплатить- ты неприкосновенен.

— Я, Кано Аль Хайм, находясь в ясном уме и без принуждения перед лицом Предвечной признаю долг роду Хайм и прошу лишь рассрочить выплаты. Но я признаю лишь основной долг Аюми- вдруг вскинулся Кано.

— По этим твоим доходам...

— Договоримся, Аль Хайм, договоримся. Мне нужно от тебя сейчас обязательство на выплату основного долга.

— Я могу уже сейчас... Внести... Половину! — слова давались с трудом — тяжело своей

волей отдавать такую прорву золота. Но жизнь- она дороже, а мертвым и рабам золото не особо нужно.

— Отлично, господин. Просто превосходно!

— Только... У меня все в камнях. Возьмешь оплату камнями?

— Сколько карат? По какой стоимости? Огранка наша?

— Ваша, ваша. Договоримся, До Тахем, договоримся — вернул улыбку Кано. Принятое решение облегчает душу. И кошелек- но Кано не жалел. Его семья не станет полем битвы между Хайм и тремя великими родами- а за это заплатить стоит. Хоран позволяет сохранить замок- а в него столько уже вложено, что любые выплаты покажутся не такими и разорительными. Спустя три часа взмыленная Аюми впорхнула в карету.

— Куда теперь, госпожа? — выполнять роль кучера для одного из звезды телохранителей Рахим было, конечно, не очень почетно. Но допустить до охраняемой чужого?

— Правь по обводной до площади, потом слева зеленый замок...

— Я знаю этот дом, госпожа. Опять Хайм.

— Да. Но в этот раз будет проще. Сильно проще- Аюми торжествующе вглядывалась в Обязательство Кано Аль Хайм. Иногда, для того, чтобы стронуть лавину, достаточно одного маленького камушка.

— Я пришла к тебе, Кайсо Тин Хайм, потому, что потомок императора благороден. Взгляни на этот список.

— Но передо мной есть еще имена.

— Все верно, господин. Но они уже расплатились.

— Слова. Просто слова.

— Слова, записанные на пергамент и заверенные истинной печатью. Слова, что крепче стали, тяжелее камня и дороже золота, господин. Взгляни — может ты узнаешь руку и печать родича.

— Кано... Но почему?

— Он решил, что жизнь его и его семьи стоит дороже золота.

— Несчастный. Столько вложить в этот дворец и все потерять в один день...

— Зачем? Мы договорились о выплате золотом. Его замок это его замок — Хоран не хотят отобрать чужое- Хоран хотят лишь вернуть свое.

— Подожди-подожди... ты намекаешь, что моя вайнодельня в предгорьях... ну, вайнодельня на землях Хоран...

— Конечно. Золото. И мы договоримся. Хоран не намерены заниматься вайноделием. Здесь.

— Это меняет дело. Это сильно меняет дело! Аюми Хоран- ты прекрасна!

— Я замужем, господин! — возмущение Аюми было наигранным- такие слова приятны каждой женщине.

— Что?! А, вон ты о чем... Ты, бесспорно, прекрасна, как женщина, но еще более прекрасна, как посредник.

— Ты умеешь угодить женщине, Хайм- зарделась от удовольствия Аюми. Такая похвала была медом для любой Тахем.

— Я думаю- мы договоримся, госпожа Аюми.

— Обязательно договоримся, господин. Обязательно договоримся.

Глава 25. Потерянное золото

Хаан Аз Хайм

Патриарх Хайм смотрел на полтора десятка своих родовичей- и то, что он видел, ему абсолютно не нравилось. Вызванные «на ковер» вполне спокойно и мирно здоровались, общались и вольготно рассаживались вдоль массивного стола, образуя группки по интересам. В их поведении не было главного- осознания собственной вины. Словно они пришли на пир или в гости. Нет, никакого непочтения родичи не проявляли- но и привычного шока и трепета не наблюдалось. Впрочем- тут была вина и самого Хаана. Давно известно- гнобить надо с глазу на глаз- а когда виновных много- у них появляется поддержка соучастников. Да уж, собрать всех виновных в одном месте- это была явная ошибка. Хаан раздраженно дернул щекой. Стоило ему встать- воцарилась мгновенная тишина.

— Родовичи! Все вы знаете, что на Большом Совете мы добились великой чести- Род Хайм стал во главе Империи и кровный потомок Императора, наш родович Эрдор Ти Хайм...

— Бастард, отвергнутый собственной кровью — еле слышный шепот прошелестел над столом, словно дуновение ветра, вызвав несколько еле слышных смешков. Хаан едва не сбился с голоса, но, взяв себя в руки, продолжил, словно не услышав.

— Эрдор Ти Хайм, кровный потомок императора, готовится принять корону империи. Род Хайм станет императорским родом! Славься, Хайм!

— Славься в веках — родовичи ответили, как положено, но без особого энтузиазма, а кто-то с откровенной насмешкой.

— Чтобы достичь желаемого, я вынужден был на словах выполнить требования трех родов и согласиться на выдачу имущества Хоран полукровке. Лишь на словах! Каждому из вас было разъяснено это! Вам нужно было лишь подождать! Но что я вижу?! Хайм бегут к полукровке, чуть в очередь толпятся — суют ему золото! Что происходит с великими Хайм?! Или слово патриарха- уже не слово для вас?!

— Я тебе отвечу, Хаан Аз Хайм! — высокий и кряжистый Кано Аль Хайм медленно поднялся с места.

— Ты говоришь- нам было разъяснено. Верно. Лишь на словах! После того, как твой порученец покинул меня- ни часа не медля я направился в твою канцелярию- но ты не нашел для меня времени. Две декады я ждал, пока патриарх ободрит меня и успокоит. Две декады я ждал, что ты, Хаан Аз Хайм, клятвой подтвердишь, что жизнь моей семьи не станет разменной монетой между тобой и тремя великими родами!

— Тебе же разъяснили...

— На словах?!!! Когда на кону жизнь моей семьи- пустых слов недостаточно!!! Я хотел получить от тебя гарантии жизни моей семьи, патриарх. Серьезные гарантии- не на пустых словах! Хоран очень ясно объяснила мне, чего стоят слова.

— Слова твоего патриарха?! — теперь и Хаан был в ярости. Внешне он сохранил самообладание- но внутри бушевало пламя. Но Кано Аль Хайм не дрогнул.

— Слова моего патриарха, которые были записаны в решении Большого Совета и заверены истинной печатью четырех родов против слов моего патриарха, переданных через порученца?! Каким словам должен я верить?! Я хотел спросить твоего совета- так ты не нашел для меня времени!

— Я забочусь о делах Рода!

— А я о жизни моей семьи, патриарх Хайм! Ты поставил мою семью между Хайм и тремя родами- ты не смеешь обвинять меня!

— Да с чего ты вообще решил, что твоя никчемная жизнь и твоя никчемная семья представляет для кого-то интерес- окончательно взбеленился патриарх.

— Никчемная жизнь? Это я запомню. Решать мне ничего не нужно было- меня поставили перед фактом. Положили передо мной документы и прямым текстом изложили, что будет со мной и моей семьей, стоит мне просрочить платежи. Ярко рассказали, обстоятельно. Не на словах- с документами. Список показали- при упоминании списка многие оживились и загомонили.

— И я решил, патриарх, что моя ничтожная жизни стоит нескольких десятков тысяч золотых. Тем более, что это лишь мое золото. Не клана.

— Ты нанес ущерб репутации клана!

— Я ли? Не хочешь ли ты переложить свою вину на меня, Хаан Аз? Кто я такой, чтобы подписывать документы, отдающие родовичей на растерзание другим великим родам?

— Да о чем ты вообще говоришь! Уже прошло более трех декад- а твой Хоран...

Дверь распахнулась от могучего удара и за ней возник встрепанный Оро Тин Хайм- негласное око патриарха.

— Что?! Оро- что случилось?! Говори!

— Беда, патриарх! Хоран захватили алмазные копи Маани. Брат мечется по столице- ищет куда спрятать семью- Хоран объявили его долговым рабом!

— Почему их не остановили?!

— Как?! И кто?! Кто остановит пять тысяч Рахим, разорвавших тысячу драконидов охраны, как махайрод раздирает молодую лакху?! Они просто вышли к копиям, объявили Маани долговым рабом и потребовали свое имущество. Управляющий отправил наемников в бой. В общем, вырезали всех, кроме работников. Маани ищет еще и гильдия наемников, чтобы спросить за кровь... Спаси, патриарх! — нехорошая тишина повисла после этого стога о помощи.

— Я говорил вот об этом, патриарх! Вот об этом! — безмолвие разорвал трубный голос Кано Аль Хайм, смотревшего на остальных со злорадством и вызовом.

— Вы ославили меня бесхребетным трусом! Пусть! Благодаря моей трусости не на мою семью сейчас идет охота! И не на твою, Кайсо! Помнишь, как ты попрекал меня, что я уступил первым?! Ну, скажи теперь- что? Что ты — храбрец- смог бы выставить против пяти тысяч Рахим?! Потому, как у меня- ничтожного- отбиться от такой орды — нечем! Будь обласкана Первой матерью, мудрейшая и достойнейшая Аюми! Дай Мать благости роду, тебя породившему и роду тебя принявшему! Каждый из сидящих за этим столом- запомните день этот, как второй день обретения Жизни! Ибо трусость Кано Аль Хайм спасла всех вас от смерти или чего-то похуже, чем просто смерть!

— Довольно! Хватит уже! Довольно воспевать свою трусость, словно великую доблесть! — проорал в ярости патриарх Хайм.

— С великой охотой сменил бы сейчас Маани Тин Хайм доблесть свою на его трусость! — отповедь от Кайсо Тин Хайм была неожиданна и сурова. Впрочем- потеря алмазных копей для семьи Тин была действительно болезненна.

— Мы не смеем мешать тебе в тяжкий час патриарх- помочь же мы- ничтожные- тебе не сможем. Нечем. Мы просим позволения покинуть тебя- у тебя образовалось много

неотложных дел. — издевкой и ядом сочился голос трусливого Кано Аль Хайм. Взгляды остальных трусов, сполна расплатившихся с полукровкой, или подтвердивших долг и смиренно просивших о рассрочке- горели искренней радостью и торжеством. Они испугались и заплатили золотом- и выиграли жизнь. А храбрецы, понадеявшиеся на защиту патриарха, сейчас ищут нору поглубже, где спрятаться от пяти тысяч неистовых Рахим и озверевшей от огромных потерь гильдии наемников. Гильдия- не тюремное отребье и за законность применения силы отвечает наниматель. Только сейчас закон волей-неволей на стороне Хоран. А Хайм, по пустой прихоти, подставили тысячу разумных под мечи. Выходившие старались быть неслышными и незаметными, словно тени- замок Хайм превратился в огромный муравейник, в котором на всю глубину пошуровали длинной палкой. Уже у ворот Кайсо Тин Хайм вдруг остановился.

— На мне долг, Кано Аль Хайм. Своим примером ты подтолкнул меня к верному решению- многие беды могли бы обрушиться на мою семью. На мне долг, Кано.

— И я признаю долг Кано.

— И на мне долг. Благодарю.

Каждый из нескольких десятков проходя благодарил и принимал на себя долг. Нежданно авторитет незаметного чиновника взлетел на недосягаемую высоту. Но того вся эта суэта заботила мало- он отвел от своей семьи великую беду- и оттого лишь счастливо улыбался.

Глава 26. Кровь на камнях

— Но почему в бой должен идти именно ты, Хоран?! Тысячи воинов...

— Ты уже видел, что могут против моей сотни эти тысячи...

Рахим потерянно замолчал- он действительно видел- и это было страшно. Смешанный отряд Хоран разрастался- и это несмотря на то, что лишь один-два из сотни воинов могли идеально вливаться в Паутину. Остальные не оставались глухи — нет! Но двигались, словно куклы на веревочках. Избранные же вплетались в Паутину всем телом и действовали, обгоняя саму мысль. К великому удивлению в паутину идеально вплелись все полсотни оркхай. ГорДан, впрочем, воспринял это как само собой разумеющееся- да и самой Паутине удивился не слишком- большее изумление у него вызвала длительность единения и глубина контакта.

— Ты сильный шаман, вождь! Очень сильный шаман! Урукхай пойдут за тобой охотно! — повторял старый сотник. И действительно- если вначале часть оркхай еще пыталась взбрыкнуть- не всерьез, но показать свое превосходство зрелого воина перед выскочкой-то потом это прекратилось начисто. А может и из-за того, что эльфар были для Ворона легковаты и за первых три декады он успел основательно намять бока каждому зубоскалу, да не по одному разу. Обид тут никаких не было-тренировка есть тренировка-прилетало и самому Ворону.

А еще Ворон активно искал Их — тех, в чьих жилах за долгие тысячелетия осела хоть капля крови Хоран. Именно они чувствовали Паутину и жили ей. Среди Рахим, среди Тахем, среди Альвари. Частенько выбор мог вызвать лишь хохот- настолько выбранные Вороном бойцы были «не бойцы». Но смеяться никто не спешил — слишком хорошо помнили «калечную полусотню» Маги, целители и тренировки, тренировки и еще раз тренировки в Паутине — и уже в первую декаду доходяги не так уж и выделяются, а на вторую- сложно отличить, если руки трех десятков лучников поднимаются, как одна и всаживают в точку три десятка стрел просто перерубая здоровенное бревно.

Часто ведущим становился ГорДан, Карн или кто-то из Тахем, проявивший лидерские качества. Несколько раз сотню вела Тай- И Ворон всерьез гордился ее мудрым и уверенным ведением боя. Через управление протащили чуть не каждого второго- да это было и понятно. Сотворенная Паутина могла поддерживаться многими из Альвари- Тай, например, легко цепляла активную паутину на себя. И, по желанию, могла просто поддерживать ее, чтобы не тратить силы Ворона, а могла и подхватить управление боем. Иногда Ворон и Тай вели бой одновременно, мгновенно разделяя сектора и подхватывая бойцов в особо опасной ситуации. Сотня совершенствовалась.

И вот пришло время обнажить выкованный и закаленный клинок в настоящем бою.

Дипломаты Тахем многих Хайм склонили решить вопрос долга любовно. Но не всех- конечно, не всех. Осталось три основных должника, два из которых спешно набирали отряды и укрепляли родовые гнезда, а третий- третий был братом порученца истинного правителя империи. Маани Тин Хайм был уверен в своей неприкосновенности. Впрочем, подавшись всеобщей истерии, он не пожалев денег, нанял тысячу драконинов для охраны главной своей ценности- алмазных копей. Камней было откровенно мало- но рабы стоили дешево, а даже самый маленький и дрянной алмаз- это алмаз. Даже один плохонький камушек позволял содержать всю необходимую службу минимум год. А добывали в год совсем не один

камушек. Защищать стоило. Но сейчас против черного озера драконидов стояло море Рахим-а на острие- непонятный Хоран с полусотней оркхай.

— Ты помнишь, господин?

— Я помню, ГорДан.

Доспех Ворона работы старых мастеров более всего походил на кирасу- оставлял свободными руки и шею прикрывал лишь невысоким воротником. Хиссов на поясе не было — за спиной висела орхская секира. ГорДан утверждал, что это настоящее родовое оружие оркх- и его надо напоить кровью врагов. А потому...

— Меня зовут Арей Ард Хоран! Согласно решению Большого Совета Маани Тин Хайм обязан был вернуть мне имущество моего рода, что было передано ему на сохранение. За установленные Уложением три декады Маани Тин Хайм не выплатил долга, не признал долга, не попросил рассрочки. На основании Уложения я, Арей Ард Хоран, объявляю Маани Тин Хайм и его семью долговыми рабами, а его имущество- своим имуществом. Если вы не оставите мое имущество добровольно- я поступлю с вами так, как поступают с разбойниками. Пошли прочь с моей земли, кархи помойные!

— Меня зовут Аати Тин Хайм, полукровка! Ты и потерявшие стыд Рахим, идущие за смеском могут проваливать на все четыре стороны!

— Да падет твоя дурная кровь — от пылающего лица патриарха Рахим можно было разжигать костер, но Ворон остановил его одним жестом.

— Если ты так же смел, как и болтлив, Хайм- вызываю на поединок!

— Меч против топора?! Хоран будет биться, как истинный смерд?! Прекрасно! Я иду, полукровка, я иду! — рослый эльфар отделился от толпы защитников алмазных копей Маани и вышел на середину расстояния между стоящими друг напротив друга войсками. Черная стена драконидов с редкими вкраплениями эльфар и серо-стальная стена Рахим, раскрашенная рыжими пятнами Тахем и бурым островком оркхай.

— Опять ты рискуешь, Хоран! — обличающее покачал головой Альвари.

— Ему это нужно, старейший- ГорДан обращался к патриарху так, как это было принято в племенах. Альвари знал это, а потому не придавал значения этой мелочи.

— А ты что молчишь? Твой муж опять сует голову в пасть махайрода!

— Он воин, патриарх- улыбнулась Тай.

— К тому же- этот эльфар ему не соперник- слишком медленный, слишком слабый.

Ворон шел навстречу сопернику уверенно, делая медленный оборот секирой и разминая плечи. Два широких лезвия, обнимавшие древко, словно диковинный цветок, распускались бритвенно- острыми лепестками, позволявшими не только рубить, но и колоть.

— Я тебя выпотрошу, сын грязной оркхи!

— Пороча ушедших в землю- кого унижаешь ты, воин? Дай работу хиссам, а не языку!

— Разрублю тебя на куски и скормлю кархам!

— До смерти — так до смерти. Видит первая мать- ты решил. — последние слова Ворона заглушил лязг. Понадеявшись на парное оружие, эльфар метнулся в атаку- но правый хисс чуть не вырвало мощным отбивом секиры, а левый беззубо скрежетнул по наручу. И тут же окованная железом пятка секиры тараном ударила в грудь доспеха, едва не опрокинув.

— Ах ты ж, орхская тварь! — эльфар всю брызгал слюной, поливая не ставшего его добивать противника грязной бранью, но Ворон был безмолвен и сосредоточен. Эльфар стал осторожнее и прощупывал оборону полукровки злыми короткими ударами. Ворон принимал удары на широкие наручи и словно забыл, что у него есть еще и секира. Позабыл и эльфар.

Зря. Секира выметнулась, словно раздвоенный змеиный язык, смяв край воротника и развалив острым лепестком горло. С той же стремительностью секира порхнула назад и Ворон застыл, вновь готовый к атаке. Но противник, выронив хиссы обеими руками вцепился в шею, словно надеясь зажать страшную резаную рану. Десять ударов сердца- и изящный эльфяр тяжело рухнул сломанной куклой на траву.

— Хорошо, вождь! — ГорДан, торжествуя, хлопнул в ладоши.

— Отдайте мне мое- и уходите с миром! Хоран не хотят пустой крови- я хочу забрать лишь мое по праву!

— Хоран! Я не из рода Хайм- но я готов скрестить с тобой хисс в споре перед лицом богов!

— Так выходи.

— До смерти, Хоран!

— Будет так!

Патриарх Рахим застонал, как от сильной зубной боли. Тай взглянула на него обеспокоенно.

— Что-то случилось, уважаемый Алари?

— Изгой! Позор моего рода! Мастер-мечник!

— Нет смысла волноваться- уронил каменно-спокойный Первый Меч Рахим.

— как ты можешь быть таким равнодушным, Тар?

— Этой железкой Хоран гонял меня и еще пару мастеров две тысячи ударов сердца выдохнуть не давая. Если даже допустить, что изгой сейчас превзойдет меня- скептически хмыкнул Тар- то я все равно на него не поставлю даже меди...

— Ах ты ж тварь! — бешеная сила ГорДана, помноженная на дикую, ослепляющую ярость позволила ему метнуть топор на сотню шагов с такой мощью, что тяжелое лезвие разрубило шлем и природную твердую кость дракониды, развалив пополам голову.

Ворон отбивался левой- в правой торчал короткий арбалетный болт, царапая кость. Второй арбалетчик сцепился с кем-то из своих- тот ударил ему под руки и болт ушел выше Ворона. Мгновение- и Ворона поглотила его сотня. Кривясь от раны, он призвал Дар — сейчас это было важнее боли. Еще один миг — и сотни шагов слились в один шаг. Сжимающий множеством рук топоры, глефы и луки, жаждущий крови оркхай ГорДан исторг из сотни своих глоток оглушающий дикий рев берсерка и яростно рванулся в битву. Не терпевшие предательства Рахим, мстящие за родича, отстали ненадолго. Когда в ряды драконидов, славящихся своим умением держать строй, влетела окованная железом и оцетинившаяся стальными языками стена- передние умерли мгновенно. А те, что были за ними- дрогнули. Ярость оркхай, мстящих за своего вождя, была всепокрушающей. Дикая природная сила, поддерживаемая Альвари и разоженная яростью — что могло устоять на ее пути?! Несколько долгих мгновений наемники смогли удержать оркхай- но с флангов врубилась Рахим- и воины Хайм побежали. Оставшийся позади Ворон лишь скрипел зубами когда Тай вытаскивала стальной болт.

— А Паутина?

— Ну, ты же не зря нас гонял, вождь- улыбнулась жена.

— Ведет ГорДан — его ярости я не смогла сопротивляться. А привязку перекинула на Альвари- сами разберутся. Они у тебя вполне неплохо уже справляются.

— У меня?! — поднял бровь Ворон.

— У нас, муж мой, у нас! Они у нас с тобой неплохо справляются, патриарх.

Один из Рахим, оставшихся охранять раненного Ворона заметил шевеление в груди тел и обнажил хисс.

— Стой! — рявкнул вдруг Ворон.

— Стой, я его знаю! Это он подбил руки второму стрелку- я видел! Тай, можешь подлатать этого драконида?

Тело ящера было изорвано так, что было непонятно вообще, в чем держится жизнь. Тай показалось, что проще будет собрать заново, чем подлатать — но Ворон попросил- и этого было достаточно для нее. На их суету набежали остальные, среди которых тоже нашлась пара целителей- дело пошло попроще. Бой еще не закончился, а обоз полегоньку уже двинулся в сторону копей. Понемногу затихали крики добываемых- картина была мерзкая. Сотни взрезанных тел обильно орошали камни кровью.

— Ты говорил- малой кровью, Хоран.

— Эльфар тут не более сотни, Альвари. Приглядиись хорошенько. Малая кровь. И ты видел сам- я хотел решить дело миром. А наемники...

— До наемников мне нет дела. Тот, кто продает жизнь за металл, должен быть готов расплатиться. Просто это все... тяжело. Мы слишком долго жили в мире.

— Жили? Не обманывай себя, Альвари. Не жили- вымирали. Жить мы только-только начинаем. Сейчас.

— Я не знаю, что это будет за мир...

— Скажи мне, Данар Эль Тахем- выполнил ли ты мою просьбу?

— Хоран, никогда не сомневайся в Тахем, пока честно им платишь деньги. Я не знаю, для чего тебе нужны эти недо...

— Стоп! Вспомни первое правило торговца, Тахем- золото не любит болтовни! Патриарх Тахем саркастически улыбнулся.

— То, что ты заказывал, великий Хоран, ждут тебя в условленном месте. Как будто можно было скрыть эту грязную невытую ораву...

— Где там ГорДан?

— Тут, вождь! Прости меня- это моя...

— Хватит! Это был лишь твой совет- но решение было мое! А отвечать за свои решения я привык всегда сам, ГорДан!

— Да, вождь.

— Ты передал мою просьбу урукхай?

— Да вождь.

— Каков ответ?

— Урукхай взяли положенное и совершат обещанное.

— Славно! — Ворон выдохнул так, словно после долгого пути сбросил с плеч непомерно тяжкий груз.

— Славно! Теперь я верю, что у нас все получится!

— Эй, что здесь делает это существо- глаза оркхай загорелись гневом, когда он увидел, как мимо пронесли порванного драконида.

— ГорДан! Не смей даже косо посмотреть в его сторону! Это он выбил арбалет у второго стрелка, который хотел продырявить мне голову!

— А ведь я его знаю, Хоран — я его точно знаю... — в голосе Первого меча Рахим звучало и сомнение и легкая нотка удивления.

— Да и ты его знаешь, ГорДан.

— Не может такого быть! Тот был сотник- а этот... да и все они- ящерицы- на одну морду.

— Уж мне поверь- это действительно та самая ящерица.

— Тогда он вернул долг.

— Эй- я не знаю, о чем вы, но мне нужен этот драконид! И я объявляю вам всем- это моя добыча!

— Как скажешь, вождь- хотя я не... Вот только не говори, что ты хочешь и его ввести в паутину! Зачем?!

— А ты видел кого-то, кто владеет копьем лучше драконида?!

— Копи захвачены, господин! Пленных нет- ну, кроме мастеров и рабов.

— Никаких рабов больше! Только наемные работники! Впрочем, я сам разберусь подробно...

— Услышать бы, как сейчас скрипят зубами Хайм...

— Услышим еще. Вот прямо уверен- непременно услышим!

Глава 27. Гномы

— Не оркх, не эльфар- кто ты и почему я должен верить тебе?

— Я Арей Ард Хоран, вольный князь Дикой равнины, наследства моей матери.

— Тебя признала Империя?

— Большой совет эльфар подтвердил мои родовые права гном. Можешь изучить, если читаешь на эльфар. — гном хмыкнул, развернул к себе пергамент и абсолютно спокойно углубился в чтение. Лицо ГорДана заострилось, но Ворон предупреждающе поднял руку и тот не проронил ни слова. Все в роскошном шатре терпеливо ждали, пока скромно одетый худой гном в полной мере изучит пространный документ.

— Но поддержат ли тебя племена, князь? Примут ли они это — он кивнул на документ- или решат войной вернуть свое?

— Сейчас племенам огненного скорпа и ледяного махайрода передана весть — и золото. Один цикл они не нападут и будут сами защищать земли Дикой равнины. Оркх приняли, что положено и сделают, что должно. — гном согласно склонил голову, а Ворон продолжил.

— У меня есть цикл, чтобы добраться до Матери матерей оркхай и забрать себе положенное мне. Княжество? Я думаю, Мать матерей будет только рада, если от Империи отколется кусок- пусть даже такой небольшой.

— А иные?

— А на них мне плевать- большое войско через Гаранский хребет не перевести- с небольшим и сейчас сам справлюсь. Мне доступна помощь десяти тысяч воинов эльфар- мне ли бояться иных. Моя земля — мой закон! Что мне до того, что думают гномы, драконицы и прочие иные.

— Может быть, может быть. — гном привычно огладил рукой косы бороды.

— Но для чего тебе нужен я — изгой?

— Ну, далеко не только ты.

— Да, я общался. Почти три сотни таких же изгоев или несчастных, похищенных из родного дома.

— Плакать не буду, гном. И заниматься благотворительностью не буду. У всего есть цена.

— У всего есть цена, князь. Что предложишь несчастным гномам? Жизнь без боли, чистую тряпицу прикрыть срам и миску сытной похлебки? Ценность так себе, князь. Жизнь дорожат немногие из нас. Смерть лучше рабства.

— То, что вас отмыли, одели и накормили- это не плата, это лишь долг хорошего хозяина по отношению к гостю — пусть и невольному. Что я предложу? Дом. Семью. Покровительство отвернувшихся от вас Богов. Свободу.

Гном выглядел ошарашенным.

— Ты всерьез решил пойти против Их воли?!

— Ты видишь это? — Ворон кивнул на свой плащ и гном заторможено кивнул.

— Ты знаешь, что это?

— Плащ жреца.

— Плащ жреца первой сотни. Я спрашивал Ее- и Она согласна принять вас.

— Но воля Прародителя...

— Ты уверен, что Они будут ссориться из-за сотни- другой гномов? Ты сомневаешься в Ее силе и мудрости? Или ты думаешь, что ты первый гном, человек или драконид, склонившийся к ее руке?

— Сменить веру...

— Сменить- это когда что-то меняешь на что-то. Когда у тебя ничего нет, а ты получаешь что-то — это называется обрести, гном. Вы изгой и Прародитель отринул вас. Я предлагаю хоть что-то вместо пустоты.

— Я понимаю...

— Пока не понимаешь. Знаешь Вайштайн?

— Это та одинокая огромная гора, что в середине орхских владений и вдалеке от торговых путей? Слишком неудобно- гномы там не живут.

— Именно. Гномы там не живут. Пока. Вдалеке от торговых путей. Пока. На землях княжества, которое предлагает твоему роду щит и хлеб.

— Что требуется? — голос гнома был хриплым от волнения.

— В дневном переходе от твоей горы — гном поднял брови, но Ворон не обратил на него никакого внимания и продолжил.

— Есть одинокая скала. Прочная, целиком из серого гра.

— Плохо- скривился гном- злой камень, будет тяжело.

— Плохо обрабатывать, зато надежно будет за такими стенами. Из скалы вы постройте мне замок.

— Три сотни гномов?! Ты шутишь ли, князь? Это не на год, на десятилетия...

— Три тысячи гномов. По дороге тебя будут встречать пополнения. Не каждый войдет в твой род- принц махнул рукой, прерывая возражения.

— Не принуждать и не заставлять! Но каждый из них обретет волю и сможет невозбранно вернуться на родину только когда последний камень встанет в стены Хоран-о-ном.

— Хоран-о-ном?! Вождь!!! Хоран, построенный гномами?!

— Я решил, что так будет правильно.

— Я тоже решил, что будет правильно! — гном опустил на колено:

— Я, Арвад, лишенный рода и покровительства Богов, прошу у тебя, князь Хоран, щита и хлеба. Я прошу даровать мне право основать под твоей рукой свой род.

— Я, князь Хоран, волей своей дарую тебе щит и хлеб княжества Хоран. Я дарую тебе право основать род в княжестве Хоран. Я замолвлю за тебя слово- и Альвари приведут тебя и твой род к Великой матери. Я дарую твоему роду родовые земли- гору Вайштайн, ту, что вы называете Белым камнем. Встань, Арвад Вайштайн, патриарх рода Вайштайн. Помни с своим обязательстве.

— Это не обязательство, это дар пресветлых Мечта каждого — оставить след в камне! Хоран-о-ном будет прекрасен, князь!

— Эй! Ты успокой свою фантазию — есть четкие чертежи!

— Хоть зубами будем грызть камень...

— Этого не понадобится- Тахем обещали обеспечить наилучшим инструментом, провиантом, быками и повозками- за вами только работа. Поначалу поживете в эльфарских шатрах- а дальше уже все зависит от вашей расторопности. Камня там достаточно.

— Сегодня ты дал мне больше чем жизнь. Ты дал мне надежду и цель. Великую цель! И я не подведу тебя, князь!

— Я тебе верю.

Глава 28. Магия разума

Караван из двух сотен разумных был довольно велик и внушителен — покушения на Хоран не забыли и помогать гильдии убийц сделать работу никто помогать не собирался. Останавливать подобную силу на всей Дикой равнине было некому. Напротив, частенько при въезде в очередную городишко, представляющий из себя замок, окруженный посадом, а затем еще раз обнесенный стеной их встречали поднятый мост и толпы перепуганных горожан на стенах. Настороженность не утихала даже после уверений в том, что караван следует дальше. Стоянку делали шагах в пятистах от ворот — и очень скоро жадность сгоняла торговцев с высоких стен — накормить и обеспечить всем необходимым такую ораву- это ж какие барыши! Через пару часов — иногда и раньше- со скрипом опускался мост и потихоньку возобновлялось движение в обе стороны. После стражники спокойно пропускали в город интендантов с пустыми телегами. К вечеру без проблем пропускали даже мечников, оставивших оружие в караване и нацепивших лишь кинжал на пояс. Ворон на все это лишь качал головой- но захватывать эти городишки сейчас было несвоевременно. Путь до границы с оркхай был, на удивление, спокойным. Растянувшись змеей, однороги шли по тракту, прихватывая и обочину. Ворон в середине каравана маялся от вездесущей пыли и просил Первую о дожде. Дышать сквозь толстую тряпку было не здорово- да и на лице- на стыках ткани и кожи- оставались к вечеру внушительные грязевые разводы. Изредка на пути встречались островки настоящего леса- вот и сейчас первая четверть каравана вошла в тенистую лощину и Ворон уже предвкушал пусть небольшой но отдых в прохладе, когда ударили стрелы.

Визг раненных однорогов, крик, сутолока, звон стали и хрипы раненных прошли мимо — Ворон творил Паутину. Сотня откликнулась мгновенно- мало того, Ворон умудрился ухватить всех, кого тренировал. Возбужденная и исходящая криками толпа вдруг как-то организованно подалась назад, обрастая чешуей орхских щитов и оцетинившись остриями глеф. Мгновенно покрывшаяся щитами змея отползала медленно, подбирая убитых и раненых и злобно кусая в ответ ядовитыми зубами лучников- Тахем. Вскоре две сотни шагов разделяли лес и готовые к бою сотни Ворона.

— Сколько? — спокойный голос Ворона обжигал льдом и звенел сталью.

— Почти три десятка, вождь.

— Кто?

— Два с лишним десятка Рахим и пяток оркхай- они кинулись закрывать эльфар щитами- ну и сами... Подставились. Ворон отчетливо скрипнул зубами.

— ГорДан! Я делаю Паутину и завязываю на тебя. Мы подходим на пять десятков шагов. Когда они начинают падать и орать- вы добиваете!

— Пленных...

— Они убили пятерых твоих соплеменников. И два с лишним десятка твоих братьев по оружию- тех, с которыми ты тренировался до десятого пота и ел за одним столом. Не грудь в грудь — а подло. Из засады.

— Я понял, вождь. Пленных не будет.

— Тай! Мне нужна будет поддержка. Силой. И еще...

— Я не дам тебе уйти за грань. Или уйду с тобой — Ворон лишь мимолетно улыбнулся и коснулся ее щеки.

— Хорошо. Карн! Мне нужна будет защита от стрел- твоя звезда с ростовыми щитами и в полной броне.

— Да, господин!

— Готовы?! Мы идем убивать!

Когда от каравана к перелеску мерной тяжелой поступью шагнула закованная сотня из леса донесся издевательский хохот и брань. Безумцы — верхом еще была хоть какая-то возможность прорваться через засаду — но пешими?! Тысячи стрел найдут стык даже в самых совершенных доспехах! Подошедших на пятьдесят шагов осыпали ливнем стрел- но результатов особых не было. В центре подошедшей сотни возникло какое-то шевеление- а затем — сидевшие в лесной засаде мгновенно сошли с ума.

Сотня, ведомая ГорДаном, ворвалась в заросли- и то, что они увидели- потрясло даже видавших виды воинов. Эльфар катались по земле, царапая лицо и пытаясь сдвинуть голову, что разрывалась от дикой боли. Оружие отброшено, о сопротивлении нет и речи- вой, визг и дикие крики боли. Полсотни наемников — драконидов держались получше- но и их неловкие трясущиеся движения явно говорили, что магическая атака не прошла без последствий. Такие соперники для сотни под паутиной- это было даже не смешно. Пока вырезали драконидов — эльфар стали умирать. От боли. Сами.

— Вождь! Достаточно! Достаточно, вождь! — проорал ГорДан сотней глоток. Он на секунду представил, что испытывает Ворон, выжигающий мозги этим разбойникам- и ему стало дурно. Эльфар были в серых одеждах и, как один, без клановых меток, но первый же подошедший Рахим презрительно сплюнул:

— Проклятье на род Хайм! Лишенные чести! Понятно было, что внешность убитых эльфар к делу не пришьешь — но этого было и не нужно. Рахим вживую видели, кто их враг и других доказательств не требовалось.

Ворон отплевывался и утирал с лица кровь, что пошла носом от перенапряжения.

— Что это было, вождь?! — у подбежавшего ГорДана язык сработал вперед мозгов. Увидев плачевное состояние Ворона он погодил бы с вопросами до выздоровления. Но Ворон ответил.

— Это была боль. Боль, передаваемая всем живым, на ком нет метки Паутины.

— А как же Тай и Карн? Альвари, что давали тебе силу? На них же не было метки?

— Тай уже часть моего тела. Да и эти- где-то близко. Я повесил еще одну паутину для нас — Альвари и звезды Карна. А Тай...

— Мне не нужна паутина, чтобы чувствовать его. Только для связи с остальными.

— Ну да- в паутине я чувствую ее хуже- слишком много стороннего.

— Понятно. Но это очень-очень важный знак, Вождь.

— Какой?

— Две паутины. Это просто невероятные возможности!

— Но ты понимаешь?

— Никому и никогда, вождь! Это тайна нашего клана!

— Что с разбойниками? — ГорДан равнодушно пожал плечами.

— Пленных нет. Драконидов мы добились.

— А эльфар? А всех эльфар удавил ты, мой вождь.

— Много?

— Около сотни. Пока мы резались с драконидами- смотрим- эти, которые бились в припадке — остывать начали. Я приказал обождать и бить только тех, кто оклемается.

— И что?

— Не оклемался никто. Ты великий шаман вождь.

— Темная...

— Они напали подло и без причины- и убили твоих воинов. Они сами начали подлую войну.

— Верно. Спасибо, родная- мимолетной улыбки на окровавленном лице хватило, чтобы она расцвела от счастья. Ее жизнь стала тяжелой, страшной и жестокой- но она перестала быть пустой. Больше Тай не будет ждать своего мужа дома, обмирая от страха. Нет. Она рядом и разделит его судьбу- какой бы она не была.

— Вождь- и что с телами делать?

— Да в кучу и сжечь- что еще-то?

— Не-не-не! Ты там как вообще — живой? — Аюми мимолетно взглянула на мужа, тяжело опирающегося на Тай и Карна, но смотревшего вполне осмысленно и выдохнула облегченно.

— Живой, слава первой! Так! Соберите-ка мне все до одной эти серые накидки. И костюмчики с эльфар снимайте.

— До исподнего, госпожа?

— Фу! Ну нет конечно- куртки, штаны- и довольно. Есть у меня одна идея... Мой муж, умнейший, надо сказать, эльфар в разговоре с гномами как-то сказал хорошую мысль- за все надо платить.

— Я сказал- у всего есть цена.

— Ну или так. Хайм заплатят цену. Полную цену.

Глава 29. Раздражение

Хаан Аз Хайм

Солидная дверь еле слышно тихо скрипнула и из-за массива темного ореха робко показалась узкая морда. «До чего же он похож на тощего помойного карха»- мгновенно пронеслось в голове раздраженного патриарха. Хаан приблизил этого всеми нелюбимого Оро- но это совсем не значило, что он сам его полюбил. Просто Оро был карх. Карх во всем. Неприметный, изворотливый, живучий и пролезающий в самые незначительные щели. Избегающий опасности- но Хаан на личном опыте знал, как меняется этот невзрачный эльфяр стоит только отсечь все пути к спасению. Хаан тогда тоже бился насмерть, сражаясь за свою жизнь- но впавший в безумие Оро был страшен- странный сплав его еле слышной родовой магии в смертельной опасности вдруг превратил тщедушное тело в безумного берсерка, разрывающего чешую драконилов грязно-серыми когтями. Хаан вздрогнул и постарался задавить это пугающее воспоминание- благо, в обычной жизни полусогнутая с виляющим взглядом фигура ничуть не напоминала о том былом ужасе.

— Что ты хотел, Оро? — серая тень неслышно скользнула в кабинет и вновь невольно мелькнула мысль о незаметном и неслышном кархе.

— Мы недооценили Хоран. Потери более четырехсот пятидесяти тысяч. Золотых.

Голос его еле слышный, почти шепчущий- но эффект от его еле слышных слов был такой, словно кованым сапогом из груди вышибли весь воздух. В глазах потемнело и патриарх вцепился в столешницу. Головокружение отступило так же мгновенно, как и нагрянуло — но дикое ощущение стягивающейся на шее тугой волосяной петли все никак не хотело уходить- дышать было трудно.

— Коротко и по существу Оро. Коротко. И. По существу.

— Да, господин. Мы пытались нанять Серый Клан, чтобы покончить с ним.

— Помню. Его ручная водница помешала им сделать работу — напластала их убийцу на ломти.

— Почти так, господин.

— И почему они не послали следующего. Или пару? Или десяток? Золото же взяли?

— Золото вернули до медяшки. По их словам- они послали лучшего и у князя...

— Не называй его так!

— А как господин? Хорошо, у Хоран...

— Ты издеваешься?! Ты надо мной издеваешься?!!

— Как тогда называть... его?!

— Полукровка, ублюдок, смесок, выродок- мало тебе?!

— Когда ручная водница полукровки разрезала убийцу Серого Клана, словно лакху в кухарне — Серый Клан решил, что его защищает Первая Мать и они отменили заказ- вернули все золото.

— Слабые разумом. Ну не вышло один раз- попробуй еще.

— Они сказали, что за наше золото послали лучшего из лучших, у которого не было еще ни одного провала.

— И?!

— И лучшего, чем тот, у них нет- а отрядами они не работают. Это их древнее правило- если жертве удастся избежать смерти от подготовленного Серым Кланом бойца- они

считают, что ему покровительствует сама Первая.

— Ну и что?

— И они не пойдут против воли Ее. Даже за деньги. Даже за очень большие деньги.

— Фанатики! Недоумки мнительные. Покровительство. Это же бред, Оро.

— Да, господин.

— Стоп. Но если Серые вернули золото- тогда о каких потерях речь?!

— После Серых мы предприняли еще одну попытку...

— Я так понимаю, то, что я услышу сейчас- мне не понравится.

— Раз они отказали- мы изготовили полсотни серых масок и плащей- по образу Серого Клана. даже нанесли их Знак.

— Кхм...

— Уничтожить весь караван не представлялось возможным. Но Хоран всегда лезет вперед — и убрать его, пусть и не без потерь- это казалось вполне реально. Найдя правильно одетые трупы нападавших три клана наглядно увидели бы, что Хоран отправили к предкам Серые — и все претензии были бы к Серым. Тогда все казалось логичным, господин...

— Я просто выслушаю все до конца.

— Да, господин. Сначала все пошло по плану- залпом снесли десятка полтора его прихвостней. А вот потом оказалось, что магия разума штука очень неприятная и болезненная. Выжили только те, у кого в жилах оказалось хоть немного крови Хоран — менее восприимчивые к магии разума и перенесли попроще и хоть как-то двигаться смогли.

— А ты?

— Я, как раз, чуть не сдох. Мой телохранитель — драконид проявил разум. Вытащил меня сразу после начала бойни. Снежинка моя тренирована везти бесчувственное тело. Но грань прошла от меня очень близко, господин.

— Значит, магия разума. Ладно. И на что это похоже?

— Шипастый шар внутри твоего черепа, который вдруг начинает расти. И шипы начинают расти. Наружу. Череп просто взрывается. На что похоже? Ни на что не похоже. Пытка, лишаящая разума и приводящая к смерти. Двое суток отпивался элексирами и блевал не переставая. Словно однорог в голову лягнул. Кстати, да. Похоже на очень тяжкий, почти смертельный удар по голове. Похоже.

— Пока отложим. Что с деньгами?

— С деньгами... Часа через два я кое-как пришел в себя и остановил моего телохранителя, галопом гнавшего однорогов как можно дальше от безумного Хоран. И мы вернулись на место бойни.

— Зачем?

— Чтобы понять, господин. Чтобы лучше понять, что и как произошло. Почему и зачем.

— Это умно. И что же ты понял?

— Ну, когда ты видишь сотню трупов эльфар, раздетых до исподнего- это заставляет мысли бежать быстрее.

— И что ты надумал?

— Я подумал, что вряд ли последователям полукровки было нечего на себя надеть. Они собирали доказательства для Серых.

— Дальше!

— Дальше все просто. Очень просто. Шедший с Дикой Равнины караван с налогами за год просто вырезали. Четыре сотни бойцов за одну ночь. Наемники уже не хотят иметь с

нами дела- а те, кто остались требуют вчетверо.

— А деньги- Хаан взглянул на горько ухмыляющегося Оро.

— Понятно... И ты, отчего-то, уверен, что это месть Серых?

— Это стало ясно сразу — стоило только увидеть, что они оставили вместо золота...

Глава 30. Не друзья, но союзники

Серый Клан

Лицо вождя Серого Клана было скрыто глубоким капюшоном- впрочем, надеяться на иное было бы глупо. Главный из клана теней — лицо и местонахождение его было великой тайной и он сам всегда выбирал время и место встречи. Договориться о встрече оказалось вполне просто- целители Альвари собрали по кускам покушавшегося на князя Хоран убийцу и, после обстоятельного разговора, его просто отпустили, передав вождю Серого Клана просьбу о встрече. И вот сейчас, легко миновав три кольца охраны элитной гостиницы он сидел в роскошном кресле в центре номера, а по бокам стояли двое безликих подручных. Но Аюми не выглядела ни смущенной ни растерянной.

— Я благодарю тебя за внимание к моей просьбе, господин.

— После того, что вы сделали- как я мог не прийти? — даже голос его был какой-то глухой и безликий.

— Если ты о своем воине- мы только вернули тебе твое, господин. Хоран не ищет чужого- и раз уж Мать не дала твоему воину умереть...

Глубокий капюшон кивнул вновь- темная ткань не могла отображать эмоции- но Аюми готова была поклясться, что на этот раз вождь Серых кивнул ей гораздо благосклоннее.

— Я хотела рассказать тебе, вождь Серого Клана, о эльфяр, которые делают свои дела прикрываясь именем твоим и именем Серого Клана. Я просила, чтобы ты взял с собой Слышащего Истину- есть ли он среди твоих бойцов? Теперь капюшоном качнула одна из теней, стоящих за спиной вождя- сам же он остался недвижим.

— Я рада. Я прошу тебя, Слышащий, задействовать свой дар- я не сочту это оскорблением и не буду скрывать мысли. Если я солгу- дай знать господину. Вновь лишь безмолвный кивок. Аюми перевела дух и продолжила.

— Мой муж вызвал неудовольствие Хайм и Хайм попытались его убрать. Они наняли лучших из лучших- твой клан. Хоран не имеют обиды- каждый выполняет свое дело. На все воля Первой Матери — Хоран остался жив.

— Мы отказались от заказа. Если Мать решила, что он достоин жить...

— Традиции Серого Клана известны нам- и мы относимся к ним с уважением. И в знак этого уважения мы и вернули тебе того, кому сохранила жизнь Мать. Аюми вновь сделала паузу. Три недвижимые и безмолвные фигуры, скрытые бесформенными одеждами никак не выказывали своего отношения к происходящему- но благодаря чутью бывалого переговорщика она была абсолютно уверена, что дело движется в нужную сторону.

— Убить моего мужа Хайм все также хотели- но получить месть трех кланов для них было бы чересчур. В активе они имели заказ Серому Клану, который могли подтвердить перед любым Слышащим Истину. И теперь им надо было, чтобы Серый Клан...

— Мы отказались от заказа.

— Ваши традиции известны не всем. Даже не так- мало кому известны. И если кто-то, внешне похожий на Серый Клан, убил бы моего мужа, а Хайм перед Слышащими Истину объявили бы, что отдали заказ серому Клану и Серый Клан заказ принял... пауза была долгая и в воздухе отчетливо зазвенело напряжение. Наконец, вождь Серых нарушил молчание.

— Ты говоришь, что нас хотели подставить под месть трех кланов. За то, чего мы не делали. Докажи!

— Я принесу кое-что. Вот! Таких больше полста комплектов. Слышащий! Я говорю перед лицом Матери- всю эту одежду, так как она есть — воины Хоран, Рахим, Тахем и Альвари сняли с напавших на караван князя. Я сама там была, я своими руками снимала с трупов одежду и я привезла тебе именно эту одежду без единой подмены. Ни я, никто другой не добавили и не убавили ничего- ни одной нити. Перед лицом Ее — Я видела! Я знаю! Я свидетельствую! Стоящие за спиной вождя Серых сохраняли безмолвие- сам он протянул руку и медленно взял лежащий сверху серый плащ- а потом, словно что-то увидев, схватил подряд несколько вещей, отшвыривая просмотренные на пол.

— Темная! Знак клана! Они заигрались!

Это был действительно их Знак- черная стрела и кинжал на узком ромбовидном щите.

— Я клянусь... — он оборвал ее, подняв открытую ладонь.

— Я услышал, Хоран. Довольно. Дальше это уже дело Клана...

— Хочешь ли ты сделать Хайм больно? Хочешь ли ты их искреннего и глубокого раскаяния? Убийство не даст тебе насладиться мстью- но я могу показать тебе путь.

— Почему?

— Все просто- я попрошу долю.

— Ты предлагаешь ограбить их? Серые никогда не опускались до грабежа...

— Я предлагаю наказать того, кто пытался использовать имя Клана в корыстных интересах. И потеря полумиллиона золотых будет достаточным наказанием.

— Сколько?! Откуда такие суммы?!

— Ежегодно находящиеся на территории Дикой Равнины города и селения платят империи налог. Они запечатывают золото в мешки истинными печатями и отправляют караваном в столицу.

— Ты уверена...

— Один из них в этот год запечатал вместо золота серебро. Случайно, конечно. Но если это дойдет до столицы- отсечение головы будет для него легкой забавой. А потому мешки с этой печатью — она подвинула по столу небольшой пергамент с эмблемой — взять надо обязательно- это будет плата за информацию. Хоран должен сам собирать дань со своих владений- просто в первый год навалилось уж слишком много хлопот.

— И мы...

— Половина- плата за вашу обиду. Половина- доля Хоран. Никаких соглядатаев от Хоран или других условий не будет- мы верим Серому Клану и уважаем Серый Клан.

— Отдай мне все эти тряпки- я оставлю им их вместо их золота!

— А ты жесток к врагам, господин! И мне это нравится.

Глава 31. Оркхайские степи

Род Хоран

Каждый вечер в степи эльфар ставили шатры, что вызывало море шуток со стороны оркхай и полное понимание Ворона. Оркхайские степи были бескрайни до угнетения. И Ворону и эльфар не хватало привычной защиты леса. Эта же, покрытая едва по колени травой, бескрайняя равнина... Брр- ощущаешь себя ничтожным тараканом на огромной гладкой поверхности стола. Бежать бессмысленно, укрыться негде. Вот и ставили шатры- укрытие смешное и ненадежное- но хоть как-то. Хоть какое-то ощущение защиты и жилья среди этой плоской бесконечности.

На границе Дикой Равнины и оркских земель отряд разделился- сотня Ворона пошла вглубь, в самое сердце. Племя Огненного Скорпа передало Весть Матери матерей- и теперь Ворон мог проделать свой путь беспрепятственно. ГорДан вел сотню от источника к источнику, словно в безводной пустыне. Массивные лесные однороги не умели напиваться в запас, как их более мелкие степные собратья. Оркхай Огненного Скорпа смотрели на могучих зверей с восторгом и завистью- и Ворон был вынужден подарить им пару однорогов на племя. Но пересечь на невзрачных степных зверей и эльфар и оркхай отказались наотрез. А потому шли рваными переходами от воды к воде.

Все это время ГорДан мучил Ворона языком оркх, расширяя его словарь и добиваясь идеального произношения. Оркх давался Хоран легко — он не учил заново, а словно вспоминал забытые слова из детства. С рождения мать общалась с ним на оркх- и гортанная речь легко ложилась на язык и освежалась в памяти- ГорДан был доволен успехами ученика несказанно.

Традиции, обычаи, правила и нормы поведения- все это сотник тщательно вколачивал в память молодого вождя. Ворон, понимая жизненную необходимость этих знаний, впитывал со всей внимательностью. Старого сотника вначале сильно беспокоило, что Ворон без особых возражений принял его командование- но после обретения Паутины... Да, там Ворон был непререкаем. Да и в обычной жизни — когда молодой князь принимал командование — спорить с ним желающих было немного. Совсем не было.

Они наткнулись на разъезд оркхай к полудню. Одного взгляда на них Ворону хватило, чтобы понять, что это племя Пустынного Карха — земли Огненного Скорпа закончились и отряд вторгся на территорию иного племени. Впрочем, право прохода для наследника священной- а Весть Матери передали Огненные. Разъезд не кинулся в бой- да это было бы и глупо- три десятка бойцов против сотни. С гиканьем и криками они вылетели поперек пути сотни, и встали, преградив путь, шагах в тридцати. Молодой командир разъезда — могучий покрытый шрамами оркхай на выделявшемся статью на фоне остальных однороге. На фоне Огонька Ворона даже этот могучий зверь смотрелся довольно бледно, а потому оркхай смотрел на Хоран с неприязнью и завистью. А вот на Огонька он смотрел вполне одобрительно- уже примеряя на мощную спину статного однорога свое седло.

— Я БадХар! Мой род — Пустынного Карха. Мать матери моей матери пасла скот на этой земле- и это земля племени Пустынного Карха! Я тебя не звал, Мать Кархов тебя не звала- ты нарушил границы наших земель- ты умрешь! Твои однороги пополнят наши стада, твоё оружие укрепит руку наших воинов, твои вещи украсят наши жилища, а твои женщины родят нам сыновей. Тай презрительно фыркнула за спиной Ворона и он укоризненно на нее

взглянул.

— Что? Тоже мне, герой-любовник... Немытый — шепнула она и Ворон невольно фыркнул.

Командир оркхай не понял, что сказала эльфарка, но вот смех этого непонятного эльфара, одетого как оркхай- это уже было оскорбление. И не играло роли, что их всего тридцать против сотни. В глазах молодого оркхай начала, было, подниматься багровая пелена, но этот непонятный вдруг заговорил, разрушив стройную картину мира.

— Я ОлМаари! Мой род — Золотая Бабочка. Мать матери моей матери пасла скот на землях Золотой Бабочки. Мать Матерей оркхай звала меня- и я иду к ней по зову ее. И твоему племени, БадХар, о том была Весть от Огненных Скорпов.

Молодой командир ненадолго задумался. Весть была, действительно была. Золотая Бабочка- захиревший род, но их земли- кусок лакомый. Впрочем, все решать будет Мать Матерей. А этот...

— Ты не похож на оркхай! В твоём отряде я вижу эльфара! Я не верю тебе, эльфара, выдающий себя за оркхай!

— Ладно! — Ворон одним движением соскользнул с Огонька и направился к стоящим напротив оркхай пешком. Тай и Карн мгновенно заняли место за его спиной. Не желая выглядеть трусом, молодой командир оркхай также спешил и с двумя оркхай пошел навстречу.

— Карн! — тот привычным уже движением достал тубус, который хранил у сердца. Ворон приложил данхан ко лбу и, раскрыв тубус, достал пергамент и передал его командиру Пустынных Кархов. Тот принял данхан бережно, один из сопровождавших шагнул вперед и тронул данхан магией. Печать начала медленно набирать свет- шаманы оркхай были сильно слабее магов эльфара. Шаман кивнул и БадХар протянул данхан обратно. Непонятный полукровка бережно сложил данхан в тубус и передал за спину, где эльфара спрятал его под доспех.

— Я вижу твое лицо ОлМаари. Я приветствую на земле Пустынных Кархов Золотую бабочку, выполняющую волю Матери матерей оркхай. Я даю тебе право на травы и воду этой земли. Но почему среди твоего отряда эльфара? Разве кончилась великая вражда и оркхай и эльфара уже не льют кровь друг друга?

— Это наследство отца, БадХар. Мать матерей отдала свою дочь императору эльфара. Мать оставила мне племя ОлМаари. Отец оставил мне несколько Родов эльфара — они попросили у меня щита, травы и воды — и обязались держать мой топор. Я принял их верность и дал защиту. Полукровка смотрел прямо и шаман не говорил ни слова- а значит, этот странный ОлМаари не лгал. Да и Темная с ним- не командиру разезда с этим разбираться- есть и постарше.

— Я, БадХар, предлагаю тебе, ОлМаари, гостеприимство Пустынных Кархов. Моя земля- твоя земля, моя трава- твоя трава, моя вода- твоя вода.

А вот теперь можно было и выдохнуть. Законы гостеприимства оркхай священны.

— Я, ОлМаари, с благодарностью принимаю гостеприимство Пустынных Кархов. — Ворон чуть склонил голову.

— Великая честь для ОлМаари посетить сердце земель Пустынных Кархов и припасть к мудрости вождя и Матери племени. Следую за твоей мудростью БадХар. Об одном прошу- наши однороги не могут долго обходиться без воды...

— Да знаю, у самого выходец из лесов- но, конечно, не такой здоровый, как твой

зверюга. У меня в табуне есть пара кобыл в охоте... — переход от официоза к обычной дружеской болтовне был таким мгновенным, что Ворон на мгновение потерял дар речи. Впрочем, сориентировался он мгновенно.

— Ему только в радость, а мне убытка нет- не сотрется — оба расхохотались, ударив по рукам.

— А эльфарка твоя ничего!

— Эй! Это жена моя!

— Жена... - скривился БадХар. Жена- это плохо, жена это неприкосновенное. Впрочем, мысль о огненно- рыжем жеребенке вернула ему славное настроение. Он посмотрел на однорогов остальной сотни- и настроение его стремительно стало еще лучше. Стоит только успеть договориться. А он успеет. Минимум два дневных перехода- а на ночевке время будет. Одного из своих на степняке отправить вперед- этот дойдет и за один переход. Отец подготовит нужных кобыл в табуне. Не найдет, так купит. БадХар шагнул вперед и положил руки на плечи Ворона- ритуальный жест гостеприимства увидели оба отряда. Ворон также положил руки на плечи БадХара- и два отряда смешались, спеша познакомиться, узнать новости да и просто утолить интерес. Стараниями Ворона, оркхай и, особенно, ГорДана почти все эльфар знали уже сотню-другую слов на оркх и вполне могли объясниться без переводчика. Да и многие из оркхай, частенько заглядывающие в империю по делам торговым, болтали на эльфар, пусть коряво, но довольно свободно. Увеличившийся на три десятка всадников отряд с шутками и оживленным разговором направился к кочевью Пустынных Кархов.

Глава 32. Кочевье Пустынных Кархов

Племя Пустынных Кархов

БадХар держался рядом с Вороном, отвечая на многочисленные вопросы. Кочевье поражало. К однорогам Ворон уже привык- лошади и лошади. А вот многочисленные стада лохматых рыжих приземистых коров, здорово напоминавших земных хайлендов, его заинтересовали.

— Куму- равнодушно пожал плечами ГорДан.

— Мясо, молоко, тетива для лука. Хорошая кость для рукояти ножа- кивнул он на внушительные рога.

— Полезный зверь. Сильный полезный зверь. В устах оркхай это была высшая похвала. Вдоль каждого крупного стада сновало несколько матерых здоровенных псов.

— Гайсы. Охрана. Убивают воров и хищников. Полезный зверь. Сильный полезный зверь.

Нда. Голый практицизм и никаких эмоций. Но не это главное. Главное было в том, что Ворон воочию видел возможность без проблем обеспечить княжество мясом. Бесконечные стада внушали на это серьезные надежды. Кочевникам нужны ткани, хлеб и изделия из металла. Для этого есть эльфар, которые могут вырастить любые растения и гномы, которые могут выковать что угодно. Да, очень похоже, что Пустынный Карх для княжества Хоран полезный зверь. Сильный полезный зверь.

Само стойбище было... организованным. Ворон инстинктивно ожидал прямоугольных форм военного лагеря- но у кочевников доминировал круг. Центральный шатер- Ворон сомневался, как правильно назвать эту здоровенную и действительно похожую на цирковой шатер, конструкцию- был богато украшен затейливой вышивкой. Нити переливались серебром и золотом. Ворон присвистнул- такая работа дело не одного года, даже если стараться будут десятки вышивальщиц. Сооружение возвышалось метров на шесть минимум- а то и поболее- и всем своим видом внушало почтение. Диаметр этой юрты был метров пятнадцать- а значит внутри минимум полтора квадратные метра жилплощади- это, по местным меркам, прямо роскошно. Шагнув внутрь, Ворон обратил внимание на плотный тяжелый полог. В просторном жилище народу было немного- сам вождь Пустынных Кархов с лучшими людьми племени и Мать племени на правой женской стороне.

Ворон стоял расслабленно- по правую руку стоял ГорДан, за спиной надежная Тай и Карн, готовый к бою. Молчание затягивалось- но первым в доме должен говорить хозяин.

— Пустынный Карх приветствует Золотую Бабочку на земле своих предков. Была ли сочна трава и прозрачна вода на твоём пути, ОлМаари?

— Золотая Бабочка благодарит за щедрость и гостеприимство Пустынного Карха. Родники родовых земель Карха все так же обильны, прохладны и прозрачны, а травы гнуться под собственной тяжестью.

— Для чего мы тратим время на этого полукровку? Скормить его гайсам- и дело с концом! — проревел здоровенный оркхай, бугрящийся от мышц. Квадратная челюсть, мощные клыки, массивные надбровные дуги- истинный Зверь. Ворон оглядел его демонстративно- внимательно.

— Какие интересные традиции гостеприимства у Пустынных Кархов. Ты можешь

попытаться сделать то, о чем говоришь- гайсы в любом случае будут накормлены.

— Я выпотрошу тебя, как потрошат куму, перед тем как насадить на вертел. А твою женщину...

— Трепло. Ты умеешь работать только языком? — в голосе Тай было столько презрения, что огромный оркхай мгновенно впал в бешенство. С диким ревом он замахнулся- и взлетел, подброшенный апперкотом Ворона, чтобы с тяжким грохотом рухнуть, опрокидывая резной столик, стоящий сзади.

— Гостеприимством Кархов я сыт. Через пять сотен ударов сердца я жду твоего воина за сто шагов от стойбища — гайсы все еще голодны — Ворон резко развернулся и вышел, нарушая все каноны. Но его это совсем не заботило- позволить затеять ссору с гостем- Пустынный Карх уже потерял лицо. Чувствующая его настрой сотня мгновенно подобралась, оцетинившись шиитами и положив руки на оружие. Неожиданно оказалось, что сотня это не так уж и мало- особенно посреди мирного стойбища.

Горяча однорогов, сотня отскочила на сто шагов и стала полукругом. Напротив них стекались воины, женщины, дети. Наконец, из роскошного шатра вышли вождь, воин и шаман. По взмаху руки над полем воцарилась тишина. Шаман выступил вперед.

— Ты дурной гость, ОлМаари. Тебе предложили честью травы и воды- но ты затеял ссору.

— Верно ли я тебя понял, шаман- если я выпотрошу тебя и скормлю гайсам, снасильничаю твоих женщин и перережу глотки твоим детям- ты не будешь таить обиды? — командирский рев Ворона легко перекрыл старческий дискант жреца.

— Или я лгу и стоящий за твоей спиной, прежде чем получил по клыкам, не похвалялся выпотрошить меня и скормить гайсам?! Призываю в свидетели Первую Мать — я не искал ссоры и не проявлял неуважения — один из вас, Пустынных Кархов, наплевав на закон гостеприимства, затеял ссору и оскорбил гостя.

— Я видел! Я знаю! Я свидетельствую! — голос Тай и Карна слился в один. Плащ за спиной Ворона налился темно-багровым- цветом скорой крови. По рядам Кархов прошел гневный ропот- пусть этот ОлМаари и полукровка- но нарушать традиции гостеприимства и навлекать на себя гнев Первой Матери- да о чем думал вождь?!

Секира Ворона с шелестом рассекла воздух, делая круг, а сам он вышел на свободное место между оцетинившейся сотней и толпой Пустынных Кархов.

— Я ОлМаари, Золотая Бабочка. Меня оскорбили- и я требую священного права защитить свою честь оружием. Пусть рассудит нас суд Богов. Пустынный Карх похвалялся при свидетелях разделать меня, как куму и скормить гайсам. Я жду.

Массивный оркх вышел в круг, сплевывая кровь. Или язык прикусил или губы. А может быть и пару зубов ему Ворон вынес- удар был такой силы, что эту тушу аж подбросило. Топор в руке оркха был лишен украшательств- обычный боевой инструмент, покрытый многочисленными царапинами и выведенным до толщины волоса лезвием. Оружие воина. Или убийцы.

— Бой!

Ворон ждал, что огромный оркхай бросится на него, словно носорог- но опытный воин предпочел прощупать оборону несколькими осторожными боковыми ударами, которые князь отбил с легкостью. Ворон видел соперника- не смотря на кажущуюся легкость, танцевать в рваном ритме Ворона громадному оркхай было тяжело. Долгого поединка он не выдержит- не та комплекция. А значит, скоро-скоро эта махина рванет в дикую по мощи

атаку, поставив все на безумной силы пробивающие удары. Пока этот носорог лишь усыпляет бдительность...

Секиру едва не вырвало из рук, а над головой уже вновь вознеслось бликующее на солнце лезвие. Понеслась! Спасло то, что Ворон не отбивал в полном смысле, а уклонялся, направляя удар так, чтобы он соскользнул. Ворон отступал, ведя атакующего соперника по большому кругу. Все это напоминало корриду- огромный, пышущий яростью бык и ловкий грациозный тореадор, ведущий всю партию. Наконец на мясистом лице появились первые внятные капли. Замахи стали чуть медленнее и тяжелый выдох сопровождал теперь каждый размашистый удар. Ворон в очередной раз уклонился и резко разорвал дистанцию, отскочив на пару шагов. Огромный оркхай, казалось, был только рад передышке с шумом глотая воздух.

— Пришла пора кормить гайсов, Карх. Я выдержал твой напор. Твоя очередь. Секира в его руках слилась в сверкающий круг. Огромный оркхай вскинул топор- но тщетно. Лепесток секиры, едва коснувшись бугрившегося мускулами плеча, вспорол сухожилие и топор чуть просел, открывая путь идущему на второй круг лезвию. Секира врубилась в плоть с противным скрежетом- отсеченная по локоть рука висела на топоре, удерживаемом еще уцелевшей рукой.

— Веселее, Карх! Ты еще хотел снасильничать мою женщину. Рев, в котором смешались боль, ярость и страх. Оркхай нашел в себе силы- он стряхнул с древка бесполезный обрубок и со смертельным выдохом опустил огромный топор на голову Ворона. Тот грациозно скользнул вбок, выписывая лезвием замысловатую фигуру. Топор по рукоять врубился в землю, а огромное тело развалилось на четыре уродливых обрубка.

— Куму я разделал. Гайсов покормите сами. Я запомню твое гостеприимство, Пустынный Карх — запомню и отплачу тебе тем же.

Вождь Пустынных Кархов стоял недвижимо и безмолвно. Слишком многое произошло. Слишком быстро и совсем не так, как задумывалось. Племя не получило ни выгоды, ни чести. В глазах воинов вождь не видел больше почтения- лишь раздражение и злость.

— Я привел тебя сюда, ОлМаари- я и провожу до границы наших земель.

Ворон взглянул на БадХара пристально. Потом кивнул своим мыслям

— Я буду благодарен тебе, БадХар. Только тебе.

Ворон взлетел на Огонька и сотня с гиканьем сорвалась с места, возглавляемая тремя десятками БадХара. Они давно уже скрылись из виду- а вождь Пустынных Кархов все смотрел вслед — вслед непонятному ОлМаари, которого он сам сделал своим врагом.

Глава 33. Мать матерей оркхай

Сердце степей

КаджуроОрОркх — Кочующий Город оркхай, древняя столица. Никто из чужих не знает его путей и местонахождение его- всегда тайна для иных рас. Но не для тех, кого ждет Мать матерей оркхай и кого ведет Весть- тому укажут путь. Сотня Ворона прошла еще четыре племенных владения- но нигде больше не возникло таких проблем, как на землях Пустынных Кархов. Сотню встречали настороженно, но без враждебности- а потом любопытство побеждало предубеждение. Вожди говорили с Вороном, которого на территории оркхай звали ОлМаари- по матери. Молодые оркхайи строили глазки эльфар и нередко уединялись с ними- благо, для имеющих в сотне целителей создать противозачаточные амулеты проблемы не составляло. Эльфар, конечно, недолюбливали- но не настолько, чтобы задирать приглашенных Матерью матерей, чей авторитет у оркхай был выше небес. Да и сам Ворон провел, так сказать, хорошую разъяснительную работу- по его прямому приказу от самого начала пути ГорДан вколачивал в каждого эльфар традиции и правила поведения в степи — а потому уж непоправимых ошибок эльфар не совершали, а незначительные нарушения общепринятых норм морали лишь добавляли смазливый остроухим очарования. Ворон не боялся навлечь на себя беду- оркхай вполне спокойно относились к доброчным связям, а девственность считали существенным недостатком — кому нужна та, которая никому не нужна? В общем, мало что поняв из путанных рассуждения, Ворон полностью переложил эти заботы на ГорДана- оркхай лучше поймет оркхай. Старый сотник разрешал все вопросы молниеносно и ко всеобщему удовлетворению- конфликтов практически не было, а это и было для Ворона самым главным на этом этапе. В Кочующий Город сотня вошла две декады назад — и до сих пор тянулось ожидание. Да, их обеспечили жильем и купить самой разнообразной снеди в Кочующем Городе совсем не проблема. Но Первая Мать оркхай послала Весть тридцати вождям племен- и Ворон вынужден был ожидать, пока Тридцать соберутся вместе для решения его судьбы.

В огромном шатре было душно-Мать матерей с парой телохранителей, три десятка Вождей племен, вольготно расположившихся по большому кругу шатра. Ворон привычно ожидал накрытых столов- но нет. Дело- отдельно, пир- отдельно.

Он стоял перед ними, сидящими на роскошных мягких подушках и смотрел на них. Они были разные. Мать- старая, или, скорее, древняя высушенная временем. Чудо, что в ней еще теплилась жизнь. Две ее служанки-телохранительницы. Безликие, поджарые убийцы. Вожди... Молодые и совсем уже старые, бугрящиеся мышцами и выдубленные, словно подметка старого сапога. Они были разные- и их было слишком много, чтобы выделить кого-то одного. Впрочем, были и знакомые лица.

— Ты воззвал- и Мать матерей оркхай слышит тебя — голос древней был сродни шелесту иссушенных осенью листьев.

— Я вижу твой данхан, ОлМаари, я вижу твою кровь, ОлМаари. Я вижу твое лицо Наполовину человек, наполовину эльфар- но твоя кровь- это наша кровь и степи- дом для тебя, потомок ОлМаари. Но ты не хочешь быть равным среди равных- ты требуешь большего.

Ворон дождался, пока она закончит, выдержал паузу, дабы проявить уважение.

— Можно ли отказаться от наследия предков, уважаемая? Можно ли отбросить то, что создали для тебя давшие тебе жизнь? Могу ли я наплевать на память предков и отказаться от

их наследия? Ты права, Великая- наполовину оркхай, наполовину эльфар. Мой отец оставил мне беспокойное наследство- но я не отказался о него и принял эльфар под свой щит. Моя мать- первая дочь Матери ОлМаари и она стала Матерью ОлМаари, когда родила меня- ибо тогда ее мать уже ушла за Грань. Первый сын матери племени должен быть вождем- это закон оркхай и я лишь прошу отдать мне мое по праву. Если есть здесь тот, кто может это оспорить- мы можем это решить традиционным способом. Я умею держать в руках топор.

— Ты слишком торопишься, молодой ОлМаари. Чтобы кто-то из присутствующих скрестил с тобой топор- тебя должны признать достойным такой чести. Скажет ли кто за него слово, Вожди?

— Я скажу! — Пустынный Карх выступил вперед, прямо глядя в глаза Ворону.

— Я говорю — ОлМаари воин. Я говорю- нет урона чести Вождей говорить с ОлМаари Я говорю- он достоин поединка с любым из вождей.

— Я приму твои слова, если ты скажешь, чем этот прилизанный эльфар купил твою благосклонность. Кровью или однорогами и золотом? Только призови в свидетели Первую мать. — голос невысокого, но очень плотного оркхай сочился пренебрежением и насмешкой- словно он уже знал ответ.

— Первую мать призываю в свидетели- ОлМаари не платил мне ничем- ни золотом, ни серебром, ни вещами ни однорогами- я не получал никакой платы. ОлМаари в честном поединке разделал моего лучшего бойца — тот слишком поверил в свое мастерство, был несдержан на язык и получил по заслугам. Любой из Пустынных Кархов, видевших поединок, скажет слово за этого ОлМаари. Матерью клянусь- его храбрость и мастерство единственная причина моего слова. А то, что ты сомневаешься в слове моем, ЧаГуари- это я запомню. Не сомневайся.

— Не время искать ссоры- легкий шелест голоса древней мгновенно вызвал абсолютную тишину.

— Я прошу от вас разума и холодной головы, Вожди. ОлМаари- принимаешь ли ты слово Пустынного Карха?

— Принимаю с благодарностью. Он сказал верно- воин сам искал ссоры и получил то, что искал. Между мной и Кархами нет крови, нет обиды. Карх, глядя Ворону в глаза, чуть кивнул, подтверждая услышанное.

— Кто еще скажет слово?

— Огненные Скорпы скажут Слово за ОлМаари. Его щит несет сотник ГорДан- кровь от крови моей- и он свидетельствует, что ОлМаари отправил в Небесные сады больше полусотни остроухих. Это достойно Вождя.

— Ледяной Махайрод лишь торговый партнер молодого ОлМаари- на этом совете мы не стали бы говорить Слово за хозяина, стерегущего границы золотом. Но речи братьев убедили нас, что у ОлМаари есть не только мудрость но и мужество.

— КаДжуги скажут за ОлМаари- мои братья дрались с ним рука об руку и обязаны ему жизнью!

— ХарЗатхи здесь! И мои братья бились под его рукой!

Сказавших за него Слово было неожиданно много. Хитрый ГорДан намекнул разношерстной команде оркхай о хорошей возможности здорово помочь командиру- и каждый из полусотни с удовольствием наведывался в свое племя, делясь пережитым под хорошее угощение и обильные возлияния. Многие вожди слышали о доблести этого ОлМаари от соплеменников, мотавшихся по империи эльфар и ставших за щит этого

странного ОлМаари. Услышали и поверили- ибо рассказчики легко призывали первую мать в свидетели- да и кому верить, как не родной крови.

— Довольно! ОлМаари достоин быть в круге- сказавших за него Слово более чем достаточно. Имеет ли кто Слово против?

— ЧаГуари хотят испытания.

— Поединок- это понятно- Ворон привычно качнул шеей, разминая мышцы.

— Не поединок. Несколько на несколько. Десяток против десятка.

— И так славно. Девять оркхай я наберу.

— Не слишком ли ты самоуверен, молодой ОлМаари? Шаманы ЧаГуари держат Единение по полутысяче ударов сердца.

— Смешно. Я на тренировке держу единение своей сотни раз в сорок больше. И отпускаю я их, когда вымотались они, а не когда выбрасывает меня. Паутина Душ- родовой дар моего отца, Великая. Я верю, что воины ЧаГуари опытни и могучи- но и мои оркхай знают, с какой стороны братья за топор. Ответь мне только на один вопрос, великая. Отчего на совете нет никого из ОлМаари? Где племя матери моей?

Они в упадке, молодой ОлМаари, они в упадке. Их земли обильны, но предгорья всегда были недружелюбны — сейчас их теснят и соседи и коротышки- а слабый должен дать место сильному.

— Я услышал, Великая. Я хочу поскорее покончить с испытанием и обрести остатки своего племени.

— Будет так!

Паутина привычно окутала десяток- и Ворон окунулся с головой в карусель боя. Все было, как предсказала мать- первые минут десять они бились почти на равных — а потом словно нити оборвались и каждый из ЧаГуари стал подобен одному пальцу, отсеченному от кисти. Каждый из них двигался, но это уже был не монолитный десяток, а десять воинов, сражавшихся каждый сам за себя. Из ЧаГуари было трое убитых, пятеро раненных- и два из них довольно тяжело. Остальные отделались побоями. ОлМаари отделались легкими порезами и мощными синяками- дел на пятнадцать минут для целителей сотни.

— Теперь ты можешь стать вождем, ОлМаари- но только можешь. Если они не пойдут за тобой...

— Я понимаю, Мать всех оркхай. Но я буду убедителен- очень убедителен!

Давно осела пыль после сотни однорогов этого странного ОлМаари, а древняя все смотрела ему вослед. Странные стали оркхай и странные времена наступали- но на все воля первой матери и древняя вновь покорялась Ей.

Глава 34. Время умирать

— Время умирать, брат! Три сотни коротышек для нас- слишком много!

Истощенное войной племя ОлМаари плотно прижали к ущелью- и выхода не было. Забраться на отвесные скалы с кибитками, детьми и однорогами- нереально. Как и прорваться наружу из этой ловушки. Веками резались коротышки и приграничные племена оркхай- и, похоже, сегодня недомерки поставят окончательную точку всамо существовании племени ОлМаари. Оркхай было больше- сильно больше, но из шести с лишним сотен оркхай боеспособных воинов осталась едва пара десятков. Изможденные долгим бегством женщины и дети оружие поднять могли- но не более того. Две сотни панцирной пехоты недомерков- это серьезно. Даже для оркхай- серьезно. А еще и сотня железноруких- сотня, катящая десять метательных машин. Три сотни свежих отборных воинов против шести сотен изможденных войной и преследованием оркхай — это безнадежно. Все одно к одному- сначала ОлМаари сцепились с проклятыми ЧаГуари, что давно точат клыки на их родовые земли. Много крови с обеих сторон- но это привычно, да. А потом, словно ожидая их появления в определенное время и в определенном месте, на потрепанное племя налетели коротышки. И загнали их прямо в эту каменную кархоловку! Темная! Им бы хоть декаду передохнуть и зализать раны- и тогда даже сотня оркхай- те, кто лежат сейчас в бреду, истекая дурной кровью- разметала бы проклятых недомерков. А сейчас- однороги выдохлись и оркхай тоже выдохлись. Племя ОлМаари, словно раненная копьём лакха, настигнутая охотником, выставило рога и приготовилось к своему последнему безнадежному удару.

Две сотни панцирников перекрывали ущелье довольно тонкой цепью. Будь у оркхай хоть сотня всадников- вполне возможно было бы порвать такое окружение и уйти в степи. Но изможденные оркхай на еле живых однорогах- нет, это была бы атака мертвецов. Да и как бросить полуживых женщин и подростков- а их было большинство?

— Повозки в цепь! Шаман, будь готов! Сегодня мы будем умирать!

— Не жди многого от стоящего на грани, вождь. Но все, что осталось в этом иссушенном теле я вложу в дело.

— Сделай, что сможешь, говорящий с предками. Прихватить хоть десяток коротконогих- и мы уже уйдем не зря.

— Оркхай! Хочу говорить с вождем оркхай! — гном на удивление чисто выговаривал слова- без напряжения и почти не коверкая. Коротышка смело шел под натянутые луки оркхай, словно идущий за ним знаменосец с пурпурным флагом был для него незримым щитом. Остановившись ровно между изготовившихся к бою оркхай и гномов, коротышка вновь зычно гаркнул:

— Оркхай! Хочу говорить с вождем оркхай!

Шаман ОлМаари тронулза плечо вождя:

— Нужно время. Иди. Пустьнедомерок тратит слова- воинам нужно хоть чуть-чуть отдышаться и собраться с силами. И мне тоже нужно время. Иди. И выслушай.

Покрытый шрамами оркхай со своим знаменосцем двинулся навстречу закованному в вороненый доспех гному.

— Приветствую, вождь оркхай. — в голосе ни злости, ни торжества, ни насмешки- лишь серая степная пыль и усталость.

— Приветствую и тебя, воин.

— С тобой говорит КоггДаДарри, вождь клана Базальтовой Скалы! — голос знаменосца был исполнен гнева. Переговорщик поднял руку, обрывая возмущенный крик, снял массивный шлем и устало улыбнулся.

— Он лишь хотел сказать- ты можешь говорить со мной, как с равным, вождь оркхай.

— Кровь между нами, гном.

— Верно, оркхай. Кровь между нами. И мы не сможем простить, и вы не забудете. Прошли века- но мы так и не стали добрыми соседями, оркхай.

— Стоит ли тогда тянуть время?

— Тебе решать. Я предлагаю честный поединок, оркхай. Топор против секиры. Каждый в своем доспехе.

— И что? Я смогу выиграть жизнь для моего народа?

— Нет. Конечно же, нет. Но мы выпустим их из западни. Сутки. Отдых и дневной переход. Мы будем стоять на месте сутки и не тронемся ни на шаг. А они- они вольны будут идти, куда им вздумается. Твоя жизнь- против шанса для твоего народа.

— Но каковы условия для них, если я проиграю?

— Никаких. Ты просто умрешь, вождь.

— Почему так?

— Не понимаешь? Они идут за тобой, они сопротивляются, потому, что ты смотришь на них. Убить тебя — и они опустят руки. И получат хоть какой-то шанс выжить.

— Стоит ли она того — такая жизнь?

— Или решай сам — или предоставь решить Отцу.

— Мы поклоняемся Матери!

— Все мы в руках Предков, оркхай. Не веришь в волю Отца- проси участия Матери — мне все равно. Я готов убивать воинов оркхай- но убивать истощенных детей и женщин- нет, в этом нет чести. Слишком мерзко.

— Ты славный враг, гном из клана Базальтовой Скалы. Будет поединок.

— Ты славный враг, оркхай из племени Золотой Бабочки. Я даю тебе немного времени. Решай свои дела и готовься- трубы вызовут тебя.

Гном легонько кивнул и развернулся к своим, подставляя незащищенную спину. Пренебрежение? Нет. Уважение. Я верю тебе, оркхай — ты не ударишь подло.

— Что решили, вождь?! — шаман подбежал к вернувшимся первым.

— Что решили?

— Будет поединок. Если Мать будет благосклонна- мы получим свободный выход и один день.

— А если ...

— Ему хватит и того, что он отправит меня к предкам. Он, отчего то, верит, что без вождя оркхай не станут сопротивляться.

— Сдается мне, он не так уж и неправ...

— Что?!

— Пей! Это последние из укрепляющих отваров- надолго не хватит, но кое-какое время у тебя будет. Нужны орехи и сало!

— Опять?!

— Молчи! Сильно набивать желудок перед боем нельзя- а энергии для должной работы отваров нужно будет очень много! Разжевывай тщательнее и глотай! Пусть хоть через силу!

Челюсти покрытого шрамами оркхай работали все активнее- укрепляющий отвар

вызывал адский голод и даже смесь сала и лоснящихся маслом земляных орехов не казалась уже такой отвратительной. Жены вытащили из повозки доспехи и оружие- этого добра у вождя было в избытке- но сейчас нужно было самое лучшее. Шлем, наручи, наплечники, поножи и наколенники- очень скоро оркхай был защищен не сильно хуже, чем закованный в полный доспех гном.

— Стоит ли торопиться, вождь? Солнце жаркое и в броне ты изойдешь потом...

— Молчи, женщина! Действие отвара не бесконечно... рев труб заглушил слова шамана, а вождь вскинулся, подобно боевому однорогу.

— Пора! Взгляни на меня, Первая мать- я встал на Грань и иду по ней!

Гном и оркхай сошлись. Коротышка заметно проигрывал в росте- но необъятной ширины плечи делали его массивным даже на фоне небольшого оркхай. А гномий топор на длинной окованной рукояти и вовсе сводил преимущество роста оркзай к минимуму. Мощные удары оркхай, принимаемые на щит, казалось, проходили для толстого гнома бесследно- закованная в темный металл фигура оставалась недвижима. Гном огрызался резкими опасными тычками, орудуя топором, скорее, как коротким копьем. Надо сказать, такая необычная тактика приносила ощутимый результат. Бритвенно- острое лезвие соскальзывало в стыки составной брони оркхай и оставляло ощутимые резы, сочившиеся темной кровью. Каждый такой результативный выпад встречал горестный вой оркхай и торжествующий рев гномов. Впрочем, и для гнома все было не так, чтобы радужно. Работающий в режиме бешеного дровосека оркхай уже изрядно отбил бок и отсушил руку- а устроенное гномом кровоупускание отчего-то совсем не оказывало на берсерка эффекта. Каждый из тяжелых рубящих ударов, к в которые оркхай вкладывал всю свою неумемную природную силу, щедро подстегнутую зельями, заставлял теперь гнома отступать или уворачиваться — щитовая рука на каждый такой удар отзывалась дикой болью. Да и весь левый бок, отбитый бешеным оркхай, болел неимоверно.

Гном отступил неловко, скривившись — превращенная в отбитое мясо рука подвела и секира оркхай, скользнув по щиту, наконец, вгрызлась в плоть, почти начисто снеся левую руку гнома. Оркхай взревел, было, торжествующе- но широкая глотка вдруг наполнилась кровью. Гном не спал- когда секира врубилась в его тело, темный топор змеиным языком скользнул к оркхай и перечеркнул его увитое жилами горло. Гном стоял на одном колене, сбросив щит и баюкая почти перерубленную руку. Оркхай, простояв два десятка ударов сердца, тяжело рухнул на вытопанную степную землю. Крики радости гномов смешались с проклятьями и стонами отчаяния оркхай. Племени ОлМаари пришло время следовать за своим вождем. Время умирать.

Глава 35. Атака мертвецов

Горестный вопль оркхай стих, словно откатившаяся морская волна, обнажившая мокрую гальку. В звенящей тишине остался лишь дробный рокот бубна, переплетаемый монотонным голосом шамана. Коротышки заволновались — слишком часто сталкивались они с похожими неприятностями. Но их командир был еще в полубессознательном состоянии. Он жадно глотал лечебные зелья и жег бесценные исцеляющие артефакты. Вождь оркхай пожертвовал жизнью своей не зря- он дал своему племени время. Лишенные руководства коротышки медлили- и камлающий шаман все туже свивал нити силы. Боль, жажда, усталость и голод- все сплеталось в плотный тугой смерч. Убивающая жажда, голод, слабость- и боль. Много густой и вязкой боли, что станет основой злой магии. Сердцем же смерча стала смерть вождя- шаман выпил ее всю, без остатка и вдохнул жуткую силу в свое колдовство. Впрочем, и свою собственную жизнь он расходовал сейчас очень щедро. Небо постrojело и нахмурилось. На многое шамана, видимо, не хватило- вместо ледяного проливного ливня закапал теплый мелкий и частый противный дождь, превращающий крепкую землю под ногами в густую, вязкую и скользкую грязь. Ободренные такой неудачей, гномы разразились хохотом, бранью и насмешками. А затем земля превратилась в яд.

Путь по степи труден- вездесущая сухая пыль пролезает почти везде- застывает на коже грязными разводами пота, набивается под доспех и под плотную обувь. Страшнее всего пришлось тем, кто, почувствовав разгорающийся в ногах пожар, немедленно уселся прямо в грязь, сдирая с ноги сапоги. Эти были обречены и уже через мгновение катались по скользкой земле, вопя от оглушительной боли и пытаясь содрать с себя обжигающие до костей черные разводы. Остальным было несладко- но выжить было можно. Магический яд боль причинял жуткую- но это была просто боль. Яд не мог разрушить тело. Лицо горело от пыли, а ступни прижигала забившаяся в сапоги земля- пытка злая, но вынести можно. А вот те, кому хватило ума плюхнуться на задницу и позволить жидкой грязи облепить тело — умерли именно от боли. Полтора десятка гномов — изможденное лицо шамана дернулось и сухие губы растянулись в удовлетворенной улыбке. Полтора десятка врагов будут торить мертвому племени путь к предкам.

— Оркх! — выплюнул он вместе с кровью, теряя сознание. Он отдал себя всего, без остатка.

— Оркх! Оркх! — полумертвые, сочащиеся дурной кровью из плохо обработанных ран, три десятка шатающихся оркхай сомкнув щиты медленно пошли в атаку.

— Оркх! — изможденные женщины, в пробитой и старой броне, вооруженные самым бросовым, каким попало, оружием плотно встали второй линией.

— Оркх! — почти две сотни чумазах, сжимающих в маленьких ладошках засапожные ножи. От усталости страха уже нет- есть только ожидание боли — и ярость. Желание дотянуться и пустить кровь тем, кто убил племя.

— ОРКХ!!! — влетевший в ущелье первым гнедой однорог кажется огромным- словно пылающий камень, запущенный гигантской катапульты, он прошибает просеку в рядах железноруких, расшвыривая коротышек грудью и мощными копытами. Оркхай на его спине работает секирой с невероятной быстротой.

— Оркх! Оркх!! Оркх!!! — огромные свежие звери ревушим потоком сносят остатки сотни железноруких и плавно обтекают наступающие десятки оркхай лишь для того, чтобы

за их спиной перестроиться и вновь идти в атаку.

— Оркх... — в глазах лежащего на земле шамана нет влаги для слез. Над головами влетевшей в ущелье сотни трепещет гигантскими крыльями Золотая Бабочка. ОлМаари — самая страшная тварь Великой Степи. Разгоряченные однороги разворачиваются, едва не снеся копытами женщин и детей. Густой вал запаха звериного пота, разгоряченных мужчин, стали и крови.

— Оркх! Оркх!!!

Приседая на задние ноги, мощные звери вновь бросаются в атаку. Гномы оцетинились копьями- но разогнавшись, оркхай резко останавливаются и, словно единый организм, мечут тяжелые короткие копья.

— Оркх! — строй разбит и тяжелые однороги просто сминают копытами пеших гномов. И посреди этого буйства на огненном коне Он- тот, что привел помощь. ОлМаари! Молодой вождь! Сотни усталых глаз смотрели на него с радостью и надеждой.

— Они бегут, Ворон! Они бегут!

— Плевать на недомерков! Мы здесь не для этого!

— Так трофеи, князь!

— Я не поменяю ни одного оркхай на пару мер скверного металла!

— Хорошего металла, господин! Отличного дорогого металла!

— Ладно- принимай сотню, ГорДан. Но за каждого убитого оркхай- ты мне ответишь!

— Оркх!!!

Ворон с десятком целителей эльфар уже вовсю суетились вокруг изможденных остатков племени. Еда и вода с переметных сум заводных коней исчезали с ужасающей скоростью. Как и целебные зелья — из раненых много было откровенно тяжелых. Трое целителей кружили около изможденного шамана. Хриплый голос его слаб, каждое слово словно царапает ему тонкое горло.

— Если это и есть посмертие- благодарю, Первая Мать. Кто ты, приведший помощь так вовремя? Почему несешь тотем Золотой Бабочки- племени, шагнувшего за грань?

— Я Арре ОлМаари, сын Уны ОлМаари, вождь племени ОлМаари по праву рождения и по решению Матери матерей оркхай и Совета вождей. И тотем свой я несу по праву.

— Потомок императора... Что ж, Арре- теперь уже никто не оспорит твоего права- просто некому. Я принимаю тебя, вождь ОлМаари и приношу тебе клятву...

Шаман говорил еле слышно- но, оказалось, кто-то из оркхай почти уничтоженного племени его услышал- и новость охватила оркхай, словно огонь сухое сено. По лагерю пошел гул, шевеление- и вот уже Ворон смотрит на все шесть сотен оркхай — все, что осталось от процветающего, некогда, племени. Шесть сотен склоненных голов. Шесть сотен полуживых фигур, вставших на одно колено.

— Дай нам щит, вождь, позволь нести твой меч, вождь, прими нашу верность...

В горле першило, но голос Ворона звучно и ясно разнесся по ущелью.

— Я, Арре ОлМаари, по праву рождения, по праву, данному мне Матерью матерей оркхай и Советом вождей дарую племени ОлМаари свой щит и принимаю вашу верность. Все силы свои я приложу к тому, чтобы возродить былое величие племени и напомнить, кто в степи самая опасная тварь. Всем напомнить! Услышь мое слово, Первая Мать!

Плащ полыхнул багровым, а оркхай загомонили восторженно.

— Дело сделано, вождь! — ГорДан скатился с седла, а взмыленного однорога немедленно схватил кто-то из подростков племени.

— Дело сделано! Почти полторы сотни отменных доспехов коротышек. Ну, заляпанных гномьей кровью, конечно- оркхай оскалился кровожадно.

— У тебя с ними счеты?

— Да что ты, вождь. Какие там счеты. Ну- семью вырезали, в шахтах почти пять оборотов гноили, из спины ремней нарезали- дело житейское. Какие счеты!

— Под моей рукой род Вайштайн- род гномов. Сможешь ли ты смирить свою ярость?

— А причем тут изгой? Нет, я воевал не с ними. Изгнанные мне не враги- даже наоборот...

— Ну да- враг моего врага- мне друг.

— Славно сказал вождь! Очень славно сказал.

— Доспехи коротышек сохранить в неприкосновенности- не перековывать и не растаскивать! Особо сохранить машины- следить внимательнее, чем за золотом!

— Но почему, вождь?

— У нас есть отменные гномьи доспехи. И гномы тоже есть. Что будет, если сложить это вместе?

— Создадим гномью сотню?

— А еще- у нас есть Паутина.

— Хирд? Господин, ты хочешь воссоздать гномий хирд?! — в глазах оркхай изумление было просто безграничным. Легендарный гномий хирд- это была бы сила, с которой пришлось бы считаться всем. Неуязвимое войско — секрет гномов, утерянный в веках.

— Да уж, вождь. Ты не мелочишься. Но если только это получится... — глаза воина затуманились мечтой.

— Ты прав, это будет славно. Оркхай — кавалерия, эльфар — лучники и мечники, гномы- тяжелая панцирная пехота.

— А машины, вождь? Зачем нам гномские осадные машины?

— А это, друг мой, как бы и не самое главное. Царица полей — артиллерия.

Глава 36. Власть и сила

— У меня дикое чувство, словно я проваливаюсь в бездонное топкое болото. И чем сильнее я барахтаюсь, пытаюсь выбраться- тем сильнее затягивает меня пучина. Попытка за попыткой- взвешенные, разумные, продуманные- и один крах сильнее другого. Неудача за неудачей. Впору всерьез поверить, что выродка сторожит сама Первая. Темная!

Хаан Аз Хайм, патриарх нового императорского рода, был расстроен. Всего за несколько месяцев идеальный механизм власти, работавший точнее, чем гномский хронометр, вдруг дал сбой. Да что там лукавить- сбой. Нет уж. Попавшая в совершенный механизм песчинка оказалась вдруг крепче алмаза и блестящие шестерни лопнули, разорвав совершенное творение на кусочки. Это было больно.

Хаан Аз Хайм действительно любил власть. Не до одури и не до злоупотреблений- ему это было не нужно. Он не носил вычурных одежд из редких тканей и не навешивал на себя груды артефактов, золота и драгоценностей. Дорогое вино и изысканная еда- пожалуй, но это могли вполне себе позволить и люди сильно меньшего веса и достатка. Власть была для Хаана удобным инструментом. И пользовался он ей виртуозно и на благо своего Рода — ну, и остальных эльфар, которые пусть и не родовичи- но, как никак, эльфар. Свои. А потому всегда соблюдался баланс- и сам Хаан железной рукой одергивал своих же родичей, стоило им всерьез пересечь границы интересов других родов. Недовольство было- но на уровне лениво — привычного дежурного взрыкивания двогового гайса. А потом- словно землетрясение и привычная картина мира вдруг разлетается цветными массивными осколками. Темная! Власть. Власть удержать удалось- мало того, власть поднялась на невиданную доселе высоту. И что? Потери также были огромны.

Дикая равнина- огромные земли, которых было очень и очень жаль. Пусть там и не было ничего, особо уж серьезного- десяток баронств по полтысячи душ да два-три городишки по тысяче. Но земли! Земли несли золото. Налоги за год потеряны-, впрочем, славно, что Серые удовольствовались этим- играть с ними было так же глупо, как с одним ножом напасть на махайрода. Зря их вообще впутали. А полукровка- нет, он не остановиться и попытается «забрать свое». Темная! Уже добрый десяток раз он должен был умереть- и все мимо! Серые- мимо, оркхай- тоже мимо. Подставляли лучших мечников, на счету которых был не один десяток трупов- но он, пластал приведенных на убой своей огромной секирой словно мясник, разделяющий лакху. И пусть он еще ни разу не огрызнулся- но ведь он МОЖЕТ! Может решить в любой момент, что все- хватит терпеть. И вот тогда- а насколько хватит удачи самого Хаана, если Серые придут за Ним? Или они придут за ублюдком Эрдором? Это вряд ли- Хоран явно знает, кто кукла, а кто дергает за нити.

— Оро! — щуплая фигура склонилась в привычном поклоне.

— Расскажи мне о... нем.

— Да, господин. Ну, в общем все три клана оркхай отказались от обязательств. Его признала законным вождем Мать Матерей- а ее слово священо для всех оркхай. А оркхай не убивают оркхай без очень веской причины. А любые желания чужаков в таком деле- это степная пыль. Золота, впрочем, тоже не отдали.

— Как так?

— Ну, мол, мы сами умом скорбные, если просим одного оркхай убить другого оркхай.

— Но деньги-то они взяли?

— А тогда еще полукровка не считался полноценным оркхай...

— В общем, не вернут.

— Яснее дневного света-не вернут. Это не Серый клан.

— Да уж. Впрочем, там и суммы то- не как у Серых. Не обеднеем.

— Это верно, господин. Дальше- полукровка собрал изгоев-гномов под своей рукой и позволил им основать род.

— А вот это славно! Зря, он так, дурачок, очень зря. Правитель коротышек не простит. А мы сможем это использовать- ох, как ловко мы сможем это использовать! Гномы- отличные и злые вояки. Полукровке придется здорово покрутиться- и, вполне может быть, что хоть теперь он не вывернется. Ну не может же быть его удача бесконечной. И что там с этим родом гномов?

— Строят. — флегматично пожал плечами Оро.

— Подробнее! Что мне из тебя все тянуть-то приходится! Строят что?

— Так город и строят! Замок на тысячу солдат- хотя по рассказам тех, кто строит — в таком замке и пять и десять тысяч разместить можно свободно, да. Ну, еще и посад, конечно,

— Гномы? Это изгой ему строят? Нет, какие-никакие- но гномы, эти действительно построят. Но только сколько они это все будут строить?! Три жалкие сотни, пусть и гномов...

— Почти четыре тысячи уже.

— Да как так-то?! Четыре тысячи гномов! Это же целая армия! Целый Род! Темная! Это как? Это откуда?!

— Ну тут только Тахем виноваты. Подключили все свои связи- и скупили всех рабов-гномов разом. И у нас в империи, и на островах у драков, и у оркхай- а уж у тех то коротышек в полоне много было. Очень много. Постоянная война же.

— И всех их загоняют в новый род? Насильно?!

— Ну нет, полукровка далеко не так глуп. Когда последний камень ляжет в стены Хоран-о-ном...

— И тут не смог без нарушения всех традиций! Город эльфар, построенный гномами! Тьфу!

— Город не совсем эльфар, господин...

— Что?! Подожди! Снова не понимаю...

— Посад разделен на равные части...

— Он хочет поселить эльфар, оркхов и гномов бок о бок?!

— Ну, у нас же живут наемники...

— У нас им запрещено иметь землю и покупать дома! Они живут- но лишь временно! А если позволить им пустить корни... Темная! Что творит этот ... выродок! Что он творит! Дальше!

— По непроверенным сведениям он нашел остатки своего племени — всего около тысячи.

— Наберет изгоев- и будет тебе и десять тысяч. И двадцать!

— Не так все просто, господин. Изгой гномов- это одно. Гномы очень строги к себе и часто то, что для нас и не вина вовсе- для них неприемлемо.

— Например?

— Например, изнасилованную похищенную не примут- должна умереть. Попавший в плен тоже до конца жизни не отмоется- даже если проявил истинную доблесть и был

захвачен раненым или вовсе беспамятным. Или вот- не стал учить ремесло отца. Отказался идти в войско. Девку сманил нечестно- выпнут обоих. Да мало ли.

— Ты хочешь сказать, что по нашим меркам, изгой гномов вполне нормальные разумные? — Оро кивнул.

— Большинство. Есть невеликая часть совсем уж потерявших границы — но их очень мало.

— Это почему?

— А таких они и не изгоняют- решают на месте.

— Лихо...

— Да, господин.

— А у оркхай, значит, не так?

— Не так, господин. У оркхай, чтобы изгнали, надо вытворить уж совсем непотребное- там и с девками попроще и каждый мужчина- воин, а воинам позволено... Много что позволено. А проливать кровь соплеменников оркхай не любят. И потому- изгой у них это...

— Понятно. Так может- им предложить?

— Кхм. Изгой оркхай- это, все же, оркхай. А проливать кровь соплеменников, господин...

— И тут пустоцвет. Ладно. Плевать на животных! Город. Ты говорил, он строит город! Надо бы не позволить ему...

— Как, господин? Скала, из которой строят город и гора, которую полукровка подарил гномам, были на землях двух баронств. Один из них вылез с правами на захваченные земли...

— Так! И что?

— Новый барон там теперь из Рахим. А недоумка вызвали по всем правилам и просто зарезали на поединке. Рахим его вполне честно зарезали.

— А второй?

— Как карх под веником сидел. Потом выполз- и начал подвозить продукты, лес, разную мелочевку. В общем, нашел эльфяр свою золотую жилу и про потерянный кусок камня уже и не вспоминает и не жалеет.

— Тахем купили.

— С потрохами купили, господин.

— Ладно. Но если мы промедлим- гномы поднимут башни и стены и выбить оттуда даже пять тысяч...

— Поздно, господин. Подняли уже башни и стены...

— Но как?!

— Почти четыре тысячи гномов рубили камень день и ночь- и ты спрашиваешь меня- как, господин? Когда последний камень ляжет в стены Хоран-о-ном- каждый, кто принес хоть горсть песка, обретет свободу. Я вообще очень удивлен, господин мой, что эти коротышки провозились так долго...

Клан Огненных скорпов

— Я не отвечу тебе сразу, ОлМаари. В твоих словах есть резон- это правда. Не предлагаешь ты- небывалое. Огромный седеющий уже оркхай растерянно качал головой. Надо же было выдумать- обменять родовые земли ОлМаари на земли Скорпов. Удивительно. Удивительно было и то, что шаман ОлМаари безмолвно сидел за плечами нового вождя и лишь согласно кивал, когда этот странный полуэльф предлагал это. И это шаман- хранитель традиций.

— Это не небывалое, Скорп- вдруг подал голос шаман ОлМаари.

— Веками так было между соседней- если одно племя приходит в упадок, а второе растёт- то оркхай сами уступали соседу часть пустующей земли. Веками так было.

— Так то соседи! А что предлагает ОлМаари?! Их владения на другом конце Великой Степи! Да еще и рядом с недомерками! Нет, на коротышек плевать- это даже хорошо. Оркхай должны расти воинами.

— И это верно, вождь. А что здесь? ОлМаари взяли под руку эльфар и приняли их в племя. Резаться с ними- все равно, что убивать оркхай- мать не одобрит.

— Темная! Здоровенный оркх от огорчения сплюнул.

— И здесь ты, Олмаари, сотворил небывалое! Принять в племя эльфар- это...

— Мог ли я отказаться от наследства своего отца? — мягко, но требовательно спросил Ворон, твердо глядя в глаза вождя Огненных скорпов.

— Скажи, вождь- ты бы оказался? Бросил бы тех, кого должен вести по праву рождения?

— Темная! Как с тобой сложно, ОлМаари! Как с тобой все запутанно, сын императора эльфар! Мы всего лишь хотели перемирия...

— А разве сейчас война? Разве сейчас я не сижу гостем в твоём шатре? И мы не пьем с тобой лучший эльфарский вайн, как добрые братья?

— Это да- довольно усмехнулся оркх, сделав здоровенный глоток.

— Вайн у остроухих знатный.

— Скажу и я, вождь- вдруг проскрипел из-за спины вождя скорпов самый древний из трех шаманов.

— Скажу и я. Племя растёт- растёт молодняк и растут неприятности. Стычек с соседями все больше- и все чаще они заканчиваются кровью- оркхайской кровью. Пока были эльфар- резались с эльфар. Что станет теперь? А молодняк растёт. Стада наши скудеют- уже те, что есть- живут впроголодь. Пастбища слишком малы- трава не успевает расти. Соседи? Пустынные кархи тоже теснятся — да что говорить- ни один из наших соседей не сможет дать нам ни клочка земли ни глотка воды, не вырвав этого из глотки своих оркхай. Это про соседей. Дальше- полтысячи ОлМаари не смогут защитить огромные родовые просторы от коротышек. Если только отвести туда эльфар- но молодой ОлМаари не может бросить и наследство матери. Скажи, вождь- можем ли мы, Огненные скорпы, допустить, чтобы часть Великой степи топтали короткие ножки недомерков?

— Нет! — в реве оркхай звучал настоящий гнев. Видимо, дряхлый шаман больно ткнул в какую-то старую, но не зажившую рану.

— Нет!

— Твой брат, ОлМаари, пришел к тебе. Твой брат ОлМаари увидел, что ноша его превышает его силу- и не стал в глупой гордости доводить до того, чтобы исконные земли оркхай топтали гномы. Нет. Он пришел к тебе и сказал- брат мой, мне нужна твоя сила. Брат мой, возьми ношу мою- она слишком тяжела для меня. Брат мой, у тебя есть сила, у тебя есть десять тысяч луков, десять тысяч топоров, десять тысяч щитов- так дай щит нашей общей земле, земле оркхай, Великой Степи. Не о выгоде ты говоришь с ОлМаари- о долге! Шаман усмехнулся.

— Впрочем, ты, конечно, можешь отказать- но как посмотрит Первая, если то, что она дала оркхай, будут для них мечами защищать эльфар...

— Что?! Что ты несешь, старый?! Оркхай развернулся мгновенно, словно гиганская кошка и яростно уставился на высохшего от старости шамана. Тот лишь разразился кашляющим смехом:

— А кого поставит ОлМаари стеречь границы Степи? Детей? Или баб? Или те две десятка полуживых урукхай, оставшихся от всего племени? Нет. Если мы откажем- он поведет туда эльфар. Верно, молодой вождь?

— Верно, древний. Коротышки, как не крути- это сила- и сила великая. Защитить родовые земли племени я обязан- и буду защищать с теми, кто есть. ОлМаари оскудели и у меня просто нет выбора...

— Ладно! — огромный кулак грохнул по тяжелому напольному столику так, что массивные серебряные кубки поскочили, едва не расплескав драгоценный вайн.

— Ладно. — проворчал громадный оркхай уже спокойнее.

— Я слышу тебя, ОлМаари. Я вижу твою беду, я слышу твою просьбу. Пусть небывалое. Пусть. Если это нужно ради моего народа- пусть будет так. Если это нужно, чтобы сохранить Великую Степь- будет так! Если это нужно племени- будет так. Только ты, вождь и твой шаман и вы — он метнул злой взгляд на своих шаманов:

— Вы тоже, кархи сушеные. Вы тоже не отвертитесь. Нет уж. Мы все поедем к КаджуроОрОркх и пусть сама Мать Матерей оркхай примет решение. Ей будете рассказывать, кархи сушеные. И ты, ОлМаари- тебе придется разговаривать с ней- и про долг, и про защиту. А для меня все это слишком уж... Небывалое.

— Ты мудр, вождь Огненных скорпов. — Ворон дружелюбно улыбнулся, доверху наполняя кованные кубки.

— Ты мудр. Племя примет слово Матери Матерей оркхай, словно повеление самой Первой матери. Так будет лучше всем. Выпьем.

Огромный оркхай ухватился за кубок, словно за спасательный круг — словно эта кованная серебряная посуда была решением всех проблем. Впрочем, переложить решение на Мать Матерей- это тоже вполне себе решение. Поставив на стол пустой кубок, вождь Огненных скорпов ненадолго задумался — а потом, вдруг, разразился множеством вопросов. Ворон, как то незаметно, оказался отодвинут в сторону. К нему не проявили ни малейшего неуважения- просто вопросы эти были ему незнакомы. Если про путь до родовых земель ОлМаари он еще мог хоть что-то сказать- как очевидец, то про особенности этих земель... Впрочем, волшебным образом материализовавшийся в шатре ГорДан мгновенно предоставил пару возрастных оркхай из ОлМаари, обстоятельно отвечавших на самые заковыристые вопросы. Влился в беседу и шаман. Ворон кивнул- мол, выйду на воздух- и, раздвинув тяжелые полы шатра, выбрался наружу. Полной грудью он с удовольствием вдохнул свежий воздух Великой степи, наполненный ароматами разнотравья.

— Все получится, вождь. Все получится. — негромкий голос, прижавшаяся к спине женщина и нежные руки, обнявшие его.

— Тай! — он обернулся, улыбаясь, глядя в ее чуть смущенное лицо.

— Ну раз уж начала- как у нас дела, милая?

Улыбка сошла с лица, сменившись сосредоточенностью.

— Рахим и Альвари, как и было оговорено, обеспечивают безопасность. Еще, как мне известно, они подмяли пару баронств — впрочем, такая сила- это было ожидаемо. Насколько мне известно, устроились они уже вполне комфортно — места хватает.

— Гномы?

— А что гномы? Вначале сколотили казармы, а сейчас уже — часть обживает посад, другая часть закапывается в подаренную гору.

— Стоило ли позволять им это до окончания строительства?

— Тут сошлись и партиарх и Аюми- стоило позволить гномам начать работы в их горетак и наш город стал расти, как тесто в жару.

Ясно. Ну, доверимся Тахем.

— И Рахим, господин. Обе твои жены ожидают тебя в твоем новом городе. Ида очень скучает по тебе- и даже непоседливая Аюми, которую ты осчастливил такой прорвой работы, будет счастлива твоему вниманию.

— По Иде я, действительно, соскучился- а Аюми замужем за нашими богатствами.

— Не думай о ней плохо, господин- Аюми не предаст. А если предаст...

— Тай. — он легонько провел по ее щеке и словно стер из ее глаз настороженность и раздражение.

— Я счастливица, муж мой- еле слышно прошептала жена, пряча лицо на его груди.

— Ида многое бы отдала, чтобы поехать вместо меня с тобой.

— Да ну? Глотать пыль, трясясь на однорогах, а потом то мерзнуть, то изнывать от жары в тесной палатке? А кровососы? Я каждый вечер натираю травами здоровенного однорога- потому, что иначе Огонек просто взбесится. Натираю травами здоровенного однорога! Причуды Великой степи мне уже поднадоели.

— Обычный полевой гнус- пожалала плечами Тай

— Твой Огонек, муж мой, просто неженка. Ты слишком добр к нему. Ты слишком добр.

Он перебирал ее волосы, а она, спрятав лицо на его груди, обнимала его крепко-крепко.

— Я люблю тебя, Тай. Я люблю тебя, жена моя- прошептал он ей на ухо. Она вздрогнула, словно от удара. Он кожей вдруг почувствовал ее слезы. А потом услышал еле слышный шепот.

— Я люблю тебя, муж мой. Я люблю тебя...

Глава 38. Награда за предательство

Великая степь.

Гномы принесли весть- и весть эта была радостной. Коротконогие прислали гонца- остатки племени ОлМаари откочевали вместе со своим новым вождем и предгорья теперь пусты. Ясно, что коротконогие не торопились нести весть своим союзникам ЧаГаури и застолбили для себя кое-какие куски- но и это было оговорено. Важно было главное- план сработал. И огромные земли ОлМаари теперь без хозяина. Ну, пока без хозяина — но это точно ненадолго! Оседлав перевалы и предгорья ЧаГаури много поймеют и с коротконогих и с тех, кто решит торговать с коротконогими. Проклятые ОлМаари держались почти два десятка лет- нолюбая дорога приходит к концу. Это была победа- это была великая победа! Оставалось сделать еще кое-что. Кое-что очень важное. Кое-что, после чего никто не станет больше перечить вождю. Некому будет перечить.

— Я говорил, что вожди зря прислушиваются к вам, выжившие из ума старые пеньки. Шаманы! Плуты и скоморохи- вот вы кто. Почему мы- воины- так возмемся с вами, бесноватые жулики?! Мы вас кормим, даже в голодное время вам достаются лучшие куски- и что?! Что ты, старый дурак, все каркал мне, словно предвестник темной? Не вредить ОлМаари, не связываться с недомерками- и что? Что вышло?! Да, ОлМаари крепко пустили нам кровь но где они сейчас, эти ОлМаари?! Поджали хвост и убрались! Вместе со своим новоявленным вождем- полукровкой! Кинуть родовые земли- Первая, какое унижение! Что скажешь мне теперь, трухлявое ты бревно?! Где они- эти великие беды и огорчения?! Или бедами ты называл бескрайние предгорья?! Или я должен рыдать от огорчения, что не вижу края своих новых владений?! Ты бесполезен, старик- вся ваша свора бесполезна.

— Я услышал тебя, вождь ЧаГаури. — проскрипел белый от седины оркхай. И четверо, сидящие за его спиной слитно качнули головами в уродливых капюшонах. Впрочем, шаманы всегда держались заодно- в любом племени.

— Вот оно как. — задумчиво произнес ЧаГаури, поглядывая на шаманов с откровенной угрозой.

— Вот оно как. Не мой вождь, а вождь ЧаГаури?! — в голосе вождя прозвучала ярость.

— Именно так. Тебе не нужны мои советы- ты сказал, тебе в тягость содержать шаманов- опять ты сказал. Шаманы не вещь племени- то, что шаман рождается в племени- благо- но раз мы в тягость племени ЧаГаури — мы уйдем. И еще я скажу тебе- ты глуп и не видишь дальше своего носа, пока еще вождь ЧаГаури.

— Что?! Что ты там прокаркал, плешивый гайс?! Чтоб духу вашего! Сегодня же до полуночи! Прочь, плешивые твари! Прочь!

Вождь ЧаГаури буйствовал, тщательно скрывая в глазах искорки удовлетворения. На волне великого успеха- а как еще назвать то, что огромные владения ОлМаари остались без хозяина- вождю простят многое. Да и изгнание шаманов простят- нет времени на пустые хлопоты- нужно делить бескрайние пастбища между семьями. А потом... А потом вождю не нужно будет уже оглядываться на кого-то. Вождь будет решать все сам.

Недельный той удался на славу. Рекой лился и вайн и хмельное молоко кобылиц. Оркхай гуляли, не зная меры. Во хмелю хохотали над недоумками в балахонах- все пять шаманов племени покинули стойбище в первый же день праздника. То один, то другой все порывались откочевать на новые места- но вождь держал всех стальной рукой- не дело

делить пастбища без его слова. И ни один глава семьи не покинул щедрого стола- вызвать гнев почитаемого и удачливого вождя — что может быть хуже. Наконец, закончился и праздник. Многочисленное кочевье поднималось медленно и тяжело — словно огромный, неуклюжий и неповоротливый зверь. Еще пару дней неспешного пути- весть застала в самом центре родовых земель, а угожья ЧаГаури были совсем не малыми.

И на самой границе их вдруг встретил разъезд- сотня оркхай в полном военном облачении с шаманом на здоровенных и сытых однорогах. И Огненный скорп, развевающийся над головами. Темная! Пока ЧаГаури потерянно молчали, воин скорпов властно заговорил.

— Кто вы и зачем вторгаетесь на родовые земли Огненных скорпов?! Поднимите тотем, захватчики, чтобы я знал, на кого опутиться мой топор.

— Я-вождь ЧаГаури и по праву соседа я беру под свою руку оставшиеся без хозяина земли! А вот ты, скорп — по какому праву...

— Без хозяина?! О чем ты?! СамаМать Матерей оркхай уже семь дней назад повелела оскудевшим ОлМаари и благополучным Огненным скорпам поменяться угожьями. Или шаманы твои не донесли тебе весть? Не беда- Мать дала нам несколько т-атдари, созданных ею — любой из твоих шаманов узнает ее силу и ее слово. Призови своих думающих- и мы решим это дело миром.

— ЧаГаури не подчиняются более шаманам!

— У вас нет шаманов?! Вы ТАК оскудели?! Так о чем мне вести с вами разговор?! Пошли прочь, неразумные!

— Ты говоришь с ЧаГаури, скорп! Пока-словами, но можем поговорить и на топорах!

— Жалкая тысяча топоров ЧаГаури против десяти тысяч топоров Огненных скорпов?! Это будет короткий разговор- но если ты хочешь начать- начни! — в голосе молодого урукхай не было и намек на испуг- лишь уверенность в своих силах и презрение к заведомо более слабому врагу.

— Ты говоришь, ЧаГаури, что вы были добрыми соседями ОлМаари?

— Да!

— Когда мы вошли на эти земли- мы вырезали почти две тысячи недомерков и разметали шесть крепостей этих землероек. Если оркхай не может защитить свои земли-он их не достоин. Или ты сам позвал коротыше на эти земли, ЧаГаури?

— Думай, что говоришь!

— А то- что? Ты слишком слаб, чтобы грозить мне, плохой сосед. Впрочем, скоро наши молодые воины закончат с недомерками, загонят их за перевалы — а потом испытают и твою дерзость. Сейчас- убирайся, ЧаГаури! Стоит шаману дать сигнал- и двадцать сотен поскачут мне на подмогу. И Великая степь забудет, что ЧаГаури когда- то были в степи. У тебя ни силы, ни разума ЧаГаури. Забирай своих баб и уезжай.

Красный от унижения, ЧаГаури разворачивал огромный караван. Племя откочевало на полдня пути и расположилось на дневку у широкой реки. И главы семей пришли к вождю с вопросами- со многими вопросами. Потому, что то, что произошло совсем не было похоже на победу. Вместо свободных земель едва не получили новую межплеменную войну. Вместо малочисленных незаметных и безобидных ОлМаари, у которых полегоньку отжимали земли — вдруг многочисленные яростные и дерзкие Огненные скорпы, которым вполне возможно, вскоре станет тесновато даже на огромных землях ОлМаари. И вот тогда теснить начнут уже самих ЧаГаури! И с шаманами вышла серьезная промашка. Не подумали, что без них не

получить и не передать Весть. Даи уважать племя без шаманов не будут- скорп наглядно это показал. Темная! Проклятые ОлМаари! Не могли тихо сдохнуть! Вс из-за них! А недомерки? В какую они впадут ярость! Подумать только- отборные части, только начали окапываться и строить укрепления- и десять тысяч оркхай обрушиваются на них со всей орхской яростью! Темная! А ведь коротышки вполне могут решить, что это подстава! И подставил их добрый партнер ЧаГуари! Нельзя было связываться с коротышками, нельзя! И ведь сказал бы кто...

А ведь говорили! Говорили, кархи сушеные! И что с недомерками дел не иметь- говорили. И что ОлМаари принесут большие проблемы- говорили. Пока еще вождь ЧаГуари сделал первый шаг к своему падению- он наполнил здоровенный кубок крепким вайном и выпил залпом. Пусть алкоголь не решает проблем- но ЧаГуари рад был и просто забыть о своих проблемах хотя бы на день. Это было плохое решение- но другого у ЧаГуари не было.

Глава 39. Договор

Родовой замок Хайм

Архитектурно-парковый ансамбль родового гнезда Хайм занимал почти два гектара лучшей земли — но поражал воображение совсем не размерами. Высокое искусство эльфяр проявилось здесь во всем своем великолепии. Сам путь до замка по роскошному парку больше напоминал экскурсию. Изысканные фонтаны самой причудливой формы, тенистые потаенные беседки, изящные статуи, увитые изумрудной зеленью, завораживали. Ажурные белые башни, устремленные в небо, делали огромный лесной замок изящным и невесомым. Сегодня в сердце владений Хайм царило необычное оживление. Сегодня Хайм принимали удивительных гостей и потому сбился с ног и обслуга и безопасность. Сын короля гномов и вождь оркхай- когда такое бывало?!

Сын короля гномов был молод- очень молод. Невзрачный, плотно сбитый, сероглазый крепыш- если бы не роскошные одежды- взгляд на нем и не задержался бы. Гном он и есть гном- один из многих тысяч. Он был молод даже по меркам короткоживущих- едва-едва минуло двадцать циклов. Но Хаан Аз Хайм был доволен- за спиной мальчишки стояли несколько седобородых. Явно для того, чтобы подсказать в нужный момент. Они и будут принимать решение, которое вложат в уста мальчика королевской крови. И это вполне разумно. Мальчик и высокие переговоры «проведет» — и лишнего не натворит. Разумно.

Но если с гномами все было спокойно- то оркхай откровенно бесили патриарха и он уже много раз пожалел о том, что связался с этими животными. ЧаГуари вели себя в замке, словно захватчики. Требовательно и нагло. От них была прислуга и их крови жаждали все полсотни садовников. Помочиться, не сходя с белокаменной дорожки или со вкусом справить нужду под понравившимся деревом — что может быть естественнее для воина свободной степи. А в ответ на самое невинное замечание- ярость и крики о свободе истинных оркхай, которые снизошли до союза с презренными эльфяр. Эльфар мгновенно хватались за хиссы и только милостью Первой матери эти стычки еще не окончились большой кровью. Впрочем, все в прошлом. Сегодня, наконец, решится вопрос о союзе в войне с проклятым выскочкой Хоран. И тогда можно будет уже проводить надоевших оркхай вежливым пинком под зад. А уж потом и отблагодарить за все их пакости, первыми подставив под стрелы отступников. Да, так и надо будет сделать. Хаан тепло улыбнулся, приветствуя входящих ЧаГуари. Отчего не улыбнуться будущим покойникам, что принесут свои никчемные жизни на алтарь твоего дела.

— Эльфар приветствуют тебя, рожденный править народом гор и говорящий от имени правителя горного народа. Эльфар рады видеть тебя в сердце своих земель.

Молодой гном слегка склонил голову в знак уважения.

— Я благодарю эльфяр за гостеприимство. Для меня это честь, а для народа гор- добрый знак.

Лицо его, Впрочем, сохранило ледяную маску- вся суতোлка и напряжение большого приема проходила мимо невозмутимого гнома, не задевая и краем. Мальчика подготовили- и подготовили отлично- мелькнула мысль в голове патриарха Хайм.

— Я приветствую и тебя, славный вождь великого племени ЧаГуари, в сердце земель эльфяр. Будь добрым гостем. Наша земля- твоя земля, наши травы- твои травы, наша вода-

твоя вода. Насупившись от собственной важности, мордатый оркхай кивнул! Не ответил достойно! КИВНУЛ! Словно слуге! Лица эльфар побагровели от ярости, а в глубине холодных глаз молодого гнома заплясала смешинка. С-с-союзнички! Хаан медленно выдохнул сквозь сжатые до хруста зубы и вновь представил себе эти спесивые оркхайские морды, которые станут мясом для хиссов отступников. Туши, наштигованные стрелами Тахем, изрубленные хиссами Рахим и расчлененные магией Альвари. Он представил это себе так ярко, что действительно отпустило. И мудрый политик вновь тепло улыбнулся нарушающим все правила приличия оркхай и продолжил, словно и не было никакого оскорбления.

— Я хочу говорить с вами, великие, о том, что объединяет нас. О нашей общей боли. Я хочу говорить с вами об отступниках. Мы называем его Хоран, тебе ЧаГуари, он известен как ОлМаари.

— Золотая бабочка- прорычал оркхай:

— Да, я хочу его крови!

— И тебе, сын короля народа гор, известен этот разумный. Он тот, кто собирает в единый род ваших изгоев, отступников — Хайм пристально взгляделся в неподвижное лицо гномаи, к радости чвоей, уловил легкую тень недовольства. Задел. А значит надо надавить еще.

— Мне известно, что дети гор относятся к изгоям с равнодушием и безразличием. Но мудро ли это? Уже сейчас ползут слухи о новом роде, основанном не королем гномов, а выскочкой из эльфар. Невиданное дело- эльфар основывает род гномов. Раньше это мог делать только король.

— Мы не признаем Род Вайштайн! — резкий выпад Хайм проник-таки сквозь монолитный панцирь равнодушия гнома и больно ужалил — в голосе гнома отчетливо слышалось раздражение.

— А в этом ли дело, великий? В этом ли дело? — вкрадчивые речи Хайм сочлились медом и патокой. Но жгли, словно кислота:

— Слухи о новом Роде гномов уже расползлись по лесам эльфар и степям оркхай. Слухи о независимом и очень богатом Роде. Этот Род имеет свою гору, это род строит великий город, этот Род с охотой принимает изгоев и все больше и больше твоих подданных, великий, начинают задумываться, так ли страшно изгнание.

— Трон Под Горой стоит незыблемо и названная тобой болезнь слишком ничтожна для него! — сурово обрубил гном, но опытный Хайм в душе улыбался:

— Как ты верно сказал, великий- болезнь! Слухи расползаются, словно болезнь, этот новый так называемый род разбухает, словно болезнь- так не стоит ли выжечь заразу каленым железом, пока эта болезнь не приняла формы самые уродливые? Сегодня их несколько тысяч, завтра- десятки тысяч. Что будет после? Скажи мне, великий, что за Хребтом не ползут слухи о горе Вайштайн, чьи недра сплошь из алмазов и мифрила, а родники текут вайном и медом?

— Всем рот не заткнешь... — дернул уголком рта гном.

— Верно великий. Верно! Но если убрать причину — то и рот затыкать незачем. Наказать наглого эльфар, позволившего себе унижить самого короля народа гор.

— Вы сами назвали его наследником вашего императора. Вы сами отдали ему земли.

Хайм лишь пожал плечами:

— Он имел на это право по рождению. А потом он увел с собой просто огромное

количество эльфар, украл здоровенный кусок территорий у оркхай...

— Украл, ург! Лишенный стыда, украл чужие земли! Я вырву его сердце! Разорву его тело однорогами и разнесу части по четырем сторонам Великой степи! — ЧаГуари кричал, захлебываясь яростью, а гном и эльфар смотрели на него, словно на капризного истеричного ребенка, влезшего в разговор взрослых. Запал прошел и оркхай замолчал. И Хайм продолжил, словно этой выходки и не было:

— Потом вдруг потомку императора возжелалось свой замок- и тут он крупно подгадил и твоему великому отцу да и тебе лично- ну, в перспективе, конечно...

— Я понимаю- лед из голоса гнома никуда не ушел, но сам голос уже не звучал безжизненно- теперь в нем отчетливо звучали тревога и серьезная озабоченность:

— Я понимаю.

— Изгой опасен для нас, изгой опасен для всех вас, принц- даже для оркхай изгой опасен. Мы можем продолжать хитрить, в тщетной надежде, что кто-то из нас троих сам сделает всю работу. Только вот время не на нашей стороне, верно? Мне доложили, что этот новоявленный глава Рода- очень деятельный эль..., кхм, гном. А еще мне доложили, что всех выкупленных на невольничьих рынках гномов, что не изгой, он отпускает без оплаты и даже помогает добраться до Перевалов. Зачем- понятно даже младенцу. Стоит помедлить еще несколько месяцев- и половина твоего войска откажется идти против него. А мы- эльфар-увы, тоже не всеильны.

— Это все ваше порождение! — в холодном прежде голосе принца явственно клокотала ярость.

— Ну отчего же только наше. Он наполовину оркхай, ОлМаари. Да и этот самый Арвад Вайштайн — чуть ли не ваших королевских кровей...

— Бастард!

— Ну, подобное тянется к подобному. Принц! Без хитростей, без уверток, без суесловия и всякой там дипломатии- давай вырвем этот сорняк вместе! Все вместе! Иначе эта травленная колючка, причиняющая с каждым днем все больше беспокойства и боли, загонит нас в землю. Всех нас!

Принц обернулся, требовательно взглянув на троих седых старцев. Один за другим, они еле заметно на мгновение чуть склоняли головы. Совсем незаметно, если не ждешь — но Хайм ждал и душа его возликовала.

— Мы выставим войско, союзник эльфар.

— И оркхай, эй! Не забывай оркхай! ЧаГуари могучие воины- и нет числа воинам ЧаГуари! Когда ты увидишь орду-сердце твое станет трепетать, гном!

Хаана Аз Хайм бросило в ледяной пот- вот сейчас этот молодой мальчик взовьется- и тупыми оркхай придется пожертвовать- ибо если из-за Хребта выйдет вся армия гномов... Страшно представить.

— Мы выставим войско, союзник оркхай! Сражаться рядом с такими славными воинами- радость. — голос гнома бесстрастен, но в глазах его Хаан увидел понимание. Понимание роли оркхай — роли жертвенных коа. А потом молодой гном перевел взгляд на стоящих перед ним эльфар — и ничего в его глазах не изменилось.

Глава 40. Подготовка

— Даже тебе, вождь, я не смогу выдать серета военных машин гномов...

— Этих, что ли? — Ворон с усмешкой любовался ошарашенным лицом гнома Арвада Вайштайна — новоявленного патриарха Рода Вайнштайн. Тот потрясенно обходил два десятка метательных машин, небрежно стащенных здоровенными оркхай во внутренний двор гранитной крепости.

— Секрета особого я тут, конечно, не вижу- ну да ладно- не выдавай.

— А как же...

— Не понимаешь? Хорошо, давай по буквам. Машины- секрет гномов? — Арвад кивнул, соглашаясь с очевидным.

— Хорошо. Ты- гном?

— Гном.

— Опять хорошо. И твои родовичи- тоже гномы. А потому ты берешь сейчас эти вот дуры и волочешь в свой гномий посад. Или гномский? Ладно. Там разбираете, обслуживаете и клепаете еще сотни две по образу и подобию- понял?

— Но секрет...

— Останется только у твоих. Твой секрет- это твой секрет, понял? К вам никто лезть не будет- я сказал и этого довольно.

— Но ведь это великое оружие... Против кого?

— Против того, кто захочет разрушить эти стены. Против того, кто вонзит кирки и бросит камни в стены Хоран-о-ном. Против тех, кто покусятся на камень, щедро политый потом и кровью гномов Рода Вайнштайн! Против тех, кто захочет разрушить...

— Дело всей моей жизни! Я понял вождь! Но...

— Слово! Только для защиты Хоран-о-ном и земель княжества. Я клянусь тебе- эти машины не будут применяться для нападения на чужие земли. Проще- Арвад, я клянусь тебе, что не пойду с этими машинами через перевал громить твоих бывших соплеменников — ты же это хотел слышать, да? Но если они придут сюда сами...

— То их кровь падет на их же глупые головы! — прошипел взбешенный гном:

— Ни гномам, ни оркхай, ни эльфам, ни человекам- никому мы не позволим разрушить великий Хоран-о-ном!

— Ты понял правильно.

Кивнув, разгоряченный гном исчез с башни донжона и вокруг допотопных метательных машин взвихрилась самая деловая суета. Ворон смотрел на эти неуклюжие метатели без улыбки — он видел, чего они стоят в бою. Даже такая примитивная артиллерия была здесь аргументом вполне значимым. Пальцы любовно оглаживали необъятной толщины стены из тяжеленного и очень прочного камня. Даже если бы гномы только построили замок и посад- Ворон уже был бы в огромном плюсе. Затевая строительство он рассчитывал на что-то небольшое и прочное- но все его чертежи пошли... Не на растопку, понятное дело и не в нужник- бумага ценилась на вес золота. Нет, листы тщательно отскоблили от неумелых каракуль князя и уже истинные мастера создали... да уж, создали, конечно. Буквально выгрызли в скале стены и помещения, а там, где не хватало- подогнали и скрепили так, что отличить их кладку от монолита на взгляд было, пожалуй, и невозможно. Полгода- смешной срок. Но не для трех тысяч пар рабочих рук, умеющих обращаться с камнем с самого раннего

детства. Впрочем, какие там три тысячи. Купцы ведут живой товар сотнями. Арвад торгуется, конечно, как истинный гном — но выкупает. Был, правда, один торговец, пытавшийся выкрутить ему руки- грозился прилюдно казнить невольников гномов, если Арвад не заплатит по весу золотом. Был. Нету больше. Разбойники, что поделать. Остальные охотно берут в уплату не только золото, но и искусно изукрашенное оружие гномьей ковки с клеймом Белой Горы — его уже знают.

— К чему ты так беспокойно готовишься, муж мой? — шепнул в ухо теплый голос и нежные руки мягко обняли.

— Тай — улыбнулся Ворон, проведя рукой по сапфировым волосам:

— Они не оставят нас, милая. Не простят ни богатства, ни независимости.

— Но сейчас даже сами Хайм со всей своей оставшейся империей не станут связываться с тобой.

— Одни- нет. Только они не одни. Мы и гномам оттоптали их короткие ножки, да и некоторым оркхай смачно в шурпу плюнули.

— Тьфу на тебя- она шутливо оттолкнула его:

— Как можно говорить такие гадкие вещи... Я прямо представила! Фу!

Она вновь прильнула к могучему телу мужа, словно большая ласковая кошка и муркнула от удовольствия, когда его рука коснулась ее роскошных синих волос.

— Ты ждешь их союза, муж мой?

— Да.

— Но если они будут вместе- есть ли надежда?

— Для этого и стараюсь, милая.

— Тебе стоит отдохнуть, Ворон. И еще- лицо ее порозовело и слова явно дались ей с трудом:

— Остальные жены... Сердиты на твое невнимание...

— Иде и впрямь есть, на что сердиться. Ладно. Я знаю, как выпросить помилование у лекарки. С этим я справлюсь. Но что надо Аюми? Торговка получила в свои цепкие ручонки почти все наши торговые операции- приходится держать ее в строгом ошейнике, чтобы не раздела догола гномов и других наших союзников. В ее руках такие горы золота, что вышептать страшно- так чего еще хочет торговка?

— Ты был с ней... слишком старателен, муж мой... И она... тоже... распробовала...

— Темная!

— Все не так плохо, муж мой. Это... привяжет ее к нам сильнее.

— Куда уж сильнее- эта «сухая ветка» и так беременна. А теперь еще...

— Ты справишься, муж мой- теперь в ее глазах было лишь лукавство и чуть-чуть насмешки.

Рыжая молния метнулась по замку, громогласно выкрикивая:

— Хоран! Хоран!

— Аюми До Хоран! Ты ведешь себя недостойно! — стальные пальцы ухватили стремительную рыжую- даже беременность не смогла обуздать несносный характер.

— О, а я как раз тебя искала, муженек! — мелкая продувная бестия не смутилась ни на мгновение и, прильнув к Ворону, демонстративно чмокнула его в щеку.

— Аюми!

— Да что опять?!

— Гномы вновь на тебя жалуются. Опять начинаются какие-то поборы...

— Да там добровольно все...

— Аюми До Хоран!!! — голос отчетливо зазвенел от гнева и потянуло арктическим холодом:

— Ты понимаешь, кукла, что ты позоришь меня?! Меня позоришь?! Жена князя побирается, как... Нищенка!!!

На лице своенравной эльфарки калейдоскопом сменялись злость, раздражение, упрямство — но теперь на лице ее властвовал откровенный страх.

— Я поторопился, когда доверил тебе ношу не по твоим плечам, Аюми Тахем.

— Я...

— Ты дура, не умеющая считать деньги!!!

Только теперь ее пробило до печени, только теперь. Лишь на секунду представив, что Он лишит ее права управления огромными ресурсами Хоран — Аюми пришла в ужас. Да, частенько она позволяла себе не совсем точно выполнять распоряжения мужа- благодарные ему гномы, эльфар и оркхай молчали. А казна пополнялась тысячами золотых. То, что Хоран раздавал щедрой рукой, она старалась вернуть- и не видела в этом дурного. Слишком уж много было золота у гномов, слишком уж много было его у оркхай. И они легко отдавали его. До поры. А сейчас...

— Я лишь заботилась о благосостоянии клана... — шепот ее был еле слышен, но это был тот самый шорох, что вызывает дикий обвал в горах:

— Дура!!! Недалекая дура!!! Обворовала ты гномов- чем Арвад будет платить за новых пленников?! Чем он будет платить за тысячи новых подданных- за кузнецов, превращающих обычное железо в произведения искусства, за ювелиров, тысячекратно увеличивающих стоимость обычного золота, за горняков, добывающих алмазы?! Как окупят лежащие в сундуке монеты такие потери?! Живущие в достатке оркхай с радостью заводят детей- но я узнаю вдруг, что мне, у которого сундуки ломаются от золота, мои ОлМаари хотят отдать едва не последнее. А женщины оркхай мудры- и одна из них не будет рожать в голод. Выгаданная тобой сотня золотых обошлась мне в сотню воинов, которые лет через пятнадцать могли бы встать под мой тотем- оркхай рано взрослеют. Паршивая сделка, Тахем! Просто дерьмовая сделка!

— Я...

— Дура!!! С чего ты взяла, что что-то знаешь лучше меня?! С чего ты взяла, недалекая, что ты можешь обсуждать мои приказы?!

— Ворон... — тихий голос Тай разлился, словно масло по поверхности бушующего океана, а прохладные ладони успокаивающе легли на взбугрившиеся от ярости мышцы:

— Аюми отлично ведет обычные дела и наш род богатеет ее стараниями.

Ободренная поддержкой Аюми открыла, было, рот- но Тай так сверкнула на нее глазами, что та вновь склонила голову, тихонько всхлипывая.

— К сожалению отец Аюми не привил ей должного уважения к старшим и к мужу- но она сожалеет. Если ты согласишься ей, более никогда не позволит себе неподчинения даже в малости. Верно ли я говорю, сестра моя? — в тихом и нежном голосе синеволосяй отчетливо послышался шелест покидающего ножны стилета.

— Да. Да! — всхлипывания прервались и Аюми едва не кричала свежим от слез голосом:

— Я клянусь, муж мой! Никогда больше! Никогда!

— Я услышал тебя, Аюми. Еще одно- в денежных делах ты позабыла об обязанностях

жены- сегодня ты согреешь мне постель.

— О, князь решил наказать меня полностью- слезы мгновенно высохли. На лицо вернулась улыбка и в голосе ее вновь послышалась легкая дерзость.

— Раз для тебя это наказание- я тебя от него избавляю- рывкнул Ворон и, вырвавшись из кольца рук Тай, сбежал по широкой лестнице к центральным воротам.

— Что с тобой, Аюми? — устало спросила Тай:

— Ведь ты же умная и расчетливая- зачем тебе его гнев?

— Ты не понимаешь! Ведь я же для него! Старалась! Хотела! А он... — слезы брызнули из медовых глаз, Тай гладила угловатые вздрагивающие плечи и успокаивающе шептала на ушко:

— Все будет хорошо, девочка. Он видит твои старания. Видит. Но не терпит дерзости.

— Да он просто не понимает...

— Это он не понимает? И кто это выставил себя дураком перед гномами? Пойми- ты перед ним ребенок. И все ваши уловки для него- открытая книга. Ты смотришь вперед на неделю. Он- на годы, девочка.

— Ты всегда на его стороне, да?

— Я его люблю.

— Я, может, тоже его люблю. И все это- только ради него, а он...

— Согрей ему ночью постель хорошенько, девочка. И все забудется, как дурной сон.

— Но он же сказал...

— ну, мало ли, что он сказал. Вот уж женские-то дела мы и сами решим. А зачем ты его искала-то?

— А... Драконида его, Сапшас этот... Одна из его самок отложила первое яйцо- и он отчего-то решил, что для Арея это будет важно.

— Кто знает, девочка, кто знает.

Глава 41. Великая битва. Начало

Хаан Аз Хайм недовольно скривился — из всей его предварительной разведки тупо заплатить Тахем опять оказалось наилучшей идеей. Нет, он, конечно же, засылал и своих лазутчиков. Благо, полукровка не мог еще контролировать всех прибывающих и убывающих с грандиозной стройки. Но чтобы вот так- посчитать почти каждого гнома, оркхай и эльфардо такого его шпионам было еще расти и расти. Удивительно- получив на руки такие исчерпывающие данные даже золото не особо жалко было отдавать. Тахем, все же, истинные торговцы. А цифры впечатляли, впечатляли. Почти восемь тысяч эльфар. Почти пять тысяч гномов — но из этих воинов хорошо, если тысяча. Остальные всего лишь ремесленники-оружие и они держать смогут, но вреда от таких немного. Смазка для мечей — не более. Еще оркхай. Племя ОлМаари оказалось почти вымершим- но полукровка умудрился подмять под себя соседнее племя Пустынных Кархов. Наверняка просто купил за золото. За золото, которое украл у рода Хайм! Хаан отчетливо скрипнул белоснежными зубами. Темная! За один только оборот все вдруг встало с ног на голову. Подумать только- еще недавно он радовался поводу развеять однообразие и скуку- а сейчас эта размеренность и скука была недостижимой целью. Полукровка просто взорвал неторопливое общество эльфар. И Хаан судорожно пытался собрать и склеить осколки.

Трясаясь почти в середине огромного союзного войска, патриарх Хайм не бесился от вездесущей пыли, а вполне удовлетворенно созерцал дело рук своих. А растянутая на марше по тракту тысяченогая и тысячелапая железная змея впечатляла. Пять тысяч железнобоких- в бою эти гномы будут закованы в полный доспех. Вооруженные тяжелыми топорами и неуязвимые для стрел, даже эльфарских, эти ходячие мини-крепости в ближнем бою противники страшные. Пять тысяч железноруких с их дикими машинами. Почти две сотни массивных и неповоротливых метателей- стоит представить себе силу даже одного залпа- и становиться очень не по себе. Огромная сила. Пять тысяч эльфар- в основном, конечно, это Хайм- так себе воины. Но есть и мечники Рахим, и святоши Альвари и оставшиеся верными Тахем. Не все ушли за дерзким полукровкой, совсем не все. Мудрый Хайм оставил поредевшим Родам все их имущество- и в один миг оставшиеся стали стократ богаче ушедших. И пусть Рода сильно поредели- но старых родов империя не лишилась.

Тысячи три — четыре оркхай — дикая и неумная орда, обладающая, однако, огромной силой. Ни дисциплины, ни приличного оружия и доспехов- но они примут на себя первый удар- а там уж в бой ввяжутся и те, кто умеет воевать хорошо. Будь это все- Хайм не рискнул бы штурмовать укрепленный замок этого проклятого Хоран. Но этот пирог венчал сочный плод тхайи- десять тысяч драконидов мерно шагали в арьергарде огромной армии. Бронированные самой природой немногим хуже железнобоких, обладающие силищей не меньшей, чем оркхай и змеиной реакцией — эти дикари стоили каждой медяшки из целой горы золота, уплаченной за найм. Двойственные чувства- потерянных денег жалко, но когда от мерной поступи этих машин смерти вздрагивает земля- в груди теплым потоком растекается удовлетворение от хорошо сделанной работы.

Уставший идти медленно и аж приплясывающий от избытка сил однорог легко вознес Хаана Аз Хайм на вершину холма, с которой крепость проклятого полукровки была уже видна. И Хайм озадаченно почесал затылок.

— И мы должны штурмовать ЭТО? — в голосе молодого гнома звучал явный сарказм- и,

надо сказать, Хайм вполне понимал причину. Даже на таком серьезном удалении зрелище было внушительным- и подавляющим. В отчетах соглядатаев говорилось о заложенном городе- Тахем вообще писали о городе прямым текстом, но город за полгода... ну это же просто смешно. Или нет? Нет. Совсем не смешно. На месте, где раньше была уродливая скала был действительно город- и крепкий город. С мощной и высокой оборонительной стеной из подогнанного серого камня, прочного даже на взгляд. С вычищенной от малейших признаков растительности на хороший полет стрелы зоной безопасности. Разбитый на шесть секторов- с широкими, словно по линейке проведенными улицами. Ровные ряды двухэтажных каменных домов с плоскими, словно блин, крышами, соединенные для чего-то на уровне крыш легкими переходами. И уже на самом возвышении- угрюмая громада замка с глухой высоченной стеной. Темная! Очень длинной стеной- огромный квадрат со стороной шагов в пятьсот. И вынесенные толстые башни для удобства обстрела тех, что под стенами. Темная!

Город хранил молчание. Даже на таком отдалении были отчетливо видны распахнутые ворота и пугающая пустота. Ни звука, ни дыма, ни грохота кузни, ни скрежета тележных колес по брусчатке. Словно вымерли.

Десяток воинов с криками и гиканьем оторвался от оркхай, возглавлявших союзное войско. Орда замерла, тщательно вглядываясь в разведчиков. Вот десяток мелких на фоне громады стены фигурок опасно пронесется мимо распахнутых ворот. После осторожно подбирается поближе, ожидая стрелы или камня. Вот медленно, по шагу, втягивается в раскрытые ворота вся свора. Ожидание. Вдруг из ворот выметнулась одинокая фигура, летящая обратно наметом. Однорог распластался над землей, словно за ним гоняться все демоны нижнего мира. Но, оказалось, демоны подгоняли не снаружи- внутри. Однорог поднял кучу пыли, а мгновенно развернувшийся его оркхай заорал:

— Город брошен! Дома и лавки открыты! Они сбежали! — и, ударив зверя под бока, рванул назад к воротам. Ошеломление длилось секунду. Потом первый, самый догадливый, тронул бока, неспешно посылая однорога вперед. Второй- не самый догадливый, но тоже соображающий, ожег своего зверя плетью и понесся догонять вестника, мгновенно обойдя соплеменника. С гиканьем, хохотом и воем орда, как весенняя вода, прорвавшая хлипкую плотину, рванула к городу. В широченных воротах возникла давка- вопли и проклятия оркхай смешивались с диким ржанием однорогов, воем грохотом и скрежетом.

— До чего глупы- кархи сами лезут в кархоловку- да еще и бьются за место получше- в голосе молодого гнома было презрение пополам с насмешкой.

— Паршивые союзники у тебя, эльфар. Это даже не смазка для мечей, а мишени для их стрел.

— О чем ты, гном? — от удивления Хайм позабыл о вежливости, но наследник гномов не обратил на это никакого внимания.

— Тысячелетиями мой народ ловил вас, оставляя покинутые богатые шахты с тачками, наполненными золотом и камнями. Ослепленные жадностью, вы сами загоняли свои войска глубоко под землю- туда, где так легко было, обрушив выход, затопить или отравить вас рудничным газом. А уже потом достать и свое золото и скверное железо вашего оружия и доспехов. Вы могли бы уже запомнить- но не помните. Вы могли бы уже научиться избегать таких ловушек- но вы не учитесь.

— Затопить? Тут нет воды, гном.

— Имеющий цель-найдет способ.

Толстенная кованная решетка рухнула из самой стены, развалив по пути пяток оркхай вместе с однорогами. Спрятанная до времени в толще камня ворот- она была невидима для оркхай, искусно скрытая тонкими каменными срезами, разлетевшимися невесомой пылью, когда вся невероятная тяжесть тугого толстого металла рухнула, вбивая в брусчатку зубья, намертво перегородив ворота. Орда оказалась разрезана примерно пополам- часть набилась в город, словно сельди в бочку- часть бестолково топталась около огромной стены- но недолго. Безмолвный город ожил. Вдруг оказалось, что дома с распахнутыми настежь дверями только на первой линии- а проходы вглубь города перегородены стальными решетками выше роста всадника. По беснующейся на отгороженном участке тысячной толпе в упор ударили заранее пристрелянные баллисты. Демонские машины, снабженные присоветованными Вороном рычагами, делали по выстрелу за десять ударов сердца, а страшные копы прошивали по десятку оркхай, успокаиваясь в одиннадцатом. Выставленные заранее сектора обстрела и плотность огня- у оркхай были бы шансы, если бы не орды лучников Тахем. Они наводнили плоские крыши, перетекая на наиболее выгодные позиции по удобным переходам с высокими, защищающими от выстрелов снизу, бортами. Оставшимся снаружи повезло больше- стрелки с башни барбакана и широких стен собрали, конечно, кровавую жатву. Но полторы сотни убитых мгновенно и полсотни раненных из тысячи, оставшейся снаружи тысячи ни в какое сравнение не шли с потерями тысячи внутри. Тех вырезали полностью- в запале многих перемолотили вместе с несчастными животными — копы баллисты не разбирает, где оркхай, где его одноног. На мгновение оставшиеся снаружи уверовали в свое спасение- в то, что сегодня Темная не одарит их поцелуем, уводя в свое царство- но тщетно.

— Карх! Карх! — влетевший в орду строй мощных воинов на огромных племенных однорогах в одинаковых вороненых кирасах и с великолепным оружием напоминал привычных оркхай очень мало. Четкий клин разрубил гомонящую орду надвое, а затем принялся методично уничтожать остатки.

— Откуда?! Откуда взялись... Эти?! Глаза нам, что ли, отвели?! Это же невозможно...

— Для вас- да. Невозможно. Но для настоящего гнома укрыть отряд в складках местности... Пф. Нет ничего легче.

— Их прятали... Ваши?!

— Вполне вероятно. Если уж они не постеснялись раскрыть секрет метателей... Вот за это они все умрут. То, что они предали свой народ, заставит моих воинов сражаться яростно.

— Не знаю, достаточно ли будет тут одной ярости. Оркхай просто уничтожены- а мы даже не помогли...

— Как? Мы и ваши наемники пеши. Посылать верховых лучников в рубку тяжелой кавалерии? Для чего? Получше смазать им мечи? Вот уж нет- клыкастые все это затеяли сами. Глупо взваливать на себя ответственность за того, кто игнорирует твои приказы.

— Пожалуй- Хайм смотрел на молодого гнома с неподдельным уважением. Вначале он воспринимал сына короля гномов, словно куклу. Атрибут для антуража, вроде флага или герба а дверце кареты. Опасная ошибка.

— Что предлагаете, уважаемый союзник? — учтиво улыбнулся Хайм, передавая инициативу, словно более старшему. Принц понял и легонько кивнул, обозначая благодарность:

— Что ж, кавалерия свое невнятное слово сказала. Теперь время тяжелой пехоты и осадных машин. Надеюсь, ваши наемники более управляемы, чем союзники?

Хайм на подобную шпильку лишь улыбнулся:

— Драконицы в ладах с дисциплиной. Не буду говорить, что они исполнительны, словно гномы- но они подчиняться- и сделают именно то, что им скажут.

— Годится. Тогда так- пришлите мне их старшин, я расскажу им, что от них хочу. Железнобокие пока натянут и закрепят броню, а железнорукие переведут метатели в атакующее положение. Вас не оскорбит мое командование?

— Нисколько! В атаке подобных укреплений у меня нет опыта- а потому я счастлив передать руководство более сведущему. Даже более того- прошу вас располагать и эльфам.

— Что ж, мечники и лучники лишними точно не будут. Вот только колдуны... даже и не знаю.

— Они лекари, принц. Хорошие лекари. Прямо очень хорошие.

— Ну да, таким, конечно, найдется работа. Славно.

— Начинаем осаду, принц?

— Да. Начинаем правильную осаду!

Глава 42. Правильная осада

Союзное войско медленно, без суеты разворачивалось перед центральными воротами Хоран-о-ном. Хитрые гномы так сравнивали окружающий ландшафт, что с любой другой стороны штурм проходил бы в крутую гору и высота и так немалых стен становилась и вовсе недостижимой. Здесь же была ровная широкая площадка шириной ад в тысячу шагов- наилучшее место для развертывания боевых порядков.

— Не идем ли мы на поводу у врага, принц? Очевидно же, что хитрый Хоран просто загоняет нас на единственное подходящее место для штурма.

— Даже если его метатели пристреляны на эту площадку- что это меняет? Железнобокие не пойдут в гору- они и так довольно неповоротливы.

— И что же мы будем делать?

— Железнорукие развернут метатели и раздолбят стену. А дальше- мои железнобокие и ваши чешуйчатые ползут в атаку- а лучники эльфар станут их прикрывать.

— Долго.

— Ну, оркхай попытались уже быстро- результат не сказать, чтобы очень обнадеживающий. Не скажу, что кавалерия будет так прямо необходима при захвате — но не помешала бы, конечно. Но от твоих оркхай, эльфар, было больше беспокойства, чем пользы- так что все к лучшему.

— Темная! Три тысячи верховых, размазанных, словно плевок по мостовой! А этим и пальца не оттоптали!

— Ну не так уж, конечно. Досталось и им. Немного, но досталось. Впрочем, для нас это... речь принца оборвал гортанный крик одного из железноруких. Прилетевшее на излете копьё баллисты тяжело ахнуло в твердую землю и задрожало.

— Плохо! — зло выплюнул гном.

— Прямо очень плохо!

— И что это значит, принц? Поясните несведущему в осадах?

— Это граница, за которую нам нельзя заступать. Они обозначили, как далеко могут дотянуться их метатели.

— И что?!

— Да то, что с высоты стен и башен их дротики и камни полетят дальше. А эти дети Темной еще и как-то усилили метатели. Наши попроще- так далеко не дотянуться.

— Так и что делать-то?!

— Успокоиться и думать! Не знаю пока! Пока не знаю.

Над замком хрипло закаркала и заухала боевая труба.

— Ну вот и славно! Переговоры- хоть какое-то движение- с облегчением выдохнул Хайм. Но гном лишь недовольно скривился:

— Паршивый повод для радости, если честно. Переговоры ведут равные по силе- а мы, вроде как, должны бы обладать огромным перевесом? Или уже нет? Эльфар скривился:

— Переговоры ведут и о капитуляции, союзник. Вполне возможно, что увидев нашу мощь, Хоран решит сдать крепость без боя.

— Это после того, как с легкостью перемолотил три тысячи оркхай?! Дорога устелена трупами, а со стен то и дело сбрасывают еще и еще. Уже завтра тут будет такая вонь, что глаза выест. Этим хоть немного защитит стена- а мы хлебанием в полной мере удушливого

трупного яда. Хоран жесток- в голосе странного гнома Хайм не услышал злобы- лишь холодная констатация и ... Одобрение?

Труба прохрипела еще раз- требовательно и зло. Гном протрещал что-то на своем подгорном наречии- и в ответ заухала такая же неприятная труба, но уже с их стороны. Хайм с немалым удивлением наблюдал, как огромная и толстая решетка, намертво перекрывшая широченные ворота, качнулась легонько и, почти беззвучно, медленно поползла вверх, полностью скрываясь в толще стены.

Не сговариваясь, гном и эльфар, сопровождаемые немногочисленной охраной, медленно двинулись в сторону открывшихся ворот.

— Удивительно...

— Всего лишь система противовесов, эльфар. Ничего сложного- резко бросил гном. Но, осознав, что в нем говорит раздражение и злость, все же поправился:

— Хотя сделано, конечно, добротно. Но грубо, грубо.

— В их положении прочность важнее изящества, принц.

— Настоящий гном не позволил бы себе бросить работу на полпути.

— А работа и не закончена!

Два гнома стояли друг напротив друга, словно отражение. За спиной принца гномов стояла высокая фигура Хаана Аз Хайм. За спиной главы клана Вайштайн стоял князь Арей Ард Хоран, глава рода Хоран, последний потомок истинного Императора. Впрочем, сейчас они были как статисты- два гнома прожигали друг друга взглядом и каждое их слово ловили тысячи разумных по обе стороны огромной стены.

— Отверженный!

— Твоим родом- да, гном. Но твой род- это совсем не весь народ гномов. А гномы- совсем не все разумные, которые населяют этот мир.

— Каково это- быть предателем?

— Не знаю. Не мы отказались от Основателя- он отвернулся от нас. Спроси у Него. — принц пошатнулся, словно т оплеухи и неверяще посмотрел на изгоя:

— Ты в своем уме?! Безбожник, ты обвиняешь Его?!

— Обвиняю? Нет. Обвинять- это твое дело. Я не хочу обвинять- случилось, что я не нужен Отцу- пусть. Я благодарен за жизнь. А что до веры- у каждого разумного кроме отца есть и Мать- и она милосердна и не отвергает своих детей.

— Ты! И ты променял Его милость на...

— Следи за языком, гном! Высокий род не спасет тебя, если ты оскорбишь Ее- даже твои союзники обратят против тебя оружие! Молодой принц невольно обернулся на стоящих позади эльфар- и брань, готовая сорваться с уст, льдом застыла на языке.

— Пусссть так- шипение гнома напоминало невнятную речь дракониды:

— Пусть так, отступник. Но что ты скажешь про метательные машины? Ты выдал наш секрет эльфар! И оркхай! Ты предал всех нас!

— Нет. — голос главы клана Вайштайн был чист и безмятежен.

— Нет?! Твои катапульты готовы убивать гномов- и ты говоришь нет?!

— Ни один истинный гном не поднимет руку на камень, политый потом и кровью гномов. Я, гном Арвад, лишенный рода твоим отцом только за то, что душа моя требует созидать а не убивать, говорю тебе- это мой камень, моя кровь и мой пот. Это дело моей жизни- и любой, кто поднимет руку на Хоран-о-ном- это враг мой кровный. Ибо сказано в древнем Законе- что создал один гном- другой не разрушит. И любой, кто посягнет- уже не

гном для меня. В зазвеневшей тишине на стенах безмолвно поднялись тысячи невысоких фигурок, казавшихся с такого расстояния просто игрушечными. И тысячи голосов сплелись в один, повторяя древние слова:

— Это мой камень, мой пот, моя кровь.

Хайм нервно поежился, глядя на посеревшего гнома и не удержался:

— Этот ритуал действительно что-то значит?

— Кое что значит, уважаемый Хайм. Этот ритуал значит, что Вы потеряли одного союзника- губы Арея Ард Хоран дернулись в намеке на легкую улыбку. Один раунд союзное войско уже проиграло.

Хайм взглянул на потерянно стоящего союзника и понял, что нанесенный удар действительно страшен. Клятву гномов видело все союзное войско- и теперь принцу предстояло повести гномов убивать гномов, которые защищают свой камень. Нарушить все родовые заповеди и каноны и покрыть себя и их вечным позором. Или- не повести.

Лицо молодого гнома заострилось

— Слушайте меня! Всю вину я, как единый вождь объединенного войска, принимаю на себя. Это мой позор и мое решение!

Тишина стала звенящей от напряжения и Ворон ощутимо напрягся- тысячи гномов, готовых к бою напряженно замерли, готовые ринуться в бой по первому звуку. И Ворон уже воочию видео горы трупов и реки крови, когда молодой голос зазвенел в тишине:

— Я отказываю тебе, эльфар, в исполнении договора. Гномы не станут лить кровь гномов- даже отступников. Есть слово и к тебе, отступник. Многие из родов благодарны тебе за то, что ты вернул их детей. Многие из родов впечатлены тем, что ты вернул их детей не потребовав платы. Многие из высоких родов говорят, что так надлежит поступать истинным гномам и говорят о поспешности изгнания. Так не надейся! Что бы ты не сделал- твой род не примет тебя обратно, изгой! Но дела твои столь велики и славны, что тебе и твоим родовичам даровано право гостя. Ты не враг нам, Вайштайн и ты можешь быть гостем королевства. Только гостем.

По лицу патриарха Вайштайн текли слезы. Он медленно опустился на колени.

— Я благодарю за щедрость, принц. Вы дали возможность посетить камни надгробий предков- и этого нам довольно. А дом- дом у нас уже есть. Молодой гном лишь кивнул и медленно пошел к зашевелившемуся войску. Первый его шаг словно запустил цепную реакцию- гномы споро собирали лагерь, образуя походную колонну. И всего через несколько минут эта многоногая и многоголовая махина повернулась со скрипом, грохотом и скрежетом и тяжело тронулась с места. Гномы уходили.

— Ладно. — Хайм дернул щекой в раздражении:

— Ладно. Пусть. Темная с ними- с бешеными оркхай и повернутыми на традициях гномами. Как быть с нами, Хоран? Как быть с тобой, разорвавшим империю эльфар надвое?

— А есть ли империя, Хайм? Есть ли империя без императора?

— Эрдор Ти...

— Не говори мне за этого ублюдка! Ты всерьез думаешь, что никто не догадался, отчего этот недоумок не смог призвать силу крови? Твои изменяющие тело отлично поработали и твоя кукла действительно похожа на Императора- но не более. Хоран — я. Последний потомок Императора — я. Та самая империя, о которой ты так печешься- это я.

— Это ложь!

— Ложь? Ну давай решим это здесь и сейчас! Перед тем, как эльфар начнут проливать

кровь других эльфар. Хоррр-аннн! — кровь щедро плеснула на землю, а в воздухе вспыхнула целиком огромная истинная Императорская печать, толстые линии которой звенели от переполняющей силы. Хайм с огромным раздражением признал, что Хоран стал силен, очень силен.

Кто толкнул вперед Эрдора — останется загадкой ушедших. Но кукольный мальчик вдруг полоснул по руке ичистым и ясным голосом произнес:

— Взываю к истинной крови Хоран!

Лицо его вспыхнуло, озаренной внутренним светом. И вспышка эта совпала с ударом его сердца. Робкая надежда закралась в сердце Хайм- неужели повезло? Неужели действительно император успел?

Вторая вспышка, еще ярче первой. Славно. По силе не полукровка- но этого и не нужно.

Лицо Эрдора вспыхнуло ослепительным светом, резанув по глазам не хуже светошумовой гранаты.

— Истинная кровь, Хайм. Истинная кровь. — полукровка подчеркнуто презрительно стряхивал с наручей пушистый белый пепел — все, что осталось от самонадеянного Эрдора.

— Знаешь, Хайм- достойнее тебе было бы взойти на трон самому. Ты глава высокого рода и все права на трон у тебя были. А поставить во главе государства ублюдка, рожденного любовницей императора от непонятно кого... — Хоран покачал головой:

— Ну, ты же не ждал многого от такой империи? Лица эльфар были потерянными- не только пришедшие с ним верные старому долгу Рахим и Альвари опускали оружие. Даже беспринципные Тахем не готовы были умирать неизвестно за что. Даже его родовичи Хаим опускали глаза- и опускали хиссы и луки. Темная!

— Темная с тобой, Хоран! Но я заставлю тебя заплатить! За оскорбление ты заплатишь жизнями твоих эльфар и того сброда, что ты приютил! Играйте атаку! Время отрабатывать золото, наемники!

Хайм развернулся и бегом рванул к редющему союзному войску. Хоран со спутниками неторопливо вошел в ворота. Решетка так и осталась поднятой.

Десять тысяч драконидов сделали шаг- и земля содрогнулась. Десять тысяч наемников с отменно крепкой шкурой шли, чтобы отработать золото. Огромная колонна медленно шла к открытым воротам- а решетка все не падала. Когда первым рядам оставалось лишь двадцать шагов, навстречу им вышел Шиисс. Драконид был в отличной броне, а копьё

Его сияло полированным наконечником. За спиной его стояло пять драконидок- и шеи их были повязаны белым шелком. Знак матерей, идущих на смерть за Гнездо. Войско наемников словно ударилось в стену. Предводитель драконидов зашипел, а Шиисс зашипел в ответ, обведя лапой замок. А потом воткнул копьё острием между камней и сел посередине дороги. От наемников отделились три дракониды и подошли к самкам. После эти трое в сопровождении самок беспрепятственно вошли в город. Все это время Шиисс сидел на дороге перед замком и ни один драконид, кроме тех трех, не сдвинулся с места.

Тишина, наполненная лишь щебетом осмелевших птиц и шелестом теплого ветра. Огромная армия, застывшая на пороге крепости и одиночка, застывший ей единственную дорогу.

Хаан Аз Хайм толком не понимал, что именно происходит- но предчувствия вопили, что и этот раунд он проиграл. Трое драконидов вышли из ворот в сопровождении самок. Шиисс встал и самки встали за его спиной. Дракониды влились в огромную армию и армия сделала шаг. Назад.

— Ну вот и все, милая! — Ворон взъерошил синюю гриву Тай, а та даже не заворчала на него привычно — во все глаза смотрела на утекающую от стен города орду, ранее бывшую единым союзным войском. И Тай не выдержала:

— Это ведь из-за Шиисса, да?

Ворон усмехнулся:

— Скорее уж, из-за его девчонок. Для драконилов немисливо напасть на гнездо сородича. Кстати, драконилки вынашивают яйцо около четырех месяцев.

— А зачем их было целых пять? И одной хватило бы.

— Я, конечно, верю в Шиисса- но пять шансов в пять раз лучше, чем один- расхохотался в ответ Ворон.

Они стояли на вершине надвратной башни, любуясь на отходящие войска и наслаждаясь легким и теплым ветром.

— И что мы теперь будем делать дальше, муж мой?

— А разве все проблемы с рождаемостью у эльфяров уже позади? Разве возрожден уже род Хоран и на всех землях княжества процветание и безопасность? Мы всего лишь захватили территорию и отстояли свое в первой стычке. Но дел еще много милая. Дел еще очень много.

Больше книг на сайте - Knigoed.net